

БОРИС АКУНИН

БОХ И ШЕЛЬМА

**ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

**БОРИС
АКУНИН**

БОХ И ШЕЛЬМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Серия «История Российского государства»
издается с 2013 года*

Оформление переплета — *Екатерина Фerez*

Иллюстрации *Игоря Сакурова, Михаила Душина*

Акунин, Борис

А44   **Бох и Шельма: [повесть] / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 288 с.: ил. — (История Российского государства).**

ISBN 978-5-17-982578-4

«Бох и Шельма» — плутовская повесть о русском средневековье, а еще это уникальная возможность для читателя задуматься о ключевых вопросах, ответы на которые и сегодня остаются открытыми. Немецкий купец Бох знает, что русский парень Яшка — продувная бестия, но все равно нанимает его на работу. Зачем? Бох говорит: «На свете знаешь чего меньше всего? Нескучного. От людей мне давно скучно, а ты занятный. Дорога-то длинная». Изворотливый ум несет Яшке и удачу и беды — то он вор, а то герой. Начиная с мелкого жульничества, Шельма постепенно дорастает до первого крупного дела...

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

© В. Акунин, автор, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

**ЖИТНЕ
ПЕСВЯТОГО НАКОВА**

Еще раньше, чем Яшка увидел его самого, по толпе будто прошла рябь, как бывает, если по пруду плывет толстый гусь или величавый лебедь.

Людей всяк делит по-разному. Кто глупый — на красивых-некрасивых иль на хороших-плохих. Кто поумнее — на сильных-слабых иль богатых-бедных.

Яшка по прозвищу Шельма различал человек по стати и прыти — с первого взгляда. И ошибался редко.

Кто-то тяжелый и бредет через жизнь, будто хромой по каменистой дороге, всё кряхтит да спотыкается. Другой никакой — веса не имеет, земли почти не касается, лишь ножонками болтает, будто есть человек, а будто и нету. Третий

бык быком: валит напролом через бурьяны, не посторонишься — затопчет. Бывают тихие, но опасные; змеей извивается, шипит негромко, зато язвит насмерть.

Сам Яшка про себя говорил: я — мотылек, с резеды на василек. Нынче здесь, завтра там, и всегда на солнышке. А вернее сказать, комарик. Потому что мотылек — букаха неплотная, некусачая, цветочным духом живет, а Яшке для пропитания требовался красный сок-кровушка. Много не надо, брюшко маловато, но положенное отдай. И за что комаров обижают, норвят прихлопнуть? Жалят они легонько, крови отпивают малую капельку — только от самых тучных. Им, пузанам, даже и для здоровья полезно.

Недавно, наблюдая, как юркий воробышка утаскивает у дурака-голубя кусок втрое больше себя, Яшка задумался. А ведь и он мог бы не крохоборничать, взять зараз три или четыре веса да зажить по-другому. Или не сдюжил бы, надорвался? Но мысли у Шельмы, как и он сам, были легкие, нецепкие. Не додумал думу до конца, перескочил на другое.

«Шельмой» его прозвал ганзейский немец Бох, о котором и вспоминать неохота, потому

что зачем вспоминать плохое? Но, с другой стороны, и не забудешь, если все глядят на лоб, спрашивают и приходится врать.

«Шельма» — немецкое бранное слово, пишется ихними латинскими буквами Schelm. Яшка всякую грамоту разбирал: и свою русскую, и латинскую, и татарскую. Любое наречие к нему приставало легко, потому что мотыльку-комарику полезная наука — одно порхание. И языков знал много, шесть или семь. На каждом изъяснялся так, что принимали за своего, имелся у него от природы на то особый дар. Оказавшись в чужом месте, среди чужих людей, он очень скоро принаравливался к тамошней жизни и становился своим. Всё в себе менял и даже звался всюду по-разному — как нарекут.

В отрочестве откликался на имя Ничейка, короткое от Ничейсын, потому что он и был ничей сын, отца-матери не помнил, родни не имел. Да мало ли, как когда Яшку звали. Вот третьего дня шел он через Торг по спешному делу (у Яшки все дела были спешные), вдруг сзади хватъ за рукав: «Татарчик! А ну постой!»

Человек какой-то. Лицо не то чтобы знакомое, но по «Татарчику» сообразилось: кто-то из Твери, где три года тому Яшка неплохо поторго-

вал на базаре целительными зельями. Татарчи-ком его тверичи прозвали, потому что он объ-явился татарским знахарем, благо был скуласт, черняв и малость раскос.

Тверичанин этот, который схватил, говорит: «Ну, гад, у меня от твоей зелень-травы рожу на сторону перекосило. Душу из тебя выну, паскуда желтоглазая!»

И правда, рожу у него с одной стороны вы-пирала больше, чем с другой. А лапы сильные: ухватили — не вырвешься.

Шельма всплеснул руками, затараторил, ло-мая язык на татарский лад:

— Мила-человека, а ты как мазался? С одной щеки иль с двух?

— С двух!

— А с заговором? Сказывал я тебе колдов-ское слово али нет?

— С заговором. «Зеленюху-траву́ на мою го-лову́, а траву-зелёнушку на чужу головушку».

— С ума ты сошла! Перепутала! — закричал Яшка. — Надо было: «Зеленюху-траву — на чужу голову, а траву зелёнушку — на мою головушку». Ты думай сам! Как это ласковое — да другому отдавать? Вот тебя, бачка, и разнесло. Ай, беда!

Теперь вдвое лечить надо. Но это и вдвое стоить будет.

Отболтался, дело привычное — язык Яшку никогда не подводил. Еще и денег взял с тверского лопуха за горшочек грязи, которую, сбегав, на заднем дворе из лужи зачерпнул.

Один только раз не выручил язык, с немцем Бохом, про которого начало сказываться, да сбилось. Очень уж башковитый оказался немец, других таких Яшка в жизни не встречал.

Позапрошлый год поплыл он на корабле за море — из любопытства, мир поглядеть. К тому же надо было из Нова-города на время отлучиться, перешалил он здесь немного.

И принесло комарика морским ветром в хороший город Любек, ганзейскую столицу. Покрутился Яшка, принялся — устроился на хорошее место, к богатеющему купцу-гостю, который с Русью и иными странами вел торговлю красным товаром. Тому гостю как раз нужен был приказчик по русским делам.

Доверять новому приказчику хер Бох не доверял, потому что умные никому не доверяют, а ценить ценил. И пока Яшка приглядывался, что

бы тут взять, жили они с хозяином ладно. Бох советовался про Русь и про торговое, посмеивался Яшкиным прибауткам, щедро платил. Его, Боха, и самого послушать было занятно — дядька тертый, бывалый, белый свет повидал даже больше Яшки. По стати и повадке определил его Яшка в особую породу, какой еще не встречал: был Бох похож на пузатый купеческий корабль, который плывет далеко-далеко, одному ему ведомым курсом, за великим хабаром.

Хозяин называл своего русского слугу «Йашка». Но это имя у Яшки тоже было не природное, не крестильное. По правде сказать, он и сам не знал, крещеный он или нет. Где появился на свет, тоже неизвестно. С тех пор как начал себя помнить, обитал в Новгороде — стало быть новгородец, хоть ни к одному из новгородских сословий не надлежал. Ни к «черному», ибо черной работой рук не грязнил, не имел такой привычки; ни к «житьемому» — по необладанию собственным житьем и общей воздушности обитания; ни к купецкому — это надо большие обороты иметь, а взяться им неоткуда. Да и скучное это дело, коли честно торговать. А коли нечестно — надолго в сем почтенном сословии не удержишься.

...Опять с одного на другое соскочило.

Про имя «Яшка». Оно образовалось вот как.

Когда-то давно, в детстве, ночевал отрок Ничейка в поле, в стогу, и приснился ему чудесный сон. Будто стоит в том поле многоцветная радуга. Подходит к ней Ничейка, и оказывается, что она не радуга, но лестница. И начинает он по ней подниматься, легко так, радостно. Наверху же нечто сияет, манит. Будто бы солнце, но золотее, чем солнце. Приблизился — золота и есть. Как грош золотой, но в тысячу раз больше. Протянул Ничейка руку — потрогать, а получится, так и себе забрать, но от волнения вскрикнул и проснулся. Жалко. Однако сон этот волшебный на всю жизнь крепко запомнил, потому что ничего красивее не видывал.

А лет десять назад, в городе Муроме, зимой, зашел в церковь, погреться. Поп читал проповедь, но Яшка (тогда еще не Яшка) сначала не слушал. На кой они нужны, проповеди? И вдруг краем уха поймал такое, что обмер. Старик священник рассказывал про лестницу, приснившуюся библейскому человеку Иакову. Поднималась та лестница до самого неба, и сияли на ней разные чудесные чудеса. Тогда-то решилось про имя: будет оно Яков.

Ах да, про Боха-то.

Когда Яшка прижился на купеческом подворье, освоился, сделал он потихоньку слепки от всех ключей и начал из железного сундука, где у хозяина хранились оборотные деньги, именуемые «капитал», по дукатику золотому вытаскивать, а на их место клал медные кругляшкí — поглубже, на самое дно. Рассчитывал месяцок-другой так подхарчиться, а потом дальше по ветру улететь.

Но попался уже на третий день. У немца, гада, сундук оказался хитрый, стоял на особых весах. А поскольку медь легче золота, Бох почти

сразу приметил неладное — и, конечно, догадался, кто тут такой умный. Другие-то приказчики все были дураки немецкие, им бы и в голову не пришло, а пришло бы — всё равно не попользовались бы, потому что немцы вообще дураки. Один только среди них умный — Бох, и надо же было Яшке именно на него угодить.

Попался с поличным — с рукой, запущенной в сундук. Будто кот, который сунул морду в крынку со сметаной да застрял.

Яшка, конечно, стал врать. Верткий ум и острый язык его из всяких переделок вытаскивали. Он-де заметил, что сундук ненадежен, и решил испытать, хорош ли за капиталом догляд, а коли не верите — всё золото, ране изъятое, лежит в надежном месте и на нем бумажка, и в бумажке той писано: «Сии дукаты надлежат честному херу Боху, коему прошу их и передать, если со мной, верным слугою Йашкой, случится какая беда». Бумажку такую он в тайник и правда положил, на всякий случай.

Но Бох на эту хитрость только посмеялся. Сказал: «По нашему закону за воровство положена тебе виселица. Но жизни лишать я тебя, черта желтоглазого, не стану, потому что жалко такую хитрую башку отдавать на поклев воро-

нам. Однако и урок тебе дам на всю жизнь. Помечу как шельму. Чтобы каждый раз, глядя на себя в зеркало, ты знал, кто ты есть и как тебя на самом деле зовут. И чтобы Боха не забывал».

У Яшки от рождения посередине лба было круглое пятно медового цвета, которым он гордился, почитал знаком своей особенности. Волею хозяина прямо на родинке выжгли Яшке клеймо: букву S, первую в слове Schelm.

Потом поволокли, от боли орущего, кинули в трюм ганзейского корабля, уходящего в Новгород: плыви, плут, восвояси, откуда приплыл.

Зеркал на Руси, слава богу, мало, так что глядеться на себя Яшке было некуда, но люди, конечно, про кружок с загогулиной все время спрашивали — что-де за обозначение.

Отвечал он по-разному, глядя по надобности. Свою мету со временем Яшка даже полюбил, она была красивая, на Руси ни у кого такой не имелось. И полезная. Умному человеку всё на пользу. Довелось клейму побыть и персидским царским знаком, и колдовской печатью, и древним юдейским пророчеством, и много чем. Звучное слово «Шельма», русским людям непонятное, Яшке тоже понравилось. Взял себе в добавление к имени. Если ты объявляешь себя просто Яш-

кой — ясно, что человечешко ты мелкий. Иное дело «Яков Шельма» — хоть боярину впору.

Но польза пользой, а Боха, ирода немецкого, Шельма по все дни помнил. Радовался, что больше не встретятся.

И вдруг — на тебе.

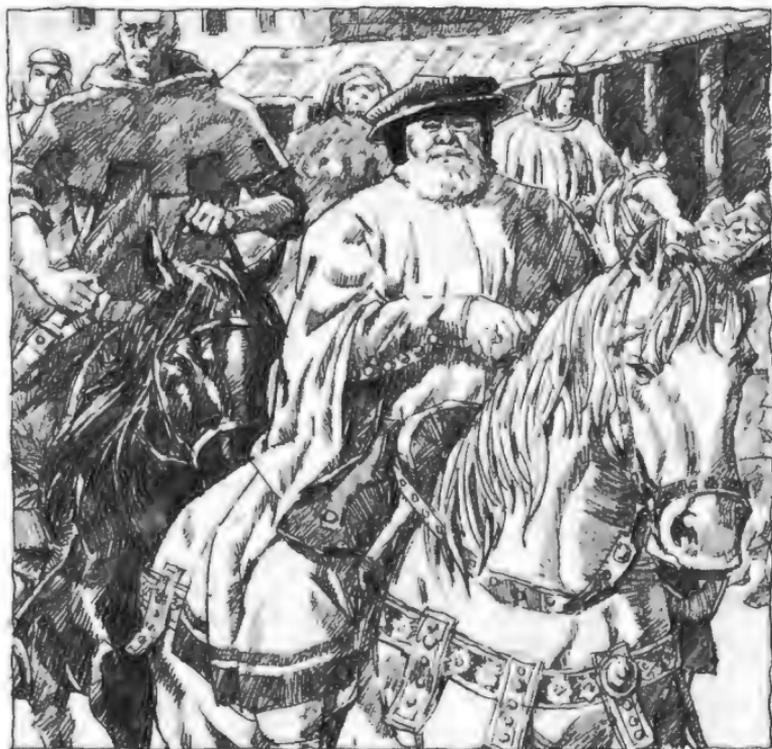
* * *

Придется вернуться в самое изголовье и начать заново, а то нескладно получается.

Стало быть, шел Яшка Шельма погожим майским днем по Ярославову дворищу, где всегда не протолкнешься, и заметил в толпе некое шевеление, будто волны по воде. Яшка на цыпки привстал (росту он был скромного): кто это такой важный, не посадник ли, не тысяцкий? Нет, вроде бы чужеземное посольство.

Ехали верхами какие-то люди, не по-русски одетые. Пригляделся Яшка к переднему всаднику — ох! В груди стало холодно, а посередке лба, наоборот, горячо.

На толстом, сонном мерине ехал хер Бох, тоже толстый, с сонно прикрытыми глазами, седобородый, с круглыми румяными щеками, со сложенными на брюхе пухлыми маленькими ру-

ками. Яшка сначала не поверил зрению, потом испуганно присел. Он знал, что купчина только выглядит квелым, а на самом деле глядит зорко, не упускает никакую мелочь.

Что это его в Новгород принесло? Ради какой такой надобности?

Дальше — хуже.

За Бохом ехал его верный слуга, конопатый Габриэль, самый страшный человек на свете.

А может, и не человек, но исчадие подземное, чудлище адское. Никого и ничего на свете Яшка не боялся, однако при виде Габриэля обратился в дрожащий лист. Вспомнил, как его, извивающегося, жуткое идолище держало одной клешней за шею, в другой же алело раскаленное тавро...

Оба — и Бох, и его цепной пес — были точь-в-точь такие же, как в Неметчине: хозяин в широком плаще, именуемом «мантель», и головном

блине-барете; слуга во всем красном, кровавом, даже сапоги цвета сырого мяса.

Оно, конечно, купеческий дом «Бох Кауфхоф» торгует и с Новгородом, и с Псковом, а всё же за какой необходимостью сам хозяин в Руслянд пожаловал?

Всадники — их было десятка два — и крытые возы с чем-то тяжелым повернули к мосту через Волхов, в сторону Детинца. И хоть было Шельме любопытно, чего ради Бох оставил свой Любек, но все же не до такой меры, чтоб соваться к волку в пасть.

Учесывать надо было из Новгорода, подобру-поцелу. Нисколько не хотелось обретаться в одном месте с Бохом и его ужасным подручником. Земля большая, а комару улететь — сбор недолгий.

Надо было только в дорогу животишки сложить да с Пышатой без обид распрощаться. Потому что бабу обижать нельзя, особенно если видал от нее только хорошее.

А надо сказать, что от баб Яшка в жизни ничего, кроме хорошего, и не ведывал.

Вот сладко и весело жилось бы, если б на свете обитали одни женки. Попы говорят: жена —

сосуд греховный, все беды от нее, но любой, у кого имеется голова с глазами и ушами, знает: всё прямо наоборот. Это мужики опасные, злодурные, чуть зазеваешься — обманут, хомут наденут, а то и убьют. Баба же — существо заботливое, жалостливое, щедрое. Опять же на вид, на ощупь, на запах — с мужами и не сравнивай. На вкус, языком лизнуть, тоже сладкая, если молодая. Но и немолодые тоже хороши, им от тебя мало что надо — дай только полюбить, поухаживать. В детстве Ничейка ужасно завидовал ребятам, у кого мамка есть или, еще лучше, бабушка, — и погладит, и кусок даст, и нос подотрет.

Плохие женки тоже встречаются, но это такая же редкость, как хороший мужик. Некрасивых же баб не бывает совсем. В каждой, если умеючи глядеть, что-нибудь отрадное сыщется. В постельном деле красота ни при чем, оно темноту любит, а в темноте что Василиса Распрекрасная, что девка-чернавка — все одинаки. Ну, то есть не одинаки, конечно, но красота-то здесь точно невзасчет.

Шельма женскую суть проницал в доскональности, но понимание свое не выпячивал, и бабы его очень любили — за то, что чувствовали себя с ним красивыми и желанными. Не было павы,

какую Яшка не смог бы улестить, если очень захочет.

Секрет простой: не уговаривай бабу на то, чего ей не надобно, а только на то, чего она сама хочет, даже если о том не догадывается. А им всем от мужчины чего-то надо. Сердца или плоти, ласки или таски, чтоб защитил или чтоб, наоборот, дозволил себя защитить. Угадал, в чем потребность женки, — считай, твоя.

Взять нынешнюю приятельницу Яшкиного сердца, кормщицкую вдову Пышату Мелентьевну. Женщина дородная, в большой телесной силе, настоящего новгородского нрава — никакой обиды не терпит, умеет за себя постоять. В позапрошлый год поругалась с другой вдовой, которая держала такую же торговлю пухом-перинной. Слово за слово, вцепились в волосы, пошло на кулачки — еле растащили. Но за оскорбление и поношение чести Пышата Мелентьевна пошла к судье, и тот, замучась разбираться, которая права, приговорил истицу с ответчицей к «полю» — биться на ристалище, пускай Бог рассудит. Бабы вышли в кольчугах и шеломах, махались палицами, и сбила Пышата врагиню с

ног крепким ударом. Получила в удовлетворение полтину денег и славу на весь Славенский конец.

Шельма на том поединке был, воительницей восхитился и решил, что такая-то ему и нужна. В ту пору он только вернулся из треклятого Любека. Дранный, голый, с волдырем на лбу, с незажившими еще синяками от Габриэлевых кулаков. Как раз подыскивал бабу, чтоб подселиться.

Вызнал, что за Пышата такая, ладно ли живет. Оказалось, свой дом у ней, двор, лавка на Торге.

Походил денек-другой за богатыршей, присмотрелся. Как по площади утицей плывет, как в церкви бьет земные поклоны — и сразу же понял горячую ее душу, голодную на щедрость.

Дальше было легко. Подошел будто бы подушку купить. Завел неторопливую беседу — о своих странствиях, о тяжелых страданиях, и больше о последних, чем о первых, потому что женщины вроде Пышаты Мелентьевны не сильно любопытны, но очень жалостливы. Через полчаса слушательница ревела в три ручья, еще через малое время заперла лавку и повела мученика к себе домой, где он с тех пор и обретался, в сытости, чистоте и холе.

Как же с такой по-доброму не попрощаться? Может, еще вернуться судьба. Не навечно же Бох со своим поганым Габриэлем в Новгороде останутся.

— Собери-ка меня в малую дорогу, — сказал Яшка, входя в горницу, где Пышата как раз вынимала из печи противень с румяными, как она сама, пирогами. — Видение мне было, Гаврилы-архангела. Езжай, говорит, раб Божий, на богомолье в Печерскую обитель, не то беда случится с особой, какую любишь больше собственного живота.

— Что за беда, Шельмушка? — охнула Пышата. В ее ушах закачались эмалевые колтки, а пироги посыпались с противня на половик. К Яшкиным видениям она привыкла и верила в них бесспорно. Считала его ясновидящим, а что на самом деле значит «шельм», не ведала.

Сразу и заплакала:

— Помру? Захвораю?

— Захвораешь навряд ли, здоровье у тебя крепкое. А помереть можешь, архангел врать не будет. Но я тебя своей молитвой спасу. Поспешить только надо. Лошадку мою запряги, рубаху

сунь запасную. И пирогов положить не забудь. Горько мне от тебя уезжать, Пышата Мелентьевна. Лучше тебя бабы нету. Потому и еду. Чернецом, схимником сделаюсь, но тебя вымолю. А коли будет мне новое видение, что ты в неопасении, — вернусь. Это как Бог даст. Ты надейся.

Вот как надо с женщиной расставаться. И обцеловала, и слезами умыла, а удерживать не стала. Вернешься к ней — вдвое любить будет. А если не судьба вернуться — останется у бабы дорогое воспоминание, которое она по гроб лежать будет.

В недолгом времени вывел Яшка со двора лошадь с двумя дорожными сумами, махнул Пышате, чтоб не стояла у окошка, — дурная это примета, да и увидит, что он не налево, к Печерским воротам, а направо, к Московским поворачивает.

В сумках кроме пирогов лежали две штуки фламандского батиста, который на Москве идет в три цены против новгородской.

Повернул за угол — и встал, как заледеневши.

Там, прислонившись к забору, ждал страшный человек Габриэль, ростом с сажень. Свой

красный колпак, прозванием «капушон», откинул на спину — тепло было, конец мая. На голом черепе, на неподвижной роже, на шее, на видной через распахнутый ворот груди рыжели мелкие веснушки.

— Комм, Шельм, — сказал Габриэль на своем корявом немецком. Он был родом не немец, а кто его знает кто. — Идем. Господин ждет.

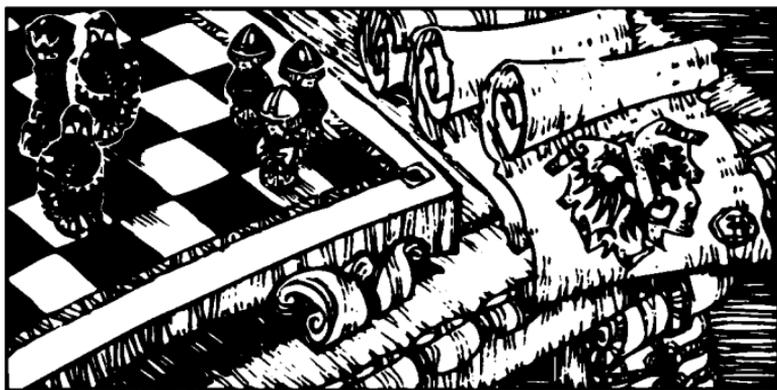
Под свинцовым взглядом преужасного змея из Яшки разом вся сила — вон.

**ПОУЧЕНИЕ
МУДРОГО ХИТРОМУ**

Про взгляд Габриэля нужно особо сказать. Глаза у жути-нежити были круглые, белесые, немигающие, словно не человеческие, а рыбы. Или нет, наоборот: когда они смотрели в упор, казалось, что это ты рыба, а он рыбак — приглядывается, как вырезать из тебя требуху и жабры. На поясе, тоже красном, у Бохова помощника всегда висел большой железный гребень с редкими зубьями, острыми и длинными. Что он им причесывал, непонятно, ибо никакой растительности на голове у него не было. Еще болтался широкий нож в красных же ножнах, и мясистая, чуть не с окорок рука лежала на рукоятке, но не в угрозу, а просто так, для удобства. Яшка и без ножа поплелся за страшилищем, яко агнец на заклание.

Повели его Варяжской улицей к Немецкому подворью. Где ж еще ганзейскому купцу остановиться? Там и контора ихняя, и кирха, и склады-амбары. Мейстеры с подмастерьями и кнехтами, приезжие купцы с приказчиками тоже селились на просторном дворе, со всех сторон обнесенном стеной — чтоб не заражали своим басурманским зловонием и дурными обыкновениями русской жизни. А может, немцы когда-то сами отгородились. Никто этого не помнил, давно было.

Шельма не раз бывал на подворье, так что брел, по сторонам не пялился. Зловещий провожатый вел его мимо смешной немецкой бани, мимо пивоварни и мельни в самый красный угол — туда, где в высоком и узком трехъярусном доме проживал альдерман, главный немецкий старшина. Видно, принимали здесь Боха как почетного гостя. Оно и неудивительно. Против такого человека и местный ганзейский альдерман невелика птица.

Еле волоча ноги, поднялся Яшка по какой-то тесной лестнице, где солнце светило через цветные, об мелкую клетку, стекла, в горницу, по-немецки темную — всё резной дуб да высокие стеновые сундуки названием «шкапы».

— Этот к господину, — сказал Габриэль кнехту, стоявшему при высокой двери с ганзейским гербом. — Приказано.

— Пускай подождет, — был ответ. — У господина гость. Новгородский бургомайстер.

Поставили Шельму в углу, ожидать. А он ничего, не торопился на встречу. Хоть бы ее еще тысячу лет не было.

Габриэль его караулить не стал.

— Будь тут, — сказал. — Вызовут.

Да ушел.

И захотелось Яшке, конечно, сбежать. Он уже догадался, зачем его сюда приволокли. Из-за пешки!

У хера Боха была любимая игра, называется «шахи». Резные из слоновой кости фигурки на доске в черно-белый квадратик. Игра скучная, много в нее не выиграешь, потому что не словчишь и удача не поможет. Купец в шахи сам с собой играл, когда о чем-нибудь размышлял, а размышлял он часто. И вот, когда Яшку в тот страшный день, обожженного и вопящего, тащили из хозяйских покоев на позорное изгнание, а он за всё встречное руками хватался, попалась ему шаховая доска, и цапнул он с нее малую фигурку. В отместку. Чтоб напоследок хоть чем на-

пакостить своему погубителю. Потом в плавании выменял у корабельного матроса на кусок око-рока, жрать-то ведь надо.

Сбежать отсюда, из дубового чертога, было бы нетрудно. Вон она лестница, вон он двор, и ворота нараспашку.

Останавливали три соображения.

Во-первых, коли Габриэль так его легко сыскал в чужом городе, еще вопрос — далеко ли убежишь. «Бургوماйстер» — это, должно быть, сам новгородский посадник Онцыфер Юрьевич. Не погордился явиться к приезжему купцу. Да что посадник? Когда в город Любек сам германский император Каролус пожаловал, давал херу Боху личный аудиенциум. «Бох Кауфхоф» торгует всяким редким, дорогим товаром для первейших богатеев, великих князей и государей. Хозяин торгового дома всюду вхож, со всеми знаком. Попросит посадника — и вмиг сыщут раба божьего Яшку Шельму, из-под земли достанут.

Второе соображение было такое: поди докажи, что пешка Шельмой покрадена. Бох — он порядок любит. Нет доказательства вины — нет и наказания, сам говорил. Можно будет напомнить.

Ну и третье — вроде глупое, но оно Яшку больше всего держало. Любопытно было поглядеть на любекского купчину. Иногда Шельма скучал по ихним вечерним беседам. И жалел, что на тот клятый сундук позарился.

Пока колебался, дунуть отсюда, нет ли, стало поздно. Из двери, прощаясь по-немецки, вышел пузом вперед статный Онцыфер Юрьевич, главный новгородский муж, протопал мимо, на склонившегося Яшку и не глянул.

Следом выплыл старый знакомец Бох, заслонил своей чреватой особой весь проем. Поманил белым пальцем, будто только вчера расстались:

— А, Шельм. Заходи. Поговорим.

Побледнел Яшка, побрел.

Бох, не дожидаясь, сел к столу, покрытому конторскими книгами и пергаментами. Показал на середку комнаты: встань здесь. Стал Шельму разглядывать.

Был Бох старый, но при этом не старик. Движения все неторопливые, плавные, голос негромкий, повадка мягкая. Всегда одетый в широкое, просторное, он и в помещении никогда не обнажал седой головы. Носил на ней черную бархатную

шапочку «калотту», а сверху, бывало, еще и барет. В этом тоже имелся свой смысл. Если в одной калотте — значит, в добром настроении и склонен поговорить. Если в барете — лучше не суйся.

Сейчас Бох был в одной шапочке, и Яшку немного отпустило. К тому же долго терпеть молчание он не умел. Не выдержал, спросил:

— Как меня Габриэль сыскал, майнхер?

— Очень просто, — ответил Бох. У него всё всегда было «очень просто». — Я попросил наших ганзейцев узнать, в городе ли ты. Они узнали.

В самом деле, тайна объяснилась несложно. Новгородские немцы нюхастые, всё про здеш-

нюю жизнь и местных жителей знают. А только зачем было интересоваться, в Новгороде ли Яшка? Что он за князь такой?

Но про это спрашивать было боязно. Опять же — Шельма похолодел — увидел, что на столе стоит шаховая доска с расставленными фигурками, и одна пешка там не костяная, а деревянная.

Ой!

Перекрестился Шельма:

— Ни в чем перед тобой больше не виноват, вот тебе крест святой! Если что плохое про меня сказали — клевета!

Бох наморщил мягкий, круглый нос:

— Не клянись, не с дураком разговариваешь. — Поймал Яшкин взгляд, брошенный на доску. Пожал плечами. — Я тебя велел не из-за пешки найти. Пешка — пустяк. Деревяшку я даже полюбил. — Голос у него был не сердитый, а веселый. — Ты ведь стащил фигуру, чтоб я тебя вспоминал? Я и вспоминал. Видишь, мне вырезали человечка с круглой башкой и в ней дырочка?

Он протянул Яшке малую куколку. В самом деле: дырочка.

Бох засмеялся.

— Ты меня, я думаю, тоже не забыл.

И поглядел Шельме в середину лба. А потом, как часто бывало, заговорил совсем про иное, была у него такая неуютная привычка.

— Скажи-ка мне вот что. Ты, помнится, хвастался, что повсюду бывал. В ордынской столице доводилось?

— В Сараях-то? — удивился нежданному повороту Яшка. — Троежды. Живал подолгу.

— Язык татарский знаешь?

— Как русский.

Бох сам себе кивнул, довольный.

— А в Литве?

— Раз сто. И язык ихний знаю.

— А дорогу от Новгорода до Сарая, чтоб через Литву, знаешь?

— Дорог много. Я разными хаживал.

— Тогда у меня есть к тебе предложение. Поступай ко мне снова на службу, временную. Я еду в Сарай. Мне нужен провожатый, кто не только хорошо знает путь, но и хорошо знает мои привычки — что я люблю и чего не люблю. Скучно обучать нового человека. Доставишь меня и мой маленький караван до места — получишь двадцать золотых дукатов.

Под настроение Бох бывал разговорчив и мог подолгу рассуждать о какой-нибудь необязатель-

ной умности, но о деле всегда говорил коротко и точно.

Яшка был ошарашен. Не большущими деньгами, на которые можно припеваючи жить два или три года, а тем, что Бох зовет на службу. После того, что меж ними было!

Но сначала спросил не про это:

— А зачем тебе в Орду? Времена в Степи неспокойны. Все говорят, война большая будет.

— Потому и еду, чтобы большой войны не было, а обошлось маленькой. — Немец закончил разглядывать Шельму. Верно, высмотрел всё, что ему было нужно. Подпер рукой толстую щеку, махнул рукой на малую скамейку со звериными лапами. — Садись, Йашка. Разговор будет долгий.

* * *

И началась у них беседа, как в старые времена, когда сиживали по вечерам у Боха в его библиотеке, то есть книжной комнате, и говорили о всякой всячине: бывало, хозяин что-то рассказывал, а бывало, что и Шельма. Слушать купец умел не хуже, чем словеса плести. Эх, хорошая была пора.

— Все говорят, что на свете борются две силы, но понимают их по-разному, — так начал Бох. — Отцы церкви утверждают, что это Бог и Дьявол. Философы — что Добро и Зло. А я смотрю на жизнь со своей купеческой точки и ясно вижу, что силы эти зовутся Торговля и Война. Когда в мире правит Война, он превращается в ад. Нет законов, покоя, доброты, понимания, созидания. Лишь разрушение, разорение, глумление, страдание, голод и смерть. Если же правит Торговля, жизнь не становится раем, но делается сносной и разумной. Пропадают голод и нищета, расцветает строительство, люди не вгрызаются друг другу в глотку, а предпочитают договариваться. Товары и новшества свободно перемещаются из края в край земли. Всё время изобретается что-то новое. Человеки работают и шевелят мозгами, думая, как бы добыть побольше денег. Ибо деньги, Йашка, — производное от ума и трудолюбия. Тут чего-то одного недостаточно, нужны оба ингредиенса.

Здесь по Шельминому лицу, должно быть, прошло некое движение. Бох погрозил пальцем, сбился со своей проповеди:

— Хитростью добыть денег, конечно, можно, но не очень много и ненадолго. Если ты этого еще не понял, загляни в зеркало.

— Понял, понял, — быстро молвил Яшка. — Я чего? Сиж, слушаю.

— Вот и слушай. Торговля подобна кроветке. Она перегоняет товары и знания меж членами и органами тела, имя которому Человечество. Война лишь попусту проливает кровь Людного Мира, Торговля же качает ее и насыщает. Знаешь, что такое Добро и Зло?

Шельма помотал головой. Ему о таких вещах задумываться не доводилось.

— Это очень просто. Добро — всё, что во благо Торговле. Зло — всё, что ей во вред и на пользу Войне. Согласен?

Яшка кивнул. Войну он тоже сильно не любил.

— А теперь гляди, что творится на земле в сей год, по вашему русскому летоисчислению от сотворения мира 6888-й.

Бох пододвинул ближе доску, смел рукавом фигуры.

— Вот здесь, на самом западе Европы... — Поставил в уголок двух малых пехотинцев, черных. — ...Англичане враждуют с французами, а германские княжества грызутся друг с другом. — Поставил белую пешку. — Итальянцы меж тем работают, богатеют, производят много хороших товаров. Но весь этот угол, Шельм, большой важности не имеет. Видишь, я поставил сюда од-

них пешек. Знаешь почему? Потому что настоящая сила не на Западе, а на Востоке. — Купец взял всех царей с царицами, расположил кучкой на противоположном конце доски. — Всё главное там — в Китае, в Индии: многолюдство, богатство, завидный товар, ученые открытия. Когда Торговля обеспечивает свободное обращение крови меж Востоком и Западом, древо Человечества растет и зеленеет. Артерий три. Одна — через Египет и Святую Землю, но сейчас этот путь перекрыт мамелюками, которым пиратствовать выгоднее, чем торговать. Другая шла через Византию, однако ныне обрезана турецкими варварами — османами. С ними сговориться невозможно, они люди Войны и поумнеют еще не скоро. До недавнего времени Восток с Западом торговали по третьей дороге — через Великую Степь и Золотую Орду. Так товары попадали в Крым, в Новгород, в Литву, а оттуда и дальше. Но и здесь собираются тучи.

Бох со стуком впечатал в середину доски одну за другой три фигуры: черную башню и двух черных слонов.

— Тут расположены три могущественных татарских королевства. В Самарканде правит грозный эрцгерцог Тамерлан. Золотая Орда разделась на две державы — Синюю Орду и Белую

Орду. В первой сидит воинственный король Тохтермиш, во второй — канцлер фон Мамай, правящий от имени юного короля Магомет-Булака.

Бох коверкал татарские имена на немецкий лад, и Яшка не сразу понял, что Тамерлан — это самаркандский эмир Тимур-Ленг, «Тохтермиш» — хан Тохтамыш, «канцлер фон Мамай» — сарайский беклярбек (то бишь главный воевода) Мамай, а «Магомет-Булак» — тамошний же хан Мухаммед-Булак, Мамаев воспитанник.

— Все эти три потентата ненавидят друг друга и готовятся к войне. А войска у каждого больше, чем у всех европейских государей вместе взятых. Когда в Великой Степи начнется великая бойня, торговле с Востоком наступит конец. И надолго.

— А у нас про татарскую вражду не говорят, — удивился Яшка. — Только что будет война меж Москвой и Мамаем.

Купец пренебрежительно скривил сочный рот:

— Это война малая, важности она не имеет. Сколько понадобится канцлеру фон Мамаю, чтобы привести в покорность московского эрцгерцога Димитра? Два месяца? Три? Не больше.

— Как сказать, — усомнился Шельма. — За великим князем Дмитрием Ивановичем, почти-тай, вся Русь. Ну, или почти вся, — добавил он,

вспомнив, что новгородцы с тверичами решили против Орды не ходить, а Рязань с Москвой в ссоре. Многие на Руси только рады будут, если Мамай с москвичей спесь собьет. Больно властен и алчен великий князь московский. В Новгороде его больше чем татар боятся. Опять же татаре далеко, а Москва — вот она.

— Что такое «Русь»? — Бох пожал плечами. — Не страна, одно название. Вроде Германии. Князьки рвут друг у друга куски, сосед для них хуже татарина. А в Степи правят по-настоящему великие государи. Начнут между собой воевать — не скоро закончат. Затем я и еду в Сарай, чтобы не допустить большой войны. Еще хочу учредить свою торговую контору на полпути между Востоком и Западом — в Хорезме или в Самарканде. Сам знаешь, дорога из Европы в Китай занимает девять месяцев. Но если открыть собственное отделение на половине пути, выйдет огромная выгода. Отсюда, из Новгорода, до Сарая можно добраться с товаром за два месяца. И еще за срок дней в Хорезм. А там уж будут ждать на складах товары, доставленные из Китая и Индии. Шелк, пряности, благовония, драгоценные камни, ароматный сандал, — мечтательно произнес купец, и его голубые глазки замаслились. — А мы бы привозили с запада фламандские ткани,

цветные кожи, янтарь. Индийцам теплых одежд не надо, а вот китайские вельможи охотно покупали бы русские меха... Все бы работали, все бы богатели, все бы учились друг у друга ценному.

— Не пойму я что-то. — Яшка почесал затылок. — Хорезм у Тимур-Ленга, Тамерлана по-вашему. А ты едешь в Сарай, к Мамаю. Пошто?

— Так надо, — коротко ответил Бох. — Везу канцлеру заказной товар. Какой — тебе пока знать незачем. После сам увидишь... Ну что, послужишь мне? Проведешь мой караван? Только учти: из новгородских владений мы повернем в Литву, а потом проследуем через земли Рязанского герцогства. Москву обойдем, мне ее не надобно.

Шельма и сам Москву недолюбливал — как и положено настоящему новгородцу, жителю самого большого, свободного и богатого города на Руси. Москва, конечно, тоже мясиста, но там предприимчивому человеку настоящей воли нет. Захочет великокняжий слуга тебя прижать, и не пикнешь. А в Новгороде попробуй-ка, власть, подури: враз в вечевой колокол ударят.

— Через Москву ближе выйдет, — всё же сказал Яшка, уже рассчитывая путь, хотя сомнение, наниматься ли к Боху на службу, у него пока оставалось.

— Ближе не всегда значит короче. — Купец провел пальцем по бороде, будто собирался полакомиться вкусным. Так он делал, готовясь что-нибудь рассказать, и Яшка уселся поудобнее. Сказы у Боха были занятные.

— ...Однажды был у меня партнер, некий Готлиб из Бремена. Собрали мы с ним большой караван в Персию: шерстяные и льняные сукна, узорчатые сапоги, конскую сбрую и серебряные слитки, которые тогда в Европе были дешевы. Добрались до Адриатики, а там заспорили. Готлиб хотел взять корабль и плыть прямо в Сирию, откуда до Персии близко. Он говорил: через полтора месяца на месте будем. Я ему в ответ: пиратов много, давай лучше сушей. Но мой компаньон ни в какую. Без риска, мол, большой прибыли не бывает. Поделили мы с ним товары, и поплыл он ближней дорогой, а я отправился дальней — через Сербию, Византию, Малую Азию. Тогда это еще можно было. Полгода добирался я до Персии. Беспокоился, что бывший партнер мне все цены собьет. Однако Готлиб не попал в Персию. Его схватили египетские пираты, весь груз отобрали, а самого продали в рабство в Алжир. Оттуда я выкупил беднягу только через четыре года. Нищего и к тому же оскопленного, ибо он попал на службу в гарем. Понял, Шельм, к чему мой рассказ?

— К тому что Москва с Мамаем не ладит, и если ты напрямки поедешь, можешь без всего остаться. Отберет Дмитрий Московский твой товар, да еще оторвет тебе то же, что алжирцы Готлибу.

— Не жалко, оно мне без надобности, — засмеялся старый купец. — Товар жалче, но и не в товаре дело. Жалко великих планов. Однако суть ты ухватил правильно. За сметку тебя и ценю.

Вот теперь настало самое время спросить о том, из-за чего Яшка пребывал в колебании.

— Даже после того, что в Любеке было?

— Именно из-за того, что было в Любеке. Ты шельма, но ты не дурак. Знаешь, что со мной шутки шутить не стоит. Второй раз не дерзнешь. Верно? — И опять со значением поглядел на лоб с отметиной.

— Да я раньше сдохну, чем попробую твою милость обмануть! — вскочил с сиденья Яшка.

— Наоборот, — добродушно молвил Бох. — Сначала попробуешь, а сдохнешь потом. И наверняка. Я редко кому даю второй шанс, а третий — никому и никогда. Так что ценю я тебя не только за сметку, но и за полную между нами очевидность. Ты шельма, я это знаю. И ты знаешь, что я знаю, что ты шельма. Значит, мы не можем ввести друг друга в заблуждение. А еще

ты знаешь, что я умею наказывать. И умею находить тех, кто мне нужен, где бы они ни были. Еще не бывало человека, который мог бы от меня спрятаться, если я его ищу.

— Твоя правда, — склонил голову Яшка.

Дурак он был, что позарился на те дукаты. Умный человек должен соображать, с кем связывается.

Вдруг сделалось ему легко и радостно. Представил долгую дорогу в Сарай, да с таким сотоварищем, да за щедрую плату.

— Говорить с тобой будем, когда ты барет снимаешь? — спросил Шельма. — Как тогда, в Любеке?

Засмеялся Бох:

— Будем. По правде говоря, я тебя и из-за этого беру. Слуги мои честны и мне преданны, но с ними об интересном не поболтаешь. Скучал я по тебе, русский плут. Ну что, мир и старое позабыто?

Скрепили договор рукопожатием.

A decorative flourish consisting of several curved lines that frame the text. It starts with two small upward-curving lines at the top, followed by a large, sweeping curve that encloses the text on the left and right sides, and ends with a complex, overlapping wave-like pattern at the bottom.

**СЛОВО
О ДАЛЬНИХ СТРАСТВИЯХ**

И уж Яшка расстарался. Знал, чем хозяину угодить.

Хозяин не должен видеть, как подручный человек хлопочет и обустраивает мелочи. Будто всё своим хотением образовывается, и дорога-матушка сама под ноги ковром стелится.

Выдал купец Шельме мошну серебра на расходы. Чтоб нанял охрану, закупил пропитание, овса для лошадей и прочего, по потребности. Дал сроку неделю.

Через три дня Яшка предстал перед господином, скромно-благостный. Сказал: «Коли твоей милости угодно, можно хоть завтра в путь». И мошну протягивает.

Купец седые брови сдвинул, пересчитал серебро — изумился. Денег не меньше, а больше стало.

— Как это понимать? — говорит. — Тебе было дадено две тысячи серебряных грошей, а тут две с половиной. Одна охрана, полсотни воинов, мне сказывали, в пятьсот, если не в семьсот встанет.

— Очень просто, — дозволил себе Яшка спесрешничать любимую присказку немчина, однако без ухмылки, а почтительно. — На охрану тратиться ни к чему. Новгородские земли спокойные. Если и попадетс я ватага разбойников, то невеликая. Литовцы ганзейского каравана не тронут, им себе дороже с вами ссориться. Рязанское княжество мы краешком пройдем, пустыми полями. Там не живет никто, лихих людей нету. А дальше татарская степь, в ней никто озоровать не смеет. Мамай не дозволяет.

— Но почему денег стало больше?

— Потому что я лошадей с повозками продал. Не нужны они нам.

— Как так?!

— Мы реками поплывем, оно чище и приятней. А понадобится сушей везти — новые возы на месте купим. Много дешевле выйдет, чем в Новгороде.

Повел Шельма купца на волховскую пристань, а там уж стоит, покачивается крепкий на-

сад, нанятый у знакомого корабельщика вместе с тягальщиками-бурлаками. Немецкий груз для Сарая лежал в чреве судна: четыре зашитые в рогожу, опечатанные сургучом штуковины вроде недлинных бревен, сильно тяжелые — кнехты каждую вчетвером тащили, да несколько небольших бочонков, непонятно с чем, но довольно легких. Очень Шельме было любопытно, что за товар такой, прямо голову сломал. «Бох Кауфхоф» торговал вещами дорогими и редкими, какие надобны знатным особам. В бочатах могли быть засахаренные плоды-ягоды, немцы искусно готовят это драгоценное лакомство. Но в рогожах-то что? Ничего кроме статуй, какими дворцы и храмы украшают, Яшке на ум не приходило. Когда при ударе о причал свертки лязгнули, Шельма понял, что угадал: медные либо бронзовые фигуры — во украшение ханских чертогов, вот что это такое.

Бох обошел корабль от носа до кормы и сверху донизу, остался очень доволен, а более всего оценил Яшкину заботу о хозяйском удобстве. Зная привычки немца, Шельма велел поставить на палубе шатер. Пожелаешь — верх откидывается, и можно на звезды смотреть, Бох это лю-

бил. Внутри мягкие подушки — лежать, кресло — сидеть, столик для писания.

— Молодец, не ошибся я в тебе, — молвил купчина. — Завтра с утра поплывем.

Поплыли.

От Нова-города вверх по Мсте; у волока разгрузились, и бурлаки обратились волочильщиками, дотасили насад до Волги, невеликой речки. Там Шельма новгородскую артель рассчитал, потому что до самой Ржевы плыть было всё вниз по течению.

В городе Зубцове надо было поворачивать — дальше начиналась Тверь, куда заплывать незначем. Тверичи новгородцев не любят и после недавней войны к себе не пускают.

Наняли новых бурлаков, тянуться вверх по реке Вазузе до Вязьмы, литовского городка. Оттуда, через литовскую же Калугу, надо было доплыть до города Одоева, а дальше водный путь заканчивался и начинался сухопутный.

Речное путешествие шло гладко и покойно — за исключением одной жуткой жути, о чем сказ впереди.

Днем Бох играл сам с собой в шахи, или щелкал на абакусе, записывал цифирь, или просто смотрел на берега и реку, надев свой барет, и это означало, что подходить к нему нельзя — думает, а о чем — поди знай. Ночью, если звездная, немец подолгу глядел в небо через медную трубку. Зачем — опять непонятно.

Но если у купца на седой голове была одна бархатная калотта, а сам он не писал и не двигал по доске фигуры, Яшка смело к нему подходил и заводил беседу, это не возбранялось. Иногда, правда, посреди увлекательного разговора, Бох вдруг становился рассеян и лез в мантильташ за грифельком. Мантильташ — это у немцев такой лоскут, пришиваемый поверх плаща-мантиля, навроде малой сумки. У хозяина в том хранилище лежали мелкие полезные вещицы: печатка — к письму прикладывать, книжечка для цифири, грифель, чем в книжечке писать, и складной ножик, чем острить грифель. Если Бох начинал калякать по бумаге, Яшка сразу отходил. Знал: сейчас господин и барет нацепит.

Тогда Шельма отправлялся к кнехтам, чесал языки с ними. Не больно-то увлекательные выходили беседы, но молча Яшка существовать не умел — если, конечно, не был занят делом.

Единственный, с кем он никогда не заговаривал и даже близко не подходил, был страшный Габриэль. К нему и немцы не совались, боялись.

А ужасному человеку, кажется, никто был и не нужен. Он обычно сидел на борту, свесив наружу ножищи в красных сапогах, и делал одно из двух: либо почесывался в разных местах, прежде всего по плешивой макухе, своим редкозубным железным гребнем — вот, оказывается, для чего висел на поясе сей предмет (так, во всяком случае, думал Яшка, пока не случилась жуткая жуть, про которую уже скоро); либо же вымастыривал нечто более удивительное — широким ножом с невероятной искусностью вырезал цветы из всякой снеди. Годились ему и яблоко, и свекла, и репа, и морковина — что угодно. Мог и слепить цветок — например, из хлеба или мягкого немецкого сыра. Розы, ромашки, толипаны, лилии выходили из костлявых пальцев будто живые, и даже краше, чем живые. Но заканчивалось всегда одинаково. Габриэль долго вертел готовый цветок, разглядывал что-то, подправлял, а потом, налюбовавшись, сжирал. Глядеть на это было тошно — Яшка отворачивался.

Однажды, когда Бох был в разговорчивом настроении, Шельма набрался смелости и спросил:

отчего это Габриэль такую красоту жрет, не сохраняет?

— Я думал про это, — ответил купец. — И вот что мне кажется. Габриэль страшный, правда?

— Бррр, — подтвердил Яшка.

— Самые страшные люди — те, кто не находит в жизни ничего достойного и красивого. Им ничего и никого не жалко, от этого они безжалостны. Но красоту они тоже чувствуют и тоскуют по ней сильнее, чем остальные. Габриэль де-

лает красоту своими пальцами, потому что не находит ее вокруг.

Шельма подумал-подумал — развел руками:

— Чего-то я не понял.

— Может, я всё это напридумывал. — Бох задумчиво погладил бороду. — Я люблю придумывать. Почему бы тебе не спросить у Габриэля самому?

Яшка поежился. Купец же засмеялся, он нынче был весел и словоохотлив.

— Рассказать, как я взял его на службу? Ну, слушай... Был я по делам в Константинополе и однажды увидел, как у городской стены рубят головы захваченным арабским пиратам. Осужденных преступников было не меньше тридцати, а палач всего один, но в своем жестоком ремесле великий мастер. Мне нравится наблюдать за теми, кто красиво делает свое дело, даже такое страшное. Палач двигался легко, точно и изящно, будто королевский танцовщик. Головы слетали с плеч и сами откатывались в положенное место; кровь била струями, но ни одна капля не попадала на белоснежное одеяние палача. Должен сказать, что на казнь Габриэль всегда переодевался из красного в белое.

— Так вот он кто. Кат! — ахнул Шельма, с ужасом и отвращением оглянувшись на Габриэля, хрупающего несказанной красоты розу, которая была вырезана из большой луковицы.

— Да. Он служил главным палачом в константинопольском Санктории, ведомстве казней и пыток. Чем древнее страна, тем изощренней там истязают и умерщвляют людей. А Византии уже тысяча лет, ее палачи славятся как на Востоке, так и на Западе. Габриэль был лучшим из них. Никто не умеет убивать искуснее. Поэтому я переманил его из Санктория.

— А зачем тебе слуга, который искусен в убийстве? — боязливо спросил Яшка.

— В мире без убийств нельзя. Так не лучше ли, если это делается искусно? Габриэль хорош еще и тем, что убивает безо всякой злобы — как дровосек, срубающий дерево.

Черт знает, кто из вас страшнее — ты или твой аспид, подумал Шельма, слушая рассудительный голос Боха. А тот еще не наговорился.

— Знаешь, когда я окончательно решил забрать его с собой? Спросил у начальника Санктория, как Габриэль ведет допрос, какие применяет пытки. Я очень не люблю тех, кто упивается мучительством. Убивать — одно дело, на этом дер-

жится вся природа. Терзать беззащитную жертву — совсем другое, придуманное негодьями. Начальник Санктория сказал: «Мой старший мастер редко использует клещи и сверла. Он просто берет за плечи, смотрит в лицо, и человек сразу рассказывает всю подноготную. Допрос проходит быстро и чисто. У Габриэля такие глаза, что я и сам стараюсь не встречаться с ним взглядом».

И Яшка вспомнил, как в страшный день прижигания клеймом хотел скакнуть в окно и даже было вырвался из цепких лап Габриэля — но оглянулся на чудище и ооченел, замороженный ледяным взглядом.

Тряхнул плечами, прогоняя скверную картину. Спросил про интересное:

— Ты переманил его у греков? Посулил больше денег? Сколько?

— Габриэль равнодушен к деньгам. Ему нужно, чтобы говорили, кого убивать, а в остальное время не мешали делать съедобные цветы. Душа этого существа таинственна. Про себя я называю его «Раб красоты». Ты спрашивал, зачем он ест цветы. Попробую объяснить еще раз. Истинный ценитель красоты знает: по-настоящему прекрасно лишь то, что недолговечно. Подлинная красота — то, что принадлежит тебе одному. Многие

уверены: сделать что-то своей безраздельной собственностью можно, лишь поглотив предмет вожделения без остатка. Когда Габриэль съедает красоту, она навсегда остается с ним. Поглощение — высшая форма собственности.

Замудрился ты что-то, дядя, подумал Яшка. Собственность — то, что можно продать. А съеденное продашь разве что золотарям, которые дерьмо из выгребных ям покупают и на удобрение возят.

— Как же ты переманил его, если не деньгами?

— Очень просто. Дал ему посмотреть мне в глаза и не отвел взгляда.

— И всё?

— А ты попробуй. Палач прежде не встречал людей, которые его не боятся. Мы с ним довольны друг другом. Я ему говорю, что делать. Он исполняет в точности. Уговор такой: убивать только по моему приказу, а больше никого не трогать.

* * *

Скоро после этой памятной беседы и случилась жуткая жуть, про какую уже говорено.

Было это на литовской реке, название которой Яшка позабыл. В лесном краю где-то между Воротынском и Козельском.

Бурлаки тянули насад против сильного течения, медленно. Пели натужные песни невыносимой тоскливости.

Заводил старшой, мужик жилистый и нудный. Такие же у него были и запевки.

«Ай, тянитесь, навалитесь, ай тянитесь, навалитесь» — раз с тысячу, пока не придумает новое, не лучше старого. То какая-то «дубинушка-кровинушка», то «ухнем-разухнем». Надоел — мочи нет.

И позвал купец Яшку пройтись по берегу — не по тому, где тягальщики орали, а по противоположному. Там хоть поговорить было можно.

Шли в тенечке, по шелковой июньской траве-мураве, говорили о разных разностях. Сзади топал Габриэль, чесался на ходу своим железным гребнем: весь красный, поджарый, перетянутый поперек чресел широким кожаным поясом такого же красного цвета. Бох даже спросил, не сильно ль затянулся, не туго ли ему, — вот какой заботливый к своему страшилищу. Габриэль только похлопал себя по брюху: ничего, мол. Яшка никогда не видел, чтоб душегуб снимал

тот пояс, либо куртку, либо сапоги — даже на палубе в жаркий день. Самое большее — колпак с голой веснушчатой башки откинет. И не потел никогда, дьявол.

Шествовали они так бережком через кусты-деревья, и вдруг в укромном, не видном с реки месте выскочили на гуляющих сбродники, семеро.

Сбродники — это разбойники, хуже которых нету. Разбойники, конечно, все волки, но за годы странствий и блужданий Шельма научился разбираться в лесных, степных и городских хищниках. Есть новгородские ушкуйники, которые почти что и не разбойники, а просто лихие люди. С ними всегда договориться можно. Есть лесовики — это беглые боярские холопы, их только дурак не обдурит. Есть отбившиеся от своих татары, с которыми надо своим братом татаринном прикинуться. Еще бывают польские, московские и литовские дезертиры. Они люди военные, их можно за собой на какое-нибудь прибыльное дело повести, а по дороге сбежать. Каких только татей Яшка за свою жизнь не убалтывал. Гибкий язык — оружие понадежней сабли. На железное-то оружие Шельма никогда не полагался, даже и не носил его. Если не выручит ум, все

равно быстрые ноги надежней, чем сильные руки.

Но со сбродниками не договоришься. То злодеи совсем гиблые, кто сначала убивает, а потом уже грабит.

Эти вот вылетели из зарослей с ножами-дубинами. Ощеренные, молча. И Яшка сразу понял: сбродники!

Успел все-таки схватить купца за руку, потащил назад, сам закричал сразу по-русски, по-литовски и по-татарски: мол, не убивайте, откупимся. От таких слов всякий приличный разбойник остановится. Спросит: чем откупаться будете? Эти же будто и не слышали.

Догнали бы они Яшку с немцем, положили бы на месте, но Габриэль оттолкнул бегущих к толстому дубу, сам встал впереди, грозно положив руки на пояс. И сбродники на саженого верзилу с разбега не кинулись — обступили полукругом. Увидели, что теперь путники никуда не денутся.

Шельма немного ободрился. Попробовал сказать про откупное еще на нескольких языках. Однако сбродники были совсем дикие, звериного образа. Черт знает, откуда их занесло в эти леса. Ни по-русски, ни по-татарски, ни по-ли-

товски, ни по-польски, ни по-валашски не понимали.

Таких страшенных Яшке встречать не доводилось.

Были они смуглые, кудрявые, черноглазые, у каждого в ухе железная серьга. Серьга-то ладно. У самого здоровенного, видимо главаря, вместо пояса была повязана длинная девичья коса, русая, и к концу присохло что-то бурое — видно, резал с головы прямо с кожей. У другого, широкого, на плече лежала секира, к лезвию которой присохло серое, багровое — глядеть страшно. Не иначе малое время назад мозги кому-то выплеснул. Еще был один с ожерельем на шее, вроде как связка сушеных волнушек. Яшка присмотрелся — матушки мои, это ж уши человечьи!

Все разбойники были косматые, заросшие густой черной бородищей до самых глаз — кроме одного, совсем еще парнишки — голомордого, с птичьим носом.

Сбродники глядели на Габриэля, который был на полголовы выше их вожака. Видно, примеривались, как его свалить. Боха и Шельму не опасались, даже не глядели.

— Беда, хозяин, — шепнул Яшка. — Давай хором шумнем, кнехтов позовем. Может, успеют...

Но сам видел: нет, не успеют кнехты. Пока насад к этому берегу причалит, пока высадятся, будут валяться в кустарнике лишь нагие трупы.

— Не надо, — спокойно ответил Бох, приглядываясь к разбойникам. — Габриэль справится.

— Да их семеро!

— А хоть бы семижды семеро... — И тронул за плечо своего подручника. — Габриэль, можно! Кроме мальчишки.

Длинная и проворная фигура пришла в движение.

Руки оторвались от пояса. В одной был широкий нож, в другой взятый за рукоять гребень. Прыгнув вперед, Габриэль, будто играя, небрежно качнулся вправо — самым кончиком клинка рассек горло атаману; качнулся влево — воткнул острую чесалку прямо в кадык разбойнику со связкой мертвых ушей.

Присел, увернувшись от секиры.

Поймал меж железных зубьев лезвие тесака.

Распрямился.

Разом, одновременно, вонзил татю с секирой в сердце нож, татю с тесаком кровавый гребень в живот. Вывернул. Локтем сшиб наземь подростка — тот повалился ничком и не встал.

Всё это произошло, пока Яшка разевал рот и набирал воздуха, чтобы заорать. А когда завопил, дело уже закончилось. Остатние два сбродника бросились наутек, но убежали недалеко. Габриэль — раз, два — кинул им вслед свои железки, те угодили обоим точнехонько в основание затылка.

— А-а-а-а!!! — закричалось, наконец, Шельме, да можно было уже и не надрываться.

Семь тел лежали на траве неподвижно, Габриэль прохаживался между ними, нагибался, проверял, мертвы ли.

Мальчишку, оглушенного, но живого взял за порты и ворот, поднял, показал Боху.

— Зашвырни его подальше, — велел немец и зажал Яшке толстой ладонью рот. — А ты перестань драть глотку. Ухо заложило.

Великан размахнулся, кинул отрока так, что тот с грохотом обрушился на куст колючего терновника. Заорал, вскочил, понесся со всех ног.

Шельма стоял, икал от ужаса. А Боху хоть бы что. Даже в лице не переменился. Доблестному спасителю Габриэлю и спасибо не сказал, лишь указал перстом:

— Пояс поправь. Расстегнулся. — И молвил как бы сам себе: — Может, зря волчонка отпу-

стил... Ладно, пускай побегает. Что-то живое было в глазах... А если я ошибся, он от судьбы все равно не уйдет. Что? — обернулся к Яшке.

А тот ничего, просто икнул громче прежнего. Однако сказал:

— Милосердный ты, майнхер. Оставил постреленку жизнь.

Бох поморщился.

— Я не милосердный. Есть люди, которых грех не лишить жизни. Например, эти шестеро законченных негодяев. Плох садовник, который не станет вырывать сорняки, потому что они живые.

— Так оно так, — молвил Шельма, косясь на покойников. — Но в Писании-то сказано: «Не убий».

— Мало ли что сказочники понапишут, — усмехнулся Бох.

— Сказочники? — поразился Яшка на кощунство из уст почтенного человека.

— А кто еще? Не хер же Саваоф.

И купец засмеялся.

Вот какой страх случился во время речного путешествия. А больше никаких злоключений, слава Господу, не было.

* * *

В городке Одоеве плавная водяная жизнь закончилась и началась ухабистая, колесная. Но и она Шельмиными стараниями оказалась для хозяина не слишком страдной.

Когда корабль прибыл к месту пересадки, путешественников уже ждали лошади с повозками. Яшкин знакомец, тележный мастер Мосей-Мустафа, из крещеных татар, изготовил всё в лучшем виде, согласно записке, которую Шельма отправил еще из Торжка, — как раз из Новгорода в Рязань скакал гонец и взял бересту за малую плату.

Для купца Мустафа построил настоящую кутарму, удобней которой для степной езды не бывает. Это крытая кибитка на широких колесах, в несколько слоев покрытых кожей особого дубления. Двигается не быстро, но мягко, а на дне, один поверх другого, пять пуховых тюфяков. Ни тебе тряски, ни грохота; дождь, зной и ветер тоже нипочем. Бох уселся — только языком поцокал: ай да Йашка, ай да молодец.

Другая повозка была обычная, для мелкой поклажи. Третья — двойной крепости, предназначенная для железных труб.

Дело в том, что загадку про рогожные свертки Шельма давно разрешил, еще в самом начале путешествия. Кнехтам, видно, велели держать язык за зубами, и на прямой вопрос про груз никто из них не отвечал, но Яшке ихних ответов было и не нужно.

Имелось у него среди разных нужных умений одно несказанно полезное, отточенное еще в детстве: способность слышать, что люди говорят самым шепотом или на изрядном расстоянии.

...Это в цыплячем еще возрасте кормился Яшка при одном барышнике с Торга, слухачом. В слухачи нанимали мальчишек ростом поменьше, умом побойчее. Серьезная сделка, она не быстро заключается. Стороны сходятся, расходятся пошущукаться со своими, сговариваются, как покупателя либо продавца надуть. А неподалеку вертится-играется малый мальчонка, воробышек божий, никто на него и не смотрит. Это и есть слухач. Подслушает — и к хозяину. Однако если догадаются, беда. Уши выкрутят, подзатыльников надают. Маленький Яшка ухвертов и тумачков не любил, вот и научился издали по губам читать, не хуже, чем подслушивать. Потом много

раз в жизни пригождалось. Так же, как кошачий дар видеть в темноте. Но это уже из иных времен, когда по ночам водил купцов в обход мытных караулов, чтоб пошлину не платить. Ох, лихая была работа! Как-то раз на Неве-реке...

Но нет, на это сейчас нечего отвлекаться. Речь-то была про кнехтов.

Подглядел Шельма издалека, о чем они между собой шепчутся, и не сразу, а день этак на третий-четвертый разгадал Бохову тайну. Скумекал бы и раньше, да два слова были незнакомые: «трайбладунг» и «бомбаста».

Но потихоньку заглянул в бочонок, поскреб под рогожей, поподслушивал еще — и стало ясно.

Бомбаста — это какая-то новая пушка. То есть пушки — они все новые, появились недавно, на Руси их еще не видывали. Но эти какие-то вовсе небывалые, из литого железа, а потому легче бронзовых. Палят они чугунным ломом либо просто камнями, далеко и сильно. А трайбладунг — это по-нашему прах, горячая пыль, без которой никакая пушка стрелять не захочет. И вот, стало быть, Бох невиданные трубы вез в татарский Сарай.

Очень это показалось Яшке удивительно. Такой большой человек, а из-за четырех железных чушек потащился на край света.

Где-то в рязанской уже земле, ехали они вдоль Дона, а на той стороне было широкое поле, над которым летало множество голенастых серых птиц с длинным клювом. Бох был в хорошем расположении, и Шельма насмелился спросить: зачем-де везешь пушки Мамаю, майнхер? Сам знаешь, я не дурак и твою тайну давно исчислил.

Бох не удивился.

— Мои бомбасты помогут канцлеру фон Мамаю взять верх над королем Тохтермишем. Купеческий совет Ганзы решил, что для торговли так будет лучше... Что это за птицы над полем летают?

— Кулики. Они по болотам и речным берегам живут, — ответил Яшка городскому человеку. Сам подумал: как это бомбасты помогут одному татарскому владыке одолеть другого? У них каждого по несколько туменов войска — силища, а тут какие-то четыре дуры.

— А почему везем тайно? Зачем Москву объезжаем?

— Неужто не понятно? У московского эрцгерцога Димитра в Новгороде всюду глаза и уши.

Прознали бы — перехватили по дороге. Разве эрцгерцогу нужно, чтобы Мамай усилился? — Немец поглядел вокруг, пробормотал: — Вас-сершнепфе-фельд.

По-немецки это значило «Поле куликов». Дались ему кулики эти.

— Ну, теперь сторожиться нечего, — успокоил хозяина Шельма. — Московским здесь взяться неоткуда. Ордынская степь близко. К завтраму докатим.

**ЧУДО
О ВОЛШЕБНОЙ ЗМЕЕ**

Докатить-то докатили — как обещал Яшка, назавтра утром. Переправились через полувысохшую от жары безымянную речку, за которой кончалась Рязань и начиналась Орда, да и встали. Из-за большого кургана, увенчанного древней каменной бабой, высыпали татары, десятка три — будто нарочно поджидали.

Похоже, это и вправду была засада. Конные сжали прямо на маленький караван.

Кнехты закудахтали, сбились в кучу вокруг кутармы, выставили самострелы, закрылись щитами. Встревожился и Шельма. Всадники были нехорошие. Над ними сверкали наконечники копий, а это оружие татары берут, только когда едут воевать или сопровождают важную персо-

ну. Хуже всего, что ордынцы, а может степные разбойники, наезжали от солнца, — так делают, если собираются атаковать. Чтоб противника слепили яркие лучи.

— Поскачу вперед, договорюсь, — сказал Яшка купцу. — Начнут пускать стрелы — поздно будет.

Бох смотрел вперед, прикрыв глаза ладонью.

— Что это там у них, на палке?

Прищурился и Шельма. Поразился.

— Это не палка, а бунчук. С тремя хвостами. Ого! Такой возят над темниками или большущими мурзами!

— Не надо никуда скакать, — молвил тогда купец. И крикнул своим: — Всё хорошо, ребята! Встаем лагерем!

Татары подъехали ближе. Стало видно, что впереди, под бунчуком, важно покачивается в седле кто-то в белой чалме. Лицо странное, но в чем странность, издалика было неясно. Нукеры все в черных халатах.

— Так, одинаковым манером, одевают своих кнехтов только очень большие вельможи, — опасно сказал Яшка купцу. — Но зачем большому вельможе болтаться по степи в такой дали от Сарая?

Бох, однако, не выглядел обеспокоенным. Он вылез из повозки, потянулся.

Сказал:

— Это хер Шариф-мурза. Мы условились, что он встретит нас близ границы.

Вельможный татарин был уже близко. Лицо его показалось Яшке странным, потому что оно и было странное — будто перечеркнутое пополам: поверх глаз зеленая повязка тонкого шелка. Слепой? Чудно.

Двое нукеров спешили, повели под уздцы дородного белого жеребца, которому, видно, никогда не приходилось нестись вскачь.

Ох и важен был ордынец! Яшка таких сановных и не встречал.

Под одутловатой желтой ряхой белая ухоженная борода; платье парчовое, сапоги зеленые, с серебряным шитьем; наискось тулова, под мышку зачем-то протянут золотой шнур. А главное — никакой он оказался не слепой. Показал на Боха и велел нукерам (Яшка по губам разобрал):

— Туда ведите.

Это потому что большому князю при церемониальной встрече зазорно и уздой пошевелить. А шелковая повязка, надо думать, прозрачная.

— Поприветствуй его по-татарски, как можно цветистее, — приказал Бох.

Яшка бухнулся лбом в траву, разогнулся. Отбарабанил честь по чести: такой-сякой многовеликий-всякопочтенный князь-мурза, тебе кланяется и желает здравия-благополучия немецкой земли наизнаменитейший бек-купец Бох.

Бох снял барет, поклонился, а татарин даже не кивнул.

— Привез, что заказано? — вот и всё «здравствуйте». Ай, большой мурза! Ай, важный!

Купец особым образом хлопнул в ладоши, и четверо кнехтов, кряхтя, сняли с воза один рогожный сверток, вскрыли. Бомбаста заблестела под солнцем своими железными боками.

Тем временем другие кнехты, отбежав в сторону, зачем-то стали рыть землю — складывали из нее холмик.

— Прямо сейчас всё и увидишь, хер Шариф-мурза, — пообещал Бох. — Останешься доволен.

Шельма перевел, хоть и не понимал, к чему всё это.

— Спроси: он так и будет смотреть через повязку? — хмыкнул купец.

Здесь, конечно, требовалось при переводе подбавить почтительности.

— Мой благородный господин осмеливается предположить, что достопочтенному Шариф-мурзе может быть благоугоднее снять с очей повязку?

— Когда будет на что смотреть, сниму, — проворчал татарин.

— Так уже готово, — сказал, выслушав, Бох. — Земляной лафет сооружается быстро.

Что такое «лафет», Яшка не знал. Так и сказал «лафет». Наверное, это была подставка, в которую кнехты превратили земляную кучу, хорошенько ее утоптав. Сверху уложили бомбасту.

Тут мурза наконец снял с лица зеленый лоскут. Сощурился. Глаза у него были припухшие, с красными веками, но несомненно зрячие.

— В запальное отверстие кладется трайбладунг, — стал объяснять Бох.

Кнехт зачерпнул из открытого бочонка черной пыли, через кулек засыпал в дырку, что находилась в задней части бомбасты.

— Через дуло забивается сначала огненный прах, потом заряд...

Слуги особой палкой с кружком на конце затолкали в жерло еще трайбладунга, притащили тяжелый мешок, запихнули и его.

— Что такое «заряд»? — спросил Шариф-мурза.

— В мешке пуд чугунных шариков, но вместо них можно класть обычные камни... Теперь нужно отойти в сторону.

Все — и татары, и немцы — переместились, куда показал Бох: шагов на двадцать вбок. У пушки остался только Габриэль, который непонятно зачем высек огнем искру, запалил трут и стал раскалять кончик железной ко-черги.

— Уши лучше заткнуть.

Бох зажал голову между ладонями. Все последовали его примеру — кроме Яшки. Вдруг хозяин еще что-нибудь скажет, а не услышишь?

— Давай! — крикнул купец.

Габриэль ткнул докрасна разогретой железкой в дырку, и случилось неожиданное-негаданное.

Тяжеленная труба с ужасным грохотом подпрыгнула и плюнулась огнем-дымом. У Яшки заложило уши. А в высокой траве, на которую была направлена бомбаста, пролегла большущая, углом расширяющаяся проплешина, будто невидимый великан с размаху махнул гигантской косой.

Татары присели от шума и огня. Потом зама- хали руками, загалдели. Кнехты — те приосани- лись. Гордились своим немецким чудом.

А мурза похлопал красными глазами, поже- вал губами. Обронил:

— Хорошо. Я доложу беклярбеку. — И только.

* * *

В тот день дальше не поехали. Татары раз- били лагерь в пятистах шагах от каравана, в од- ной из балок, которыми здесь была иссечена вся степь.

Вечером Бох сказал:

— Пойдем, Шельма. Сделаем визит вежливо- сти херу Шариф-мурзе.

Пошли.

В укрытом от ветра месте ордынцы постави- ли кибитки: пять черных вокруг одной белой, над которой торчал бунчук. В ней несомненно и остановился сановник.

Однако часовой гостей к шатру не подпу- стил, объявил, что мурза совершает вечернюю молитву.

— Мы подождем, — сказал Яшка.

— Мурза набожен. Он может молиться и два часа, и три. Однако купец-бек может помолиться вместе с ним, ибо Бог един. Так сказал мурза.

Шельме что? Перевел, уверенный, что хозяин скажет: ну его, мурзу, к тойфелю, пойдем во свояси. Однако Бох неожиданно согласился.

— А ты ступай к татарам, жди там. Для молитвы мне толмач не нужен.

И сразу появились откуда-то двое нукеров, вежливых и радушных, как предписывает степной обычай гостеприимства. Повели Яшку к себе, а там уж и трапеза накрыта: мясо, лепешки, сушеные плоды и, конечно, молочная водка — называется «архи».

Покушал Шельма татарского угощения, участвовал в любезной малоосмысленной беседе — про жизнь в Новгороде, да про жизнь в Сарае. Ничего нужного нукеры ему не сообщили. Только что беклярбек сильно сердится на московского эмира, собирает большое-пребольшое войско, да, может, войны и не будет — договорятся. Единственное полезное, что узналось, — про Шариф-мурзу. Оказалось, что старик при Мамае самый главный советник, беклярбек его мнения во всем спрашивает. Но это могло быть

и брехней. Известно: слуги любят похвалиться значительностью своих господ.

Болтал Яшка о том о сём, а башка была занята другим.

Странно как-то оно всё было. И внезапная богомольность Боха, и татары со своим гостеприимством. А странностей Шельма не любил.

И сделал он вот что. Достал из-за пазухи маленький плоский бурдючок. Там — крепкая чухонская брага, которая хороша, если простыл и надо обогреться. Угостил хозяев. Чухонская брага — не татарская молочная ерунда, а ордынцы на хмель некрепки. Получаса не прошло, а оба нукера, вылакав питье, уже храпели на войлоке. Нет у степного народа привычки к настоящему напитку.

Выскользнул Яшка наружу, подполз на четвереньках к белой кибитке. Распластался на земле, наострил слух.

Ничего внутри не молились, а разговаривали, но-татарски. От первой же фразы Шельму кинуло в холод.

— ...Желтоглазый хитер и ловок, однако далеко вперед видеть не способен, — говорил мурза.

Это же у меня глаза желтые, вздрогнул Яшка. С кем он про меня? Зачем? Почему? Что я такое рядом с превеликим мурзой? И где Бох, там иль нет?

Дальше пошло непонятное.

— ...Он привык доверяться моему совету, и будет делать, как я скажу. Поэтому его надо поддерживать. Хромой — сам себе голова, ничьих советов не слушает, однако с ним мы договоримся. Он понимает выгоду и, если можно получить ее без войны, за меч не возьмется. Самый опасный для торговли Тешлек. Задирист, упрям и любит звон стали.

«Хромой» — похоже, самаркандский властитель Тимур, начал соображать Яшка. «Тешлек» — турецкая порода ухватистых псов, которые если во что вцепятся своими зубищами, нипочем не отпустят. Должно быть, речь о свирепом Тохтамыше, хане Синей Орды. Тогда «желтоглазый» — никакой не Яшка, а Мамай, боле некому.

И сразу полегчало.

Но в следующий миг Шельма опять дернулся.

— Тешлек — природный «князь войны», вроде английского Черного Принца, который наконец покинул землю и теперь горит в аду.

Сказано это было с отвращением — голосом Боха, и притом по-татарски!

— Мы поможем Желтоглазому заключить равноправный союз с Хромцом, — проговорил Шариф-мурза. — Вместе они раздавят Тешлека с двух сторон. И тогда всё получится, как ты хочешь. В Великой Степи установится прочный мир. Обещаю тебе это, чтоб мне не насмешить Аллаха. Но сначала, конечно, понадобится маленькая война. Нужно помочь моему Желтоглазому навести порядок в его русских владениях, иначе Хромец не захочет считать его равней и не отдаст дочь. Ибо что это за правитель, который не может собрать дань с половины собственных земель? Московский эмир обнаглел, его придется проучить. Ничего. Желтоглазый собрал большое войско и сговорился с литовским ханом Ягайлой. Тому Москва тоже, как кость в горле. Война будет недолгой.

Бох со вздохом молвил:

— Не люблю я войн, но эта в самом деле неизбежна. А всё, что неизбежно, является благом. Даже если это война. Ты видел силу моих бомбаст. Они могут стрелять и большими железными ядрами, которые проломают стены московской

цитадели. Без моих пушек твой Желтоглазый каменную крепость не возьмет.

— С пушками ясно. — Мурза хлюпнул — видно, отпил кумыса или еще чего. — А теперь скажи, чтоб мне не насмешить Аллаха, привез ли ты новые зеленые стекла, как я просил? С тех пор как старые разбились, я вынужден ходить, как дурень, с зеленой тряпкой на лице. Через шелк мало что видно, но очень уж глаза болят от яркого света. Правда, мне теперь ни на что не хочется смотреть. Я всё на свете уже видел.

— Ты состарился, Шариф, — добродушно заметил купец. — А мне по-прежнему всё интересно.

Мурза хихикнул.

— Помнится, ты говорил, что стареть и умнеть — одно и то же. Значит, я стал умнее тебя, чтоб мне не насмешить Аллаха.

— Всё та же присказка. — Шлепок, будто ладонь хлопнула по плечу. — А если Аллах любит, когда его смешат?

Оба хохотнули. Что-то зашуршало, звякнуло.

— Держи, слепая курица. Вот тебе очки с зелеными стеклами, взамен старых. А вот еще одни.

— ...Зачем они мне? В них прозрачные стекла.

— А ты надень.

Яшке стало невыносимо любопытно, что это они там рассматривают? Он осторожно приподнял нижний край шатра, пристроился подглядеть.

Приятели — а судя по беседе, Бох с мурзой были именно приятелями, причем старинными, — сидели друг напротив друга, у низкого

столика со снедью. Татарин вертел в руках штуковину: причудливо изогнутая золотая проволока, и в нее вставлены два малых круглых стеклышка. Нацепил на нос, удивленно крякнул.

— Новинка, — сказал Бох. — Флорентийская.

— Давно я так ясно не видел! — вскричал Шариф-мурза. — Неужто и читать смогу?

Он взялся за витой шнур, что висел у него через плечо, и вытянул из-под мышки сверкающую золотом табличку. Прочел:

— «Силою Вечного Неба, покровительством Великого Могущества. Кто посмеет отнестись без благоговения к носителю сего знака, тот навлечет на себя гнев Гияс-ад-дин Мухаммед-Булак-хана и кару Всевышнего». Читаю, читаю, чтоб мне не насмешить Аллаха!

Это у него ханская пайцза, самого высшего ранга, понял Шельма. Перед такой все в Орде склоняются. Интересно. Но во сто крат интереснее, конечно, было то, что они с Бохом друзья и что немец, хитрован, отлично знает татарский.

— Кстати о хане Мухаммед-Булаке. — Шариф отложил волшебные стекла. — Ты привез, что он заказал?

— Конечно. Безделица обошлась мне в сорок раз дороже, чем бомбасты. Но я рассчитываю выручить за нее втрое. Получилось очень красиво. Хочешь посмотреть?

— Если ему понравится — заплатит, сколько запросишь. А смотреть я не хочу, — равнодушно ответил татарин. — Видимая глазу красота меня больше не радует, чтоб мне не насмешить Аллаха... Помнишь, как мы с тобой в Иерусалиме были на диспуте ученых раввинов, и мудрый Аарон Бен-Эзра сказал: «Когда во мне иссякнет любопытство, я пойму, что пора умирать». Вот и мне, наверное, пора.

— А мудрый Исая Бен-Акива ему ответил, — подхватил Бох: — «Ты забыл, что самое любопытное начнется после смерти»... Нет, по-еврейски это звучало лучше.

И они перешли на язык, не известный Шельме. Оба оживились, засмеялись и дальше говорили уже на этом кудахтающем наречии.

Но Яшка все равно перестал вслушиваться. Он думал: а сколько стоили бомбасты? Поди, недешево. Что же за сокровище может обойтись в *сорок* раз дороже? И, главное, где оно? За время пути вроде весь груз перерыл, и не

один раз. Ничего такого нету — ни ларца, ни сундука.

Пришел в голову и другой вопрос — попросе, но тоже заковыристый.

Если Бох говорит по-татарски, зачем потащил к мурзе толмача? Уж не затем ли, чтобы увести из лагеря?

А коли так, именно там, в лагере, Яшке и надлежало сейчас находиться.

* * *

Он несся по темному полю со всех ног, но все-таки опоздал.

В лагере не было ни души. Пустые палатки да две повозки — Бохова и та, которая легкая. Воз с бомбастами пропал.

Яшка нагнулся к самой земле — уж не провалились ли сквозь нее люди с пушками.

Нет, не провалились. Вблизи был виден след от тяжелых колес. Он уходил в объезд кургана.

По этой колее Шельма и кинулся.

Вскоре из недалекого оврага донесся шум — звяг, скрип. Подле приметного расколотого кам-

ня, торчащего на самом краю балки, Яшка согнулся, осторожно выглянул.

Ночь была темнющая, но выручила способность прозирать тьму.

Сначала показалось, что на дне копошится какая-то куча-мала, но скоро Шельма понял: это кнехты засыпают яму. Повозка стояла неподалеку. Пустая.

Ах вот оно что.

Побежал обратно к татарскому стану.

Бох с Мурзой были всё там же, в шатре. Упившиеся ордынцы сладко спали. Бегал Яшка менее получаса.

Сел, стал чесать затылок, думать.

Скоро ли, не скоро ли в темноте слышались тяжелые медленные шаги. Так ступал хер Бох. Шельма, пока ничего не надумав, повалился на войлоки, рядом с татарами. Тоже захрапел.

Тронули за плечо — сделал вид, что проснулся.

— А? Помолились?

— Пойдем, — молвил Бох. — Пора уже.

Пора так пора.

...Утром, когда ехали по степи, Яшка сделал вид, что удивлен — с чего это полегчал воз.

Кинулся к Боху: беда, бомбасты пропали!

Тот ответил как ни в чем не бывало:

— Пушки не пропали. Кнехты зарыли их в укромном месте.

Не соврал, надо же.

— Зачем?

— Я показал советнику канцлера фон Мамаю товар. Теперь хочу получить за него плату. Потом мои люди покажут татарам, где спрятаны пушки.

— Но из Сарая сюда чуть не тысячу верст добираться! Коли Мамаю от твоей милости нет доверия, что и правильно, зарыл бы поближе.

И опять купец ответил похожее на правду:

— Ни к чему тяжелый груз таскать вперед. Канцлер все равно скоро пойдет на Русь, через эти самые места. Скорым маршем, без тяжелых обозов. Взять бомбасты перед самой границей ему будет удобней. — Здесь Бох с любопытством взглянул на Яшку. — А не горько тебе, русскому, что Мамай на твою страну идет с мечом?

Шельма удивился.

— Он, чай, на Москву идет. А я новгородский.

— Ну-ну. — Немец отвернулся. — Ладно, поеду к херу Шариф-мурзе, окажу уважение.

Татары двигались сзади, сами по себе. То ли охраняли, то ли следили, чтоб караван никуда не сбежал. А скорей всего, и то, и другое.

И сопровождение это пригодились.

Вечером того же дня из-за недалних холмов вдруг налетела конная лава, сотни в три всадников. С улюлюканьем, свистом, гиком — мороз по коже.

Степняки какие-то, не поймешь кто — то ли сарайские, то ли крымские, то ли приبلудные.

Шариф-мурза, ехавший рядом с Бохом посередине меж немецкого и татарского отрядов, спокойно повернул коня навстречу чужакам. Яшка ехал близко, шагах в двадцати — спереди. Выменял у одного кнехта осколок зеркала и учился, подглядывая назад, читать по губам шиворот-навыворот. Пока получалось плохо.

Однако разглядел, как мурза поднимает над головой свою золотую пайцзу, издали показывают конникам. Те подлетели, посмотрели. Перед-

ние почтительно спешили, склонились до земли. Потом попрыгали в седла, и дикая ватага укатилась обратно, откуда взялась.

Вот такая у мурзы была чудо-табличка.

Сам-то татарин Яшке сильно не нравился, и чем дальше, тем больше.

Дорога оставалась еще длинная, а поговорить теперь стало не с кем. Днем Бох ехал бок о бок с мурзой, наособицу. Вечером уходил к ордынцам «молиться». Купцу Шельма сделался не нужен, сыскался приятель позакадычней, собеседник поинтересней. Обидно это было.

От одиночества Яшка непривычно много думал, аж голова скрипела. Вертелись в ней две настырные мыслишки, искушали.

Первая — про зарытые пушки.

Вроде бы железяки и железяки, в мирное время цена им наверняка не ахти какая. Но товар, он дорог к базарному дню. А базарный день для оружия — скорая война.

Бомбасты, видно, являли собой немалую ценность, коли Бох самолично вез их в дальнюю даль, а Мамай высылал навстречу главного со-

ветчика. Московский князь, поди, дорого запла-тил бы, чтоб пушки не достались татарам, а по-пали к нему, защищать его новостроенный ка-менный Кремль. Опять же есть литовцы. Ихний великий князь Ягайло в стороне от войны тоже не останется. Его предшественник грозный Оль-герд двенадцать лет назад ходил на Москву и крепких стен сломать не сумел. А пушки их про-бьют. Сколько даст Ягайло литовский за ключ к твердыне?

Потеряться бы сейчас, отстать от каравана. И дунуть со всех копыт — либо в Литву, либо в Москву. Одна трудность: больно умен купчи-на. Враз скумекает, что к чему, если Яшка ис-чезнет. Отправит татар в погоню. Шельму они, может, и не настигнут, но пушки от греха вы-копают. Не поспеешь передать новому покупа-телю.

Как обойти эту закавыку, Яшка придумать пока не мог.

Вторая неотступная дума была, конечно, про непонятное сокровище, которое в сорок раз до-роже бомбаст. Где оно, где?

Обе лакомые мысли толкались в башке, ме-шали одна другой. А время шло.

* * *

Озарение постигло Шельму полнолуной ночью, когда стояли лагерем у берега Дона. Вскоре после озарения явилось и чудесное чудо.

Но сначала про озарение.

От того поля, над которым летали кулики, чем-то заинтересовавшие Боха, все время двигались к югу берегом неспешного Дона, который летом не пересыхает и всегда можно коней напоить. И вот вышли к мелкому месту, где надо поворачивать на восток, к Волге. Ночью, как уже сказано, светила полная луна, ярко. Яшка отправился к реке посмотреть, как там с бродом, передут ли завтра повозки, или придется их разгружать, веревками по дну тянуть.

Перед мелководьем Дон разливался широко, а потом сужался и убыстрял течение, крутился серебристыми загогулинами. Берег весь порос камышами. И воссияло в Яшкином уме оно — Озарение.

Потонуть надо, вот что. На глазах у Боха.

Там, где течение погуще, сверзнуться с коня. Нырлял Шельма очень превосходно. На Волхове,

бывало, шагов полста умел скрытно под водой проплыть.

В заранее присмотренном месте воткнуть в дно длинную полую камышину. Там же положить камень, за который держаться, чтоб не всплыть. Дышать через стебель Яшка умел, доводилось в многотрудной жизни.

И вся хитрость. Потоп человек, бывает. А после, когда уедут, выбраться обратно и запустить назад, на поиск пушечного покупателя. Что без коня останешься, не страшно. По степи много бесприютных лошадок бродит. Поймаем какую-нибудь, а то и двух.

Немедленно приступил к подготовке.

Сначала надо было найти на бережку укромное место, чтоб спрятать съестной припас и прочую поклажу, необходимую в долгой степной дороге. Потом приготовить несколько широких тростинок, с запасом...

Занятый важным делом, Шельма чуть не пропустил Чудо, которому суждено было затмить собою остромысленное Озарение. Ибо — так и в священных книгах сказано — Божий

Промысел всяко чудеснее суетного человеческого ума.

Бродя в камышах, Яшка случайно оглянулся на поле, да и застыл.

К берегу топал долговязый Габриэль, похожий в лунном свете на бесовское крошечное наваждение: собою черный, огромный, неясственный.

Однако страх прошел быстро — чудище направлялось не к Шельме, а в густую прибрежную заросль.

Миновал испуг — накатило любопытство.

Зачем это он?

Ищет укромное место справить нужду? Наверяд ли. Всегда облегчался на виду у всех, даже среди бела дня — не стеснялся.

Пригнулся Яшка, стал подкрадываться. И скоро увидел в камышнике малую прогалину, всю залитую белым небесным сиянием. Там, озираясь, стоял Габриэль, по пояс голый, и яростно чесал бока своей железной гребенкой. Тело у него было всё в мышечных буграх, будто каменное, а кожа — в темных полосах, видных даже при луне. Ясное дело: лютая потница. Еще бы! По все дни не снимает куртки и широкого пояса, при жаре-то.

Зачем чешется, от всех прячась? Чего таить-ся-то? Полоумный он все-таки, черт нерусский.

Разочарованный, Шельма хотел уж тихонько удалиться, как вдруг Габриэль, еще раз посмотрев во все стороны, поднял с земли свой широкий кожаный пояс, расстегнул на нем что-то и — Яшка не веря захлопал глазами — потянул оттуда узкую, переливающуюся искрами змею!

Но Шельме лишь в первый миг померещилось, будто это змея. Бывший палач растянул сверкающую ленту во всю длину, подставил ее лунному свету, и стало видно, что в руках у него златокованный пояс, весь в драгоценных камнях — несказанной красоты. Габриэль пялился на него, как бывало тарачился на свои съедобные цветы. Поднес к губам, но не укусил — поцеловал. Вздохнул, стал запихивать чудо-змею обратно в кожаное хранилище.

Тут-то и настала полная ясность.

Вот оно, сокровище, о котором Бох говорил мурзе. То, чего ждет ордынский хан. Надежней места, нежели чресла ужасного Габриэля, во всем караване не сыскать. Поэтому страшилище никогда не разоблачается на людях. Вспомнилась и

непонятная забота Боха о Габриэлевом поясе: не туг ли, да не расстегнулся ли.

Ах ты, ах ты!

И передумал Яшка топиться. Про закопанные бомбасты тоже забыл. Что они по сравнению с золотой алмазночешуйной змеею? Колоды железные, тьфу на них!

**ДАСТАН
О ЗАКОЛДОВАННОЙ ДЕВЕ**

...Ты прощай, мой конь, верный Карагыз.
Помнишь, как с тобою шли мы на Хорезм?
Был ты молодой, стук твоих копыт
В трепет повергал весь Мавераннахр...

Татарин-дастанчи выводил тонким голосом бесконечное сказание-дастан о прощании Чингисхана с конем Карагызом, который сбросил великого царя наземь и повредил ему становую жилу. Хан велит не казнить виновника своей кончины, а лелеять и беречь, благодарит Карагыза за то, что не дал одряхлеть и позволил умереть в поле. Заодно вспоминает все походы, в которых они с конем побывали. Походов бесчисленное множество, рассказ про каждый долог — для длинного степного путешествия самое оно, но завывание голосистого нукера Шельме жутко

надоело. Это, конечно, лучше, чем песни бурлаков, но тоже тоскливая тоска.

От скуки Яшка начал сочинять по-татарски свой собственный дастан — тихонько, мурлыча себе под нос.

Ай, Дешт-и-Кыпчак, степь широкая,
Ай, Чабак-Тенгиз, море синее,
Подскажите мне, как найти-сыскать
Тропку верную, потаенную
К башне каменной, зачарованной,
Где томится-ждет дева красная,
Дева красная, да печальная.
Заколдована злым волшебником,
Горьки слезы льет, изнываючи,
Изнываючи, иссыхаючи,
Багатура меня поджидаячи...

Оказалось, под хороший дастан и ехать веселей, и мысль разгоняется.

За минувшие дни Шельма себе уже всю голову сломал: как бы добыть несказанную змею-красу?

Уж он крутился, крутился около Габриэля, высматривал, прикидывал, но достиг лишь того, что чертяка поглядел на него с особенным вниманием, нехорошим. От этого мертвящего взгляда Шельма шарахнулся в самый хвост каравана

и больше к хранителю пояса приближаться не осмеливался.

Теперь держался неподалеку от Боха с мурзой, которые всё ехали меж двух отрядов бок о бок, чесали языки о всякой всячине. Яшка наконец обучился и через зеркальце по устам читать. Ехал шагах в двадцати, ближе было бы подозрительно. Прятал малое стекло в ладони — вроде глаза от солнца прикрывает, а сам жадно вглядывался, благо зрение ястребиное.

А только ничего про золотую змею друзья-приятели не говорили. Болтали всякую дребедень. Про ханов и эмиров (будь они неладны), про войну-торговлю, либо вспоминали свои прошлые похождения, или же пустоумничали про вовсе скучное — жизнь, смерть, род людской. Притом не всегда по-татарски. Иногда переходили на языки, которых Яшка не ведал и даже не всегда мог распознать.

Лишь один раз довелось подслушать, верней подглядеть про сокровенное. Хоть что-то разъяснилось.

Говорили про юного ордынского хана Мухамед-Булака, от чьего имени правит желтоглазый Мамай. Что-де надо хана женить на дочке Хромца и тем скрепить сарайско-самаркандский союз.

Вот усмирит Орда московских бунтовщиков, соберет с Руси большую дань, тогда и свадьбе быть.

Про это-то Шельма внимал вполглаза, надое-ло. Но вдруг мурза говорит:

— Наш двор заказал подарки для сватовства именитым купцам всего мира, но твой золотой пояс должен хану понравиться больше всего. Мамаю ты угодишь пушками, Мухаммед-Булаку — даром для невесты. А дальше уж я позабочусь, чтоб в Сарае тебя полюбили.

— Так и не хочешь на него посмотреть? — спросил Бох. — Нынешние европейские ювелиры не уступают индийским и арабским. Пояс выкован златокузнецами Мюнхена, а в Гамбурге разукрашен алмазами, изумрудами и рубинами. Я надеюсь ввести европейские украшения в моду на Востоке. Восемь тысяч дукатов потратил.

От такой суммы Яшка чуть из седла не сверзся. А Шариф равнодушно молвил:

— Понравится мне или нет — какая разница? Я ведь не Мухаммед-Булак. Скажи лучше, надежно ли охраняется сокровище?

— Надежнее не бывает. Помнишь, как ты влюбился в наложницу султана Салиха ас-Салиха, а гарем стерегли сорок нубийских евнухов, три льва и шесть ягуаров? Мой пояс охраняют лучше.

И тут, на самом ключевом месте, разговор пошел вкось.

— Я ходил-ходил вокруг ограды, изнывал от любовной тоски, но так и не сыскал лазейки! — со смехом подхватил седобородый мурза, сверкая зелеными стеклами. — Помнишь, что ты мне присоветовал?

Дальше он перешел на непонятный квохтающий язык — наверное, арабский, и потом к дельному разговору они уже не вернулись.

Яшка ехал оглушенный. Трепетал.

Восемь тысяч золотых дукатов!

Это можно купить в Новгороде боярский терем и жить-поплевывать, в окружении челяди, восемь тысяч недель. Да еще пить-гулять и всю улицу поить. Восемь тысяч недель — это сколько лет?

Однако без дела жить скучно. Сколько может человек съесть-выпить? И улицу утощать незачем.

Восемь тысяч хватит, чтоб приобрести среднего размера город с деревнями, князем стать.

Нет, не надо князем. У князей жизнь поганая. Дави нижних, кланяйся верхним. Никакой воли.

Лучше купить торговый флот, нагрузить товарами, да и махнуть по заморским портам, всюду продавая задорого, а покупая задешево...

...В общем, было теперь Яшке, о чем по-мечтать.

Однако приятному этому занятию он предавался, когда хотел себя полакомить. В прочее же время размышлял, как бы у злоужасного Габриэля из пояса золотую змею добыть да живу остаться.

Ох, нелегкая была задача. А между тем лето перевалило за середину и долгая, в две тыщи верст, дорога близилась к концу. Ехали теперь вдоль Волги, которую у верховьев видели речушкой-утятницей, а ныне она оборотилась широченным морем, еле разглядишь другой берег. До татарской столицы оставалось недалече.

Лучше б сокровище, как в сказке, было заперто в чугунном ларце, который внутри железного сундука, который в чреве рыбы-кит, которая в пучине синя-моря. Яшка добыл бы, придумал что-нибудь. Однако от мысли, что нужно снять златую змею прямо с лютого зверищи Габриэля, прошибал холодный пот, делалось зябко. А начинал Шельма мечтать про восемь тысяч дукатов — становилось жарко. Так и маялся, будто в лихорадке. Но охотничий огонь был сильнее боязненного хлада. И думы упорно возвращались всё к тому же.

Палач никогда не снимает своего кожаного пояса — только где-нибудь в укромном месте, чтоб почесаться. Там к нему не подступишься. Сон у него, гада, легкий, многожды проверено: чуть кто приблизится, сразу веки дергаются и ноздри начинают будто принюхиваться. Тоже не выйдет.

Как же тогда?

Разум, если он у человека есть, навроде водяной капели. Будет капать в одну точку до тех пор, пока не промоет дырку. Так вышло и с загадкой, как вызволить красу-деву, которую злой волшебник обратил в змейку, посадил в терем и приставил в охранение грозного Горыныча.

Яшка вил ниточки одну к другой, завязывал узелками и в конце концов сплел в крепкую веревку, на которой, пожалуй, можно было забраться к прекрасной пленнице в заветное окошко.

Надо только набраться терпения. Раньше Сарая дело повернуть не получится.

С терпением у Шельмы было не очень, больно непоседливый нрав: если сильно чего-то пожелается — дай сразу. Однако ради куша, равного которому, наверно, нет на всем свете, можно было, как поют татарские дастанчи, «сойти со скакуна пылкости и пересесть на верблюда

ожидания». Тем более что близость огромного города с каждым днем ощущалась всё явственней.

* * *

Ордынская столица, некогда поставленная ханом Берке и оттого называемая Сарай-Берке либо Новый Сарай (был еще и Старый, поставленный ханом Батыем), стояла в гладкой сухой степи, по которой караванам и всадникам хоть зимой, хоть летом ездить одно удовольствие. Поэтому дороги, проезженные тысячами повозок, протоптанные мирьядом копыт и ног, возникали сами собой, постепенно сходясь к одному центру — будто паутина к пауку.

Тыщу верст ехали-ехали и редко кого живого видали, а тут все чаще стали попадаться встречные и попутные. Потом появились тропы, слились в широкий торный путь, по которому повозки, кони, волы, верблюды и просто пешие тянулись несплошным, но и нежидким потоком. Кое-кто, не обремененный тяжелым грузом, продолжал следовать стороной, вольно, по высу-

шенной августовским солнцем траве, однако и они двигались в том же направлении.

Сердце у Шельмы стучало всё быстрее. Не только от предвкушения встречи с девой-змеей, но и от близости к Сараю. Соскучился Яшка по большому торговому городу, где много разномастных людишек, и все толкаются, бранятся, горланят, гогочут, норовят объегорить друг друга, и всем чего-то надо, а вокруг столько красот, соблазнов, сокровищ. Ну их, леса-степи. Тоска одна. Вот город — это да.

Сарай был город исключительно хороший, Яшка его любил почти так же, как Новгород. Хотя, говоря честно и беспристрастно, Сарай был лучше. Единственный, ни на какие другие города не похожий.

Во-первых, богатейший в мире. Рассказывают, в старые времена царем столиц был греческий Константинополь, за что и прозван «Царьград», однако ныне он стал вроде кладбища — половина домов пустые, дворцы поразвалились, на площадях сквозь каменную мостовую растет чертополох. Остались только могучие стены, но город красен не укреплениями, а базарами.

Вот в Сарае крепостных стен вовсе нет, потому что ордынским ханам отродясь бояться неко-

го. Кто посмеет напасть на их столицу? А базаров, каждый больше новгородского Торга, целых восемь. Ибо стоит Сарай на перекрестке двух великих торговых путей — Волжского и Шелкового. Богатющий — не передать! Тут ведь скопилось не только наторгованное, но еще больше — награбленное за сто с лишним лет, да привезенное в виде дани со всех четырех сторон света.

На самом деле это не один город, а несколько, вытянувшиеся в длинную-предлинную полосу, от края до края которой пешему не пройти и за день.

В середине — Ханский градец, где дивные дворцы с зелеными садами, широкие площади, посольские подворья. Еще есть половецкий градец, арабский, персидский, русский, болгарский, фряжский, еврейский. Всяк народ своему богу молится: кто суннитскому иль шиитскому Аллаху, кто русскому Христу, кто латинскому Крестусу, кто армянскому Кростосу, кто китайскому богу Будде, кто иудейскому Яхвею, кто каменным идолам, кто духам бесплотным. Татарам все равно, как подданные или приезжие веруют, — соблюдали б закон да платили пошлины.

Но люди разных племен живут тут не чтоб молиться, а чтоб торговать. Поэтому во всех са-

райских градцах, кроме Ханского, главное место занимает рынок. Товары в Сарае — какие хочешь, и дешевы. В прошлый приезд Яшка закупил тут отличных коней всего по полсотни дирхемов за голову, отогнал в Азак, что на Сурожском море, там продал вчетверо. Вот какой он, торговый Сарай.

А в срединном Ханском градце базаров нет, зато там, в государевом дворце, в теремах у знатных мурз и первых купцов полно чудес, каких нигде больше не бывает. Будто бы бежит там прямо через покои чистая вода по трубам. Захотел попить или умыться — отворяешь прямо в стене заслонку, и льется. Под изразцовыми полами, говорят, тоже трубы, и зимой течет в них вода горячая, от которой в палатах тепло. Хотя это, может, и врут. В Сарае Яшка бывал не единожды, но к хану во дворец не заглядывал, незачем было.

...Высоченный золотой купол над ханским чертогом, увенчанный золатым же полумесяцем, — вот первое, что видели едущие в Сарай путешественники. Яркая сия звезда начинала сиять посреди ровной степи верст за двадцать.

Увидел Шельма вдали знакомую золотую искру и сжал кулаки. Вот она — лестница Иакова.

Скоро либо поднимешься на самый верх, либо свернешься в бездну.

Искра-то была знакомая, но обнаружилось и новшество, какого раньше в сарайском обычае не водилось.

В прошлый Яшкин приезд здесь правил не Мамай, а Урус-хан, и тогда в столицу въезжал-выезжал всякий как захочет. Ныне же на дороге стоял дозор, останавливавший каждого, а по всей степи, в обхват города, маячили кучки

всадников, в полете стрелы одна от другой, так что и полем без досмотра ни войти, ни выйти было невозможно. Хуже того: Шельма рассмотрел, что люди, покидавшие Сарай, показывали казенным людям какие-то таблички, надо думать, выдаваемые властями. Вон как при Мамае стало строго. Ночью тоже вряд ли прошмыгнешь. У татарских нукеров слух на степные звуки острый, всякий шорох за сто шагов услышат.

Караван, конечно, проехал запросто. Шариф-мурза небрежно посверкал золотой пайцзой, и дозорные склонились до земли.

А если у человека нет пайцзы, тогда как?

Вопрос пока остался без ответа.

* * *

Ах хорош, ах дивен Сарай! Яшка живал здесь трижды, подолгу, но запомнил, какой это красивый город.

Улицы широкие и прямые, не то что в Новгороде или Любеке. Площади просторные, на них каменные источники с холодной водой. По обочинам арыки, куда уходит всякая нечистота. И повсюду сады, отрадны своей прохладной тенью. Нелегко, поди, в нижеволжских степях, летом знойных, зимой морозных, было деревья высаживать. Хотя не татары же сажали-поливали, а пригнанные издали полоняники...

Страх и красота друг другу враги. Прочие города земли все построены с опасением, поэтому сжаты стенами, скрытны, тесны. А Сарай — единственный на свете возведен без страха. Поэтому раскидист, приволен, прекрасен собой. Вот о чем

думал Яшка, глядя на разноцветные дворцы и мечети-минареты, на изразцовые мавзолеи, на персеобразные купола, на многочисленные бани, до которых сарайские жители большие охотники.

Попалась среди бань и хорошо знакомая, где Яшка в первый приезд пристроился банщиком. Хорошая была служба. Моются-то все нагишом, а одежду и ценное запирают в особый сундук, ключ вешают себе на шею. Но Яшка слепков понаделал, это не штука. Главное было соблюдать два правила: тырить не по многу, а по паре монет. И только у тех, кого моют другие банщики. Так, клюя по зернышку, прожил Шельма несколько месяцев в ожидании настоящей удачи. И приплыла, голубушка. У индийского купца в кисете с халвой, в самой середке, была упрятана большая розовая жемчужина. С нею Яшка и отбыл из Сарая. Эх, приятно вспомнить...

На площади перед дворцом белоснежного камня Шариф-мурза важно кивнул Боху, будто едва знакомому, и въехал со своими нукерами в высокие ворота.

Распрощались, стало быть.

Купец сразу оборотился на Шельму, подозвал.
— Ну, где твой «Ак-Юлдуз»?

Яшка еще из Новгорода, через знакомых ордынских купцов, снял для проживания хороший караван-сарай. У ордынцев налажена скорая йамская служба — письма пересылать. Караван до Сарая больше двух месяцев волочился, а конные йамщики за две недели долетели бы.

Третьего дня, завидев йамского гонца, спешащего в Сарай, Шельма за дирхем передал письмо для хозяина Семиз-Якуба: будем тогда-то.

Толстяк не подвел, приготовил всё, как заказано.

Для Боха большую комнату, открывающуюся в сад. Там кресло и стол, кошмы-подушки, чиряги (такие масляные светильники — чтоб читать). Для дневной жары под окном, в корытцах, лежат глыбы зеленого волжского льда, его с зимы хранят в подвалах. Для ночного студа (в здешней степи даже в августе при северном ветре ночью бывает холодно) — бронзовый мангал с углями.

Купец остался доволен, похвалил Яшку.

Габриэлю полагалась смежная с хозяином комнатенка — маленькая, но отдельная. И там на подносе разложены тыковки, несколько больших реп, огромные крымские яблоки. Вырезай свои

цветочки сколь пожелаешь, не обожрись. Чудище огляделось, кивнуло. Для дракона свирепого это была невиданная любезность.

У Яшки отлегло от сердца. Очень он боялся, что Габриэль потребует жить вместе с Бохом, чтоб оберегать безопасность господина. Для Шельминоного замысла это было бы плохо.

Но страшный человек, должно быть, знал, что в ордынской столице порядок и грабителей не бывает. Удовольствовался соседством.

С удобством разместились и кнехты.

В общем, все были довольны, а больше всех сам Яшка.

Ну, дева-змея, скоро будешь нашей.

**ВИДЕНИЕ
О БЛАГОДАРНЫХ ДУШАХ**

Утром засветло Яшка отбыл со двора. Сказал, что отправляется за настоящей едой, два с лишком месяца чепухой питались. И припасов, конечно, закупил. Но сначала посетил Железный рынок, потом Златокузнечный и еще Индийский, где торгуют дальние купцы с востока — не только из Индии, но из Китая, Персии, Аравии, Египта. Нашел самое нужное у краснобородого купчины из Исфагани. Лишь после этого заехал на Обжорный базар и накупил там всего, что любят немцы и чего Толстяк Якуб в караван-сараяе не держит. Себе взял сладкого венгерского вина.

Город был великий, рынки раскиданы по разным концам, и пешком во все места Шельма ни-почем бы не поспел, а на двух лошадях обернул-

ся уже к полудню. Отдал на поварне распоряжения, как кормить-обихаживать немцев, и пошел к Боху за расчетом.

Так, мол, и так, пречестной хер, я свою службу исполнил, караван до места доставил, а теперь прошу выдать обещанное: половину серебром, половину золотом. Золото за пазуху спрячу, на серебро накуплю индийских благовоний, которые весят мало, а стоят дорого, отвезу в Новгород, продам.

Бох одобрил.

— Это правильно, — говорит. — Честный бабыш надежней и прибыльней любого плутовства. Рад, что ты это понял. Мой тебе совет: потрать на товары не только серебро, но и золото, ибо деньги должны не бездействовать, а работать. Купи красного молотого перца. Он легче пуха, а в Риге и Ревеле идет по дукату за унцию.

От доброго совета Яшка растрогался, поклонился до земли, по-сыновнему обхватил немчина за круглые бока, облобызал в колено. Бох погладил его по вихрам.

— Жалко с тобой расставаться. Мои люди к тебе привыкли, не нахвалятся на твою расторопность. И мне без тебя скучно будет. Может, останешься? В Самарканд вместе поедем. А о плате сговоримся.

— В чужом краю хорошо, а дома лучше, — ответствовал Шельма, сердечно поблагодарив за ласку. — Нынче же съеду. Хочу только с дозволения твоей милости напоследок камарадов угостить. Чтоб добром поминали.

И попотчевал кнехтов, расстарался.

На столе были и давно нееденный пшеничный хлеб, и жареная-вареная говядина, и курятина-гусятина, и рубленое мясо в кишках — «вурст» называется (немцы любят), и пиво, купленное у богемского пивовара.

Габриэль со всеми трапезничать не садился, в дороге всегда жрал наособицу. Теперь тоже наложил себе в миску, чего хотел, и отбыл в свое логово. Так тому и следовало быть.

Через короткое время Яшка зашел к драконицу, спросил, всё ли ладно, и — от чистого сердца, в знак недержанья обиды за старое — поставил фляжицу с венгерским вином. Знал, что палач на сладкое падок. Габриэль понюхал, отпил — понравилось. Спасибо, конечно, не сказал, но нам и не надобно.

Через четверть часика заглянул Яшка в щелку. Сидит, жует-отхлебывает. Не набрехал ли краснобородый исфаганец про зелье?

Тревожно стало. Но еще малое время спустя наведалься — дрыхнет! Откинулся, башку свесил, из пасти слюна висит.

Ай да персидская дурманная травка!

На дворе ждала нерасседланная после покупок верховая лошадь. В переметных суммах — всё потребное для дороги.

С бьющимся сердцем Шельма приблизился к Горынычу, щелкнул по носу — проверить, крепко ли спит.

Тот приоткрыл веко, но глаз был мутный, с широким черным зраком.

— Ладно, что уж так благодарить-то. Я же не сам, я только исполнял его волю, — сказал Габриэль на своем корявом немецком и застенчиво улыбнулся — на его свирепой роже оно было удивительно.

— Кому это ты? — спросил Яшка и осторожно дотронулся до застежки на кожаном поясе.

Габриэль хихикнул — ему было щекотно.

— Вам. Душам. Ух, сколько вас. Все разом пришли.

Ничего не видит, не соображает, успокоился Шельма и стал щупать внутри пояса — где там змея.

— Бросьте, не целуйте мне руки. — Габриэль мягко толкнул его в плечо. — Поняли наконец, что так для вас же лучше? А как кричали, как меня проклинали! «Не губи! Смилуйся!» Теперь сами рады. Здесь-то лучше, правда?

Ага! Вот она, лапушка. Вот она, краса небесная. Переливается, сверкает. Тяжеленькая!

Змеюшку-голубушку Яшка сунул в пояс, нынче купленный у старьевщика. Широкий, плотный, двойной кожи, но не новый, а сильно потертый, никто не позарится. Похлопал себя по бокам. Отлично! На базаре Яшка раздобыл деревянную пайцзу, с какой из Сарая выезжают. Правда, дозорные и обыскать могут, ну да пояс-то, поди, щупать не станут? Ладно, отбредемся как-нибудь. Всякой докуке свой час.

Вместо змеи запихнул Габриэлю в пояс медную цепь (в ювелирной лавке стоила два дирхема), утяжеленную свинцовыми чушками из лудильного ряда. Снова застегнул, приладил по ровнее.

— Я всех вас тоже люблю, — проникновенно молвил ему Габриэль. — Теперь мы с вами одно.

Бес знает, с кем это он. Интересно было бы узнать, но сейчас не до этого. Пора уносить ноги.

...Во дворе споро, но без подозрительной спешки сел на лошадь. Потянул узду — к воротам ехать.

Вдруг сзади:

— Йашка, уже уезжаешь? Погоди.

Бох!

Купец стоял у перил, манил рукой.

Эх, чтоб тебя разорвало, брюхан немецкий!

— Что угодно твоей милости? — залучился Шельма улыбкой. — Время позднее, скоро вечер. Поспешать надо.

— Окажи мне последнюю услугу. Прислали от господина Шариф-мурзы. Король Магомет и канцлер фон Мамай желают дать мне аудиенцию прямо сейчас. Им не терпится. Мне нужен толмач в сопровождение. Едем. Посмотришь на одного из могущественнейших владык земли. И Габриэль тоже с нами едет. Он там понадобится.

У Яшки потемнело в глазах.

Пролепетал:

— Зачем тебе толмач, майнхер? Ты татарский язык знаешь, я слышал. — И попрекнул, еще надеясь отбояриться: — А в Новгороде говорил, что не знаешь.

— Не говорил я такого. Я спросил, знаешь ли татарский язык ты. Переводчик мне нужен, по-

тому что королю и канцлеру незачем ведать, что я понимаю их разговоры. Это всегда полезно. Слезай с коня. На улице ждут повозки, присланные из дворца. Ничего, Йашка, много времени это не займет.

Обернулся назад, крикнул:

— Габриэль! Да где же ты? Я жду!

С седла Шельма спустился, будто в разверстую могилу.

А как было не спуститься?

Мамочка, которой отродясь не видывал, выручай!

* * *

Боха с почетом усадили в дворцовую золоченую колесницу, повезли первым. Потом, в обычный возок, поместили Яшку и Габриэля. Палач был еще не в себе, кнехты привели его под локти. Посмеивались, говорили, что перебрал хмельного.

Леденя от такого соседства, Шельма думал только об одном: как бы выскочить на повороте, да затеряться в сутолоке. Но вокруг ехали ханские гвардейцы в серебряных доспехах. Поди-ка сбеги.

...А уже въезжали на Срединную площадь, и выплыл празднично-торжественный ханский дворец. Наверху — высоченный полушар с парящим месяцем, стены сверкают разноцветными плитками, по бокам множество башенок, и у каждой своя верхушка: одна в красно-зеленую клетку; другая луковкой — должно быть, снятая с русской церкви; третья острая и с шипами — эту мог привезти из европейского похода еще хан Батый. Красота и великолепие невыразимые, но Яшке сейчас вид сказочного чертога показался жуток.

В ворота полагалось входить пешком, и Бох уже стоял там, разглядывал купола.

— Варварство какое. Будто сорока понатащи-ла в свое гнездо блестящей чепухи.

Заметил, что Габриэль стоит, покачивается. Удивился.

— Что с тобой?

— Я виноват, — вздохнул Шельма. — Вином сладким угостил, а он непривычный. Ум-то и залил...

Купец подошел, пощупал на верзиле пояс.

— Ладно. От него тут ума не понадобится. Веди его пока под руку. Надо же, раньше я его пьяным не видывал. Что за вино такое крепкое?

Тут вышел дворцовый служитель, велел следовать за ним, и опасный разговор, слава Господу, прервался. Получил Яшка отсрочку от неминуемой гибели.

Вели их сначала мраморными галереями, потом ковровыми. И были те возвышенные переходы то яркими от солнца, то сумрачными, а где не имелось окон, там горели многоцветные стеклянные лампы.

Но человеку, который прощается с жизнью, не до красот...

Вышли в тенистый дворик, посреди которого брызгался радужной капелью фонтан. В обвод дворика, за ажурными перильцами, тянулось возвышение. На нем, поверх мохнатых ковров — подушки и столики; на столиках царское угощение: диковинные плоды, сладости, сахарные фигуры. Здесь, должно быть, дожидались своего чередка вызванные к Мамаю. Яшка тоже хотел сесть, еще немножко пожить напоследок, но прожатый не велел.

— Ступайте туда, ждут.

И показал на высокую дверь благовонного индийского дерева, украшенную золотыми гвоз-

дями и узорами из слоновой кости. Перед входом стояли двое стражников в зеркальных панцирях, каждый не ниже Габриэля, Шельма же был им едва по плечо.

— Посади пьяного дурака вон туда, — велел Бох, кивая на подушки. — Сам иди со мной.

Пахучие двери распахнулись будто сами собой. Служитель громко возопил:

— Германской земли торговец Бох к его пресветлому величеству Гияс-ад-дин Мухаммед-Булак-хану!

Склонился до земли, но через порог не переступил. Задвигал спрятанной за спиной ладонью: входите, мол, входите.

Ага, лихорадочно соображал Яшка. Габриэля снаружи оставил — значит, сначала будет говорить про бомбасты. Про златой пояс — потом.

Не сомлеть ли, будто в обморок пал? Эх, раньше надо было догадаться, в дороге. Теперь что ж? Позовут придворного лекаря и живо раскусят...

— Что застыл? — спокойно спросил Бох. — Не отставай.

И вошел первым.

Яшка, едва переступив порог, бухнулся лбом в пол. Татары любят, чтобы им низко кланялись, а тут — шутка ли — сам Мамай с ханом.

Но купец остался на ногах, лишь снял свой барет и неглубоко поклонился. Да еще шикнул на Шельму:

— Встань! Нам татарские церемонии соблюдать незачем.

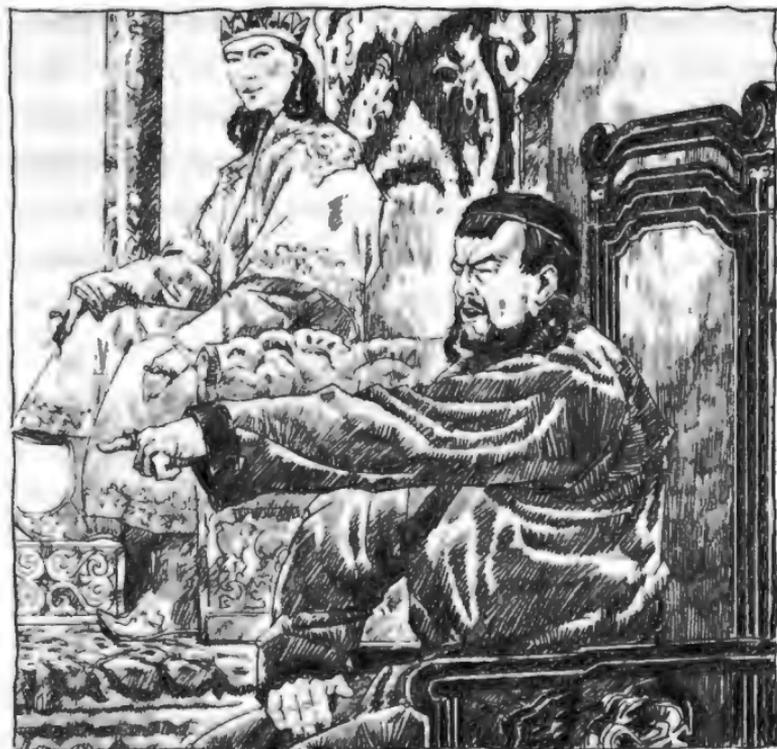
Встать Яшка не осмелился, но все же разогнулся, пополз за Бохом на коленках.

Заодно огляделся.

Зала была не столько широкая, сколько высокая, потолок сужался куполом, и оттуда через окошки било вечернее солнце, да так хитро, что входящие оказывались ярко освещены и слепли от лучей. Яшка в первую минуту только и разглядел, что некое возвышение, а на нем два кресла, великое и малое, да еще кто-то третий сидел прямо на полу, спиной к двери.

— Привет тебе, купец, — сказал хриловатый, зычный голос. Такой бывает у больших воевод, кому надо в битве докричаться до многих воинов. — Шариф-мурза мне много про тебя рассказывал. Не трать времени на поклоны. Иди сюда, садись, и приступим к делу.

Шельма спохватился, что он тут толмачом. Перевел.

Бох нацепил барет обратно и неспешно пошел сквозь солнечные лучи. Опустился на подушки, неподалеку от человека, сидящего на полу.

Глаза немного привыкли к яркому. Яшка разглядел чалму, белую бороду, а потом и зеленые очки. Шариф — вот кто был третий.

Подсеменив поближе на коленках, Шельма выполз из слепящего сияния, пристроился за

купцом и мурзой. Теперь можно было рассмотреть и особ на возвышении.

Тот, что заговорил, сидел на троне пониже. Это, конечно, был беклярбек Мамай, истинный правитель Орды. Что владыкой зовется не он, ничего не значило. В Новгороде вон тоже князь есть, а вся власть у посадника. Честь — одно, власть — другое, они не всегда вместе.

По привычке стал Шельма определять, в какую породу записать великого человека. Борода у Мамаю была рыжая с проседью, и седины больше, чем рыжины, как в шерсти у матерого волка. Притом движения быстрые, молодые. Похож на лук с натянутой тетивой. Или на барса, готового к прыжку. Взгляд скорый, цепкий, будто удар когтистой лапой. И вот огненный этот взор обратился на согбенного Яшку — тот вострепетал.

— Толмач? Ближе сядь. Туда.

Короткий палец с сияющим перстнем показал куда: между беклярбеком и Бохом.

Шельма подполз.

Опасный зверь. Лишних слов тратить не любит. Люди очень большой власти знают, что каждое ихнее слово много весит, поэтому зря не расходуют.

Долго пялиться на Мамаю было боязно, и Яшка скопился на хана.

На Руси его звали Мамат-салтан, татары Мухаммед-Булаком, а полностью законный государь Золотой Орды именовался хан Гияс-ад-дин Мухаммед-Булак.

Был он совсем юный, почти отрок. Лет восемнадцати, вряд ли старше. Похож на красивую дорогую игрушку. Густые брови будто нарисованы тушью, длинные ресницы словно насурмлены, на белых щеках нежный румянец, глаза — черный агат. Повезет невесте, дочке степного разбойника Тимур-Ленга, коли ей такой жених достанется.

Вон она — настоящая царская порода, подумал Яшка, поневоле залюбовавшись. Внук, правнук и праправнук самых красивых и здоровых женщин, самых сильных и удачливых мужчин — ибо несчастные слабаки в Орде на троне не засиживаются.

Будучи в Любеке, видал Шельма германского цесаря Каролуса, следовавшего через город по своим цесарским делам. То есть самого-то императора, конечно, не видел, тот восседал в закрытой золотой карете, но на свиту и слуг поглядел. Там, в самом хвосте, шли псары, вели гончих и

борзых собак, каждая ценой с хорошую деревню. Хан Мухаммед-Булак был очень похож на такого пса — гибкий, тонкий, трепетный. Сразу видно: ничем грязным и земным никогда не заботился. Так оно, может, и надо: чтоб царь был картинкой — только на него любоваться, и ничем бы не пачкался, а пачкается пускай беклярбек.

Неуместные мысли сжались и пропали, потому что Мамай вновь обратился к Яшке, хоть глядел на Боха:

— Скажи своему хозяину, толмач, что про железные трубы я знаю. Шариф-мурза сказал: хороши. Если поставить их в правильном месте и вовремя использовать, они могут пробить брешь в рядах врага, испугать его и решить исход битвы. Хочу спросить про другое. Взломают ли они каменную стену толщиной в пять аршинов?

— «Пять аршинов» — это двенадцать футов? — осведомился у Яшки купец. Поразительно, до чего уверенно он держал себя с грозным ордынским властителем. Глаз не отводил, смотрел на Мамайя, будто оценивал, сколько тот стоит. — Если несколько раз попасть чугунным ядром в одну точку, стена не выдержит.

Беклярбек засмеялся. Зубы у него были белые, крепкие, острые.

— Значит, Москва будет наша! Ты хорошо придумал, Шариф, что зарыл пушки близ русских пределов. Недалеко будет везти. А ты, купец, скажи, долго ль учиться стрельбе из твоих бом...баст? — не сразу вспомнил он новое слово.

— Стрелять просто, — ответил Бох, дождавшись перевода. — Трудно попадать в цель. Но четверо моих кнехтов пойдут с твоим войском до Москвы. Они сумеют пробить стену.

Мамай довольно кивнул.

— Очень хорошо. Сначала ты получишь задаток. Если же твои бомбасты окажутся в осаде так же полезны, как в поле, я щедро одарю тебя из русской добычи. Сколько ты хочешь задатка?

— Нисколько. И того, что ты захватишь на Руси, мне тоже не нужно. Лучше выдели для моей конторы двор в Сарае. И попроси Тамерлана сделать то же в Самарканде, когда вы заключите союз.

Румяный хан, всё время молчавший, но нетерпеливо ерзавший в своем высоком кресле, открыл рот — хотел что-то сказать, но беклярбек поднял руку: погоди — и Мухаммед-Булак со вздохом сомкнул уста.

— Подворье в Сарае ты получишь нынче же. С Тимур-Ленгом я вступлю в переговоры после

победы над мятежными руссами. Великий государь, — взмах в сторону юного хана, — собирается осчастливить дочь самаркандского эмира своей благосклонностью. Шариф сказал, что ты привез подарок для сватовства. Достоин ли он моего высокородного повелителя?

Здесь Мухаммед-Булак уже не выдержал.

— Что ты мне привез, купец? — воскликнул он, подавшись вперед. — Мой дар должен не только завоевать сердце девы, но и поразить Тимура, а его поразить трудно. Он видел много чудес.

— Деловая часть аудиенции окончена, — пробормотал Бох как бы сам себе. — Быстро управились. Канцлер — серьезный господин, бережет свое время... Скажи королю, Йашка: «Сейчас ваше величество увидит собственными глазами». Потом пойдешь и приведешь Габриэля. Да пни его хорошенько, пьяного болвана, чтоб про трезвел.

Шельма почтительнейше, не поворачиваясь к тронам спиной, пополз к двери. Задом ползти выходило не очень-то ловко. Шурша мимо мурзы, Яшка потерял равновесие и был вынужден ухватиться за старика — тот недовольно отстранился.

Бох поморщился:

— Перестань валять дурака. Ты же видишь, канцлер не придает значения глупостям. Встань и иди.

Только тогда Шельма осмелился подняться и, кланяясь, медленно допятился до выхода.

Зато, оказавшись, за дверью, стал двигаться очень быстро. Тут каждый миг был на счету.

Габриэль сидел там же, где его оставили. Уже не улыбчивый, а хмурый. Тер лоб, щурился. Действие дурмана заканчивалось.

— Господин велел тебе досчитать до ста и войти вон в ту дверь, — сказал Яшка. — А я побегу, у меня срочное поручение.

Больше, чем до ста, было нельзя — удивятся, что очень долго, и пошлют кого-нибудь еще. А тут только начнут удивляться, а Габриэль — вот он. Пока снимет пояс, пока вытянет цепь, пока все будут хлопать глазами, соображать — лишние мгновения. А они сейчас ох как дороги.

— До ста? — проямлил Габриэль. — Я до ста не умею.

Схватил Яшка со столика кубок с засахаренными орешками, рассыпал.

— Собери все по одному. Как закончишь — пора входить. Понял?

И припустил прочь, по дворцовым переходам. Всем встречным кричал: «Приказ беклярбека! Посторонись!»

Бег по пушистым коврам был бесшумен, но недостаточно скор. Эх, сейчас бы сапоги-скороходы.

Но не было у Яшки никакого волшебства, кроме собственной смекалки. Хотя она-то, смекалка, может быть, самое главное волшебство на свете и есть.

**ХОЖДЕНИЕ
ЗА ТРИ СТЕНЫ**

— ...**С**емьнадеcят два, cемьнадеcят три...
Гони, гони! — торопил Шельма бачку.

Бачка — конный человек, промышляющий извозом. В огромном Сарае из конца в конец на своих двоих не натопаешься. Для того придумана удобная служба: садишься за спину бачке, на мягкую подушку, и тебя отвозят куда пожелаешь, четверть дирхема за каждые три версты. Если груз, можно взять тележку, но это стоит вдвое.

Бачке был обещан целый дирхем — за скорость, и мчались с ветром. Не так-то было и далеко, а все же во двор караван-сарая Яшка попал лишь на счете «сто да сорок».

По пути всё прикидывал.

110 — это Габриэль подошел к стражникам. Они отбирают у него нож, рассматривают гребень. Он отдавать не хочет.

120 — допустили.

125 — Бох велит снять пояс.

135 — змей-горыныч тянет медную цепь...

Дальше воображать стало страшно, да и попыта уже стучали по каменным плитам каравансарая.

Конь так и стоял оседланный. Взлетел Яшка в седло, пнул в горячие бока каблуками.

Поскорей затеряться среди городских улиц!

Было два вероятия: плохое и совсем плохое.

Совсем плохое, если Бох объявит Мамаю, что обманут слугой, и беклярбек кинет клич по всем сторо́жам и заставам. Тогда не уйти, возьмут прямо в Сарае.

Что Бох не сразу сообразит, чьих рук дело, Шельма даже не надеялся. Немец остромысленный, враз скумекает.

Надежда была на иное. Именно из-за острого разума купчина так же быстро смикитит, что ему перед Мамаем выставять себя дураком незачем. И шума поднимать не станет.

Как он выкрутится? Да уж что-нибудь придумает, он ушлый. К примеру, скажет: «Прости старого человека, беклярбек. Ради пушей сохранности я дал нескольким слугам ложные пояса, и ныне перепутал, не того с собою взял. В другой раз покажу». Или еще как-нибудь набрешет. Что Мамаю-то? Он ведь денег за златую змею еще не заплатил.

Тогда Бох снарядит погоню за Яшкой сам. Это, конечно, тоже не шутка, тем более что купцу поможет Шариф-мурза. Однако тут уже есть надежда.

Пока старые приятели уединятся, пока Бох объяснит, пока мурза распорядится. Сколь бы он ни был могуществен, все же не Мамай, слуг у него меньше.

А за это время Яшка уже далеко будет. Благо стемнеет скоро.

Только уходить надо не туда, куда они ждут, а в иную сторону.

Поэтому, достигнув окраины (хорошо, что в Сарае ни ворот, ни стен), Шельма повернул не на северо-запад, где русская земля, а к юго-западу.

На Руси с золотой змеей опять же и делать нечего. У кого там есть деньги такое сокровище

купить? Разве что у великого князя московского, но он покупать не станет, а попросту отберет.

Из степи накатывали сумерки, быстро перешедшие в спасительницу-тьму. В оставшемся позади Сарае никто не бил в била, не шумел тревогу, как сделали бы, прикажи Мамай сыскать государственного преступника.

На душе стало малость полегче.

Яшка достал из сумы нарядное татарское платье, купленное утром в Одежном ряду, перерядился.

Поехал медленно, по мягкой траве. Негромко. Навострил свои замечательно слухастые уши.

Где тут у вас дозор?

Из темноты донеслось ржание. Яшка остановил коня, приложил к уху ладонь.

В ночи голоса доносились далеко, каждое слово разберешь.

— Всё исполним, Курман-юзбаш, будь покоен, — сказал невидимый в ночи нукер, обращаясь к своему сотнику.

— Носом не клевать! Прислушиваться, не крадется ли кто степью, — строго молвил начальственный голос.

Быстрый топот — кто-то зарысил в сторону.

Тронул с места и Шельма. Выехал прямо на дорогу, чтоб копыта громче стучали о плотно сбитую землю. Еще и уздечкой позвякивал.

— Кто там? А ну стой! — крикнули впереди.

Подъехал всадник.

— Пайцзу на выезд покажи.

— Ты из людей сотника Курмана? — важно спросил Яшка. — А ну, кликни его сюда. Живо!

И достал из-за пазухи золотую пайцзу — не зря, уползая из ханской горницы, к старому Шарифу прислонился.

Нукер чиркнул кресалом, запалил трут. Увидел пластинку с золотым львом, какая положена самое меньшее темнику. Ахнул. Сдернул малахай. Хотел из седла спуститься, земным поклоном поклониться, но Яшка остановил.

— Курмана ко мне. Стрелой!

Не прошло двух минут, как воин вернулся со своим начальником. Шельма показал пайцзу, подставив ее лучу очень кстати выглянувшего месяца. Сверкнуло золото.

Сотник спрыгнул наземь, приложился лбом к стремени. Тогда Яшка сунул юзбашу пластинку прямо под нос, чтоб было видно: пайцза не просто золотая, а со львом.

Татарин пал на колени.

— Я жду твоих приказаний, господин.

— Вели нукеру отойти. Секретное дело...

Понизив голос, Шельма важно объявил:

— Я Шельмач-мурза, советник беклярбека Мамаю, да хранит его Аллах. Еду в дальние края с поручением великой важности и тайности, поэтому покинул город ночью и без сопровождения. Возьми десяток воинов и следуй со мной. Я поехал по этой дороге, зная, что встречу здесь тебя, Курбан. Мне сказали, что ты всегда рад отличиться. Тебе повезло. Лови арканом жеребца удачи. Смотри, не упусти.

— Я твой верный раб, благородный мурза! Ты останешься мной доволен! — воскликнул сотник. Немного покряхтел, осторожно спросил: — Далеко ли мы поедем, господин?

— Далеко. Куда — тебе знать рано.

— Я не выпытываю, господин! — поспешно сказал сотник. — Куда скажешь, туда и отправлюсь. Но хорошо бы сначала заехать в аил. Взять заводных коней, припасов на дорогу..

Хочет попрощаться с семьей, догадался Яшка. Оно и понятно, по-человечески, да только времени нет.

Отрезал:

— Нельзя. Коней, еду — всё получим по дороге.

И получали, без малейших затруднений: свежих лошадей, припасы, юрты для ночлега. Перед волшебной табличкой склонялось всё.

Одному с такой пайцзой ехать было бы подозрительно — не бывает, чтоб носитель златого льва следовал без свиты. Ныне же выглядело внушительно: впереди, в важном одиночестве прегордый мурза, за ним конные воины, и один держит шест с тремя белыми хвостами — на первом же привале Яшка велел изготовить, оставили в табуне трех бесхвостых белых кобылиц.

Намеченный путь, по которому можно было не бояться погони, вел через две степи, ногайскую и азакскую. На пятый день, в ногайских кочевьях, Шельма доверительно сообщил Курману, что они направляются в крымскую Кафу, с важным поручением к генуэзскому эмиру-консулу.

— Из-за войны с руссами? — понимающе шепнул юзбаш. — Вон оно что! Ходят разговоры, что беклярбек, да хранит его Аллах, хочет нанять

тамошних пехотинцев, которые умеют строиться черепахой и пробивать вражеский строй длинными копьями.

— Не твоего ума дело, чего хочет беклярбек, да хранит его Аллах, — осадил Яшка сотника, однако не стал опровергать догадку. Она была кстати.

В Кафу нужно было вот зачем.

Во-первых, чтоб обмануть преследователей.

Во-вторых, у генуэзцев там наиглавнейший после Сарая рынок, где Запад встречается с Востоком. Лучше константинопольского. И драгоценными камнями торгуют, хорошую цену могут дать.

В-третьих же — из Кафы ходят корабли в дальние страны, а Яшке теперь надлежало уплыть куда-нибудь на край земли, где Бох не сыщет и Габриэль не достанет.

Ради столь важных надоб и две степи не околица.

* * *

Путешествие через ордынские земли было спокойным. При Мамае повсюду установился строгий порядок. Твердая власть баловства не

любит. Мятежных беков, которые грабили кого хотели, Мамай усмирил, разбойничьи шайки повывел. Йамская служба работала исправно: от йама до йама, как положено, пол дневного перехода, и всюду кров, еда, подмена для лошадей. И чего русским под татарами не живется? Основательный народ. Торговлю охраняют, в чужие дела носу не суют, подать берут скромную — всего десятину. Князь-то московский, Дмитрий Иванович, ту десятину всё одно собирает, только не в Сарай шлет, а себе оставляет. И чем оно для людей лучше? А сейчас начнется война — города и села сгорят, крестьяне разбегутся по лесам, покроются поля мертвыми телами. Прав Бох: хуже войны ничего нет.

Так и ехалось без малого тысячу верст от Сарая до Азакского моря — под всякие мысли и мечтания, причем мечтаниями Яшка увлекался больше, чем мыслями. Поглаживал пояс, в коем почивала волшебная змея, и мечтал про восемь тысяч дукатов.

На десятый день вдали заблистала большая вода. В морском городке Матрике погрузились на пузатый италийский корабль, называемый

«неф», переправились через узкий пролив в Крым. Здесь уже были генуэзские владения.

Еще через день, утром, достигли Кафы, стоящей по-над берегом большой бухты.

В знаменитом этом городе Шельме прежде бывать не доводилось, а он оказался велик и пышен. Тыщ сто разноплеменного народу здесь обитало, вряд ли меньше.

Грозных каменных стен было аж две: большая в обхват всего города и малая вокруг кремля, стоящего на холме. Башен — не счесть. Дома тоже всё больше каменные, с красными глиняными крышами. Над крышами — острые зеленые перья кипарисов. Не Сарай, конечно, но все равно нарядно.

Свою охрану Шельма оставил в посаде, на постоялом дворе с вывеской «Fondaco», бес ведает что означавшей. Возвращаться сюда у Яшки рассуждения не было. Зачем ему в Кафе нукеры, а отправлять их честь по чести назад в Сарай, это придется выдавать прогонные да разъездные. Без золотой пайцзы кто им что даст? А на одиннадцать всадников оно накладно выйдет. Деньги-то, положим, были, плата от Боха, но зачем их

на ветер пускать? Они не любят. Поэтому юзбашу было велено дожидаться, и своего коня Яшка тоже оставил в фондаке. Все равно на корабле плыть. Захватил только кошель, а змеюшенька и так всегда была при нем.

* * *

В городе Яшка торопыжничать не стал. Обошел все кварталы, огляделся, всё нужное заприметил.

Строились генуэзцы основательно, не хуже сарайцев, но много тесней. Узкие улицы тянулись от стен к вершине холма, на котором высилась цитадель. Там — консульский терем, епископские палаты, городское судилище, все лучшие лавки.

Ладно.

Спустился в гавань, где густо стояли фряжские, греческие, турецкие, франкские корабли. Чего там только не сгружали-погружали! Пшеницу, выпаренную соль, ткани, сушеную рыбу, дыни-арбузы, всякие ремесленные изделия. И конечно, рабов. Их отсюда увозили на далекие рынки Египта, Палестины, Мавританской Гиш-

пании. Взамен ссаживали другой живой товар: африканских верблюдов, арабских скакунов, обезьян, многоцветных птиц. Верблюды-скакуны — понятно, но кому надобны обезьяны с бесполезными птицами, было непонятно. Верно, каким-нибудь богатеям, друг перед дружкой выставляться. Ни за чем не нужные товары — они самые дорогие.

Одна индийская птица именем «папагала» Яшке очень понравилась. Ее продавали прямо на причале, за большие деньги, два золотых, потому что она была говорящая, повторяла, чего скажут.

Яшка ей:

— Дура ты дура.

Папагала наклонила хохластую башку, поглядела круглым глазом, ответила:

— Дура ты дура.

И Яшка расчувствовался. Вспоминал, как в отроческом возрасте сам работал такой же папагалой.

Было ему лет одиннадцать или двенадцать (своих лет он ведь в точности не знал); питался тем, что на Торге показывал штуку: кто что ни скажет, сколь угодно длинное, или на чужом языке, иль просто белиберду — повторял в точ-

ности. Память на звуки у него сызмальства была цепкая. На хлеб такого заработка хватало, на пряники — нет.

И вот однажды какой-то свейский купец-суконщик заставил повторить длинную абракадабру: «Исколенальцабедьяселундафатерверсомерихимелен». Остался доволен, погладил по голове, дал серебряный грош и позвал с собой. Предложил выгодную службу. Нужно было запоминать всё, что он скажет на своем свейском языке, и передавать другому свею, который сидит в конторе на реке Волхов, где оптовая торговля.

Стал Яшка бегать от одного к другому, повторял непонятное. В обоих концах мальчишке давали по монете, и зажил он славно. Хватало и на пряники, и на многое другое. Однако через месяц-другой Яшка уже понимал по-свейски и сообразил, что к чему. Это они между собой сговаривались за один и тот же товар одинаковую цену назначать. По новгородскому закону это запрещено. Когда продавцы в стоворе, покупателям убыток. Поймают — плати большую пеню, и еще палками побьют. Вот свеи и хитрили. Придет покупатель к одному: дорого. Пойдет ко второму — а у того столько же. И покупали, потому

что никто больше в Новгороде свейским сукном не торговал.

Маленький Шельма придумал вот что: срядился с одним русским суконщиком. Первый свей ему сказал: отпускаю товар по два сребреца за штуку. Суконщик пошел ко второму. А там уже побывал Яшка, сказал по-свейски, чтоб отпускал в полцены. Второй удивился, но ничего. Продал новгородцу всю партию. На радостях покупатель дал Яшке целую гривну, первые настоящие деньги в Шельминой жизни.

Эх, милое отрочество. Приятно вспомнить.

Родственной птице Яшка подмигнул, пообещал: выкуплю тебя, не пожадобствую. Вот только змею продам. И пошел себе дальше.

Гуляючи заметил одежную лавку. Купил фряжского платья. Сразу и переоделся. В Любеке тоже хаживал во всем немецком, похожем на фряжское, привычка имелась.

Куцый и тесный европейский наряд хуже и просторного русского, и легкого татарского, но так следовало для дела. Влез Шельма в обтяжные портки-шоссы, в кружевную рубаху-камизу, потом еще в одну, льняную, называется котта, а сверху солидному человеку надлежало носить малый атласный кафтанчик-дублет и сверху

другой, бархатный пурпуэн. Стал Яшка будто капустный кочан. Нахлобучил на голову барет точь-в-точь как у Боха, только попросил для красы перо воткнуть. Переобулся в короткие мягкие сапожцы с загнутыми носами.

Хозяин был француз, стрекотал с приказчиками по-своему. Прислушиваясь к их скорой певучей болтовне, Яшка подумал, что франкский язык нетрудный. *Бот* — сапог, *шапо* — шапка, *депеше* — поспеши, *апорте* — неси порты. Недельку-другую и, пожалуй, заговоришь. К франкам, что ли, податься? Нет, ну их, там все время воюют. Лучше в Италию. Сказывают, край веселый, богатый, а фряжский говор совсем легкий. Назваться можно Джакопо Шельми — красиво.

Как полагается лавочнику, торгующему в бойком морском городе, хозяин объяснялся и по-немецки, и по-татарски, и немножко по-русски. Брея Яшке ненужные теперь усишки-бороденку — бесплатно, в услужение за хорошую покупку, — франкский человек рассказал, что наипервейший кафский купец по дорогому товару (считай, местный Бох) зовется господин Синьёр Лонго. У него в Золотом ряду большая лавка-емпорио, но самых важных покупателей он принимает дома. И объяснил, как тот дом найти.

* * *

Скоро Яшка уже стоял в верхнем городе, близ главной площади, перед изрядным каменным теремом в четыре жилья, при собственном подворье. Над распахнутыми воротами гипсовая фигура: бородатый мужик держит рог, из рога сыплются монеты, крашенные в золотой цвет. Знатно!

Прошел двором, где суетилась челядь, велел передать хозяину, что его желает видеть служитель из любекского торгового дома «Бох Кауфхоф». Не могло быть, чтобы Сеньёр Лонго не слышал о таком.

В этом Шельма не ошибся. Слуга вернулся, низко кланяясь. Повел в дом, по широкой мраморной лестнице, вдоль которой стояли белокаменные статуи: полуголые и вовсе растелешенные бабы несочного сложения. У немцев в домах такого срама не бывает.

Сам купец ждал гостя в горнице, затейливо изукрашенной и полной разных диковин, однако рассматривать их Яшке сейчас было недосужно. Он впился взглядом в хозяина и сразу увидел: прехитрый колобок. Весь кругленький — лицо,

тулово, взмахи полных ручек и даже голос будто катится на колесиках по гладкому.

— Всегда рад видеть посланцев многотимого господина Боха, — на сюсюкающем немецком сказал Синьёр Лонго. — Что на сей раз угодно его милости?

Это хорошо, что Бох у него в такой чести.

— Зовусь я Якоб Шельменготт, старший приказчик. Мой господин возил в Сарай великую

драгоценность, золотой-алмазный пояс-змею, заказанный ханом Мухаммед-Булаком для сватовства. Однако неверные дали плохую цену. Хер Бох повелел мне ехать в Кафу и предложить сей товар твоему степенству, как ты есть первый во всех здешних краях купец. А коли не сойдемся, приказано мне плыть в Италию, искать хорошего покупателя там.

Пухлые губы фрязина сложились в колесико, глазки — в щелочки. Синьёр молчал, часто помигивая. Уставился на Яшкин лоб.

— Это у меня знак поставлен, в награждение за верную службу, — объяснил Шельма. — Буквица S, сиречь Sicherheit — «Надежность». Я у господина на полном доверии, так что даже имею при себе его личную печать. Приложу сей перстень к купчей, дабы у твоего степенства не осталось никакого сомнения. Изволь, взгляни.

И достал печатку, вытащенную из мантиль-таша у Боха, когда на прощанье по-сыновьи обнимал его, припадал к колену. Знал, что пригодится.

— Не нужно! — заплескал ручками Лонго. Я разбираюсь в людях и сразу вижу, что господин старший приказчик — человек высокой про-

бы. Лучше покажи мне пояс, чтобы я мог оценить его стоимость. Очень интересно, очень!

Яшка широким, заранее продуманным движением вытянул из кожаного кушака чудо-змею, чтобы засверкала всей своей алмазно-смарагдово-лаловой чешуей.

Купец ахнул. Трясущимися руками, бережно принял сокровище, понес на широкий стол. Приложил к глазу лупу, склонился. Глядел — причмокивал, что-то по-своему приговаривал: инкредибиле, кебелецца. Ясно: восхищался.

— Десять тысяч дукатов просим, — скромно молвил Шельма, чтоб был запас для торга.

Синьёр отложил стекло, похлопал на гостя глазками, что-то соображая или прикидывая.

— Таких денег нет ни у одного купца в Кафе. Нет их и у меня...

— Что ж, поплыву в Италию. Найду покупателя в Генуе, Венеции иль Милане.

Яшка забрал змею, слегка потряс, чтоб еще поиграла камнями.

— Нет-нет! — поспешно сказал Синьёр. — Если я сказал, что у меня нет столько денег, это еще не означает, что я не могу их достать. Но мне придется взять ссуду в банке.

Что такое «банка», Шельма знал. Это такое купеческое заведение, которое торгует не товарами, а деньгами. Банка дает богатым купцам, князьям и даже королям ссуду под какое-нибудь дело, а после получает назад с прибылью. Еще банке можно отдать свои деньги на хранение — скажем, если путешествуешь в дальние края и боишься разбойников. Едешь себе налегке, с малой бумажкой. И в месте прибытия по той бумажке получаешь свои деньги обратно. Такой промысел у нас на Руси немислим. Чтобы свои кровные чужому дяде отдать: на, храни — подобного дурака даже в Пскове не сыщешь, а глупее псковичей, как известно всякому новгородцу, на свете не бывает. Однако в итальянской земле как-то живут банки, не разоряются. Чудно, ей-богу.

— Я схожу к управителю банковской конторы «Барди» прямо сейчас. Подожди, хер Шельменготт, прямо здесь, — объявил хозяин. И крикнул: — Эй! Подать дорогому гостю вина, сыра, фруктов!

Засуетился, засобирался, укатился колобком за порог.

Дело, кажется, шло неплохо. Вишь, и торговаться не стал. Наверное, на после оставил. Вер-

нется и скажет: мол, смог собрать только семь тыщ пятьсот, или сколько там. Хочешь — продавай, а то ступай на все четыре стороны. Что ж, это разговор деловой. Может, и сойдемся...

Шельма и обычно-то томился без движения, а сейчас, от великого возбуждения, не смог усидеть и полминуты. Вскочил с усидистого кожаного кресла, куда поместил его Синьёр, принялся расхаживать по горнице, оглядываться, щупать всякие интересные штуки — не чтобы утащить (зачем, при таком-то богатстве?), а по привычке к любопытству.

Погладил стоявший на столе череп, оказавшийся чернильницей. Сунул нос в мудреные бумаги, покрытые цифирью в два столбца, сверху писано непонятное: «Debere» и «Credere». Сзади в столе были закрытые ячеи — у Боха в Любеке такие же, запирались на малые ключики. У фрязина они тоже не открывались. Поковырять ножичком или гвоздем — откроются, но Яшка не стал. Больно надо.

Поглазел на образ Богоматери с Дитём, висевший на стене, — прямо как живые оба, глядят умильно. Но заинтересовался не иконописью, а венцом Пресвятой Девы. Он был не рисованный,

а прицепленный к дереву и весь сверкал-переливался. Неужто из чистого золота?

Ни за чем, а просто для проверки Шельма потрогал блестящую корону. Она сидела некрепко, под пальцами вдавилась. И лязгнуло что-то в стене, крикнуло.

Яшка испуганно отдернул руку. Поломаешь святую вещь, которой и касаться-то грех, — что хозяин скажет?

Но оказалось, что это сдвинулся стенной шкаф с полками, на коих стопами лежали бумаги и пергаменты. И потянуло откуда-то сквозняком.

Там, за шкапом, была потайная дверь, а златой венец ее, стало быть, отпирал.

И как же было удержаться, не поглядеть, что за тайны у первого кафского купца?

Шельма протиснулся в щель, повертел головой и разочаровался.

Комнатенка с узеньким окошком-щелью была маленькая и совсем пустая. Только из стены торчало несколько раструбов. Из них раздавались какие-то приглушенные звуки. Яшка приложил ухо к одному отверстию — явственно услышал голоса, болтавшие по-фряжски. К другому — тоже голоса и какой-то шум, будто двигают не-

что тяжелое или грузят. В третьей дырке было тихо. Из четвертой доносился сонный сап.

Вон это что! Подслухи. Шельма слышал про такое изобретательство. Греками придумано. Вставляют в стену трубку, и по ней можно подслушивать, о чем в доме говорят, хоть в самом дальнем покое. Следит, стало быть, Синьёр Лонго за приказчиками и домочадцами, хочет всё знать. Основательный человек, заслуживает почтения.

Яшке-то подслушивать непонятную фряжскую речь было скучно. Он подошел к окошку, выглянул. Оно, кажется, тоже было хитрое, с расширением — снаружи не заметное. Виднелась улица и въезд во двор. Также понятно: смотреть, что ввозят-вывозят.

Вдруг Яшка увидел хозяина, который, оказывается, никуда не ушел, а стоял в воротах, переминался с ноги на ногу, чего-то или кого-то ждал. Он же вроде собирался в банку идти?

Тут же Шельма объяснил себе: не пошел сам, потому что важная особа, послал слугу и теперь ждет, с какой вестью тот вернется. А нетерпеливо топчется оттого, что волнуется — сладится ли сделка. Хороший знак.

Решил Шельма тоже подождать. Сверху, конечно, разговора не услышишь, а услышишь — не поймешь, однако по выражению лиц, по движениям рук можно будет догадаться, нашлись деньги или нет. Десять тысяч дукатов, которые по-фряжски именуются «дженовино», это два с лишним пуда чистого золота. Еле поднимешь, но все-таки унести можно. Однако золотом заплачат вряд ли. Если же серебром, получится несколько возов. Целый корабль нанимать придется. А в море бури, мели, пираты.

Очень Яшка из-за этого вдруг забеспокоился. Хорошо бедному, у него заботы пустяковые. Если же у человека огромное богатство, которого можно лишиться, потеряешь сон и покой.

Купец дернулся, замахал кому-то рукой: сюда, сюда! Ага, посланец возвращается.

Шельма поглядел на улицу — от ужаса стукнулся лбом о пристенок.

Из-за поворота, быстро перебирая длинными ногами, неслась высокая, узкая, стремительная фигура, вся красного цвета. Полусползший капюшон болтался на затылке, будто петушиный гребень, сверкала голая макушка.

Мать-заступница, Габриэль!

Как?! Откуда?!

Потемнело в глазах. Яшка чуть не сомлел. Но подстегнул великий страх, сорвал с места.

Выскочил из комнатки, заметался, кинулся к выходу, оттуда на мраморную лестницу. Она была безлюдна, но снизу уже слышались шаги: кто-то там топал тяжелыми ножищами, кто-то семенял следом.

Спрятался Шельма за голую каменную женку, прижался к ее широким бедрам, сам сколь мог сузился. Выручай, бабонька! Не выдай сироту!

И вспомнилось то, на что по дурости сразу не насторожился.

Лонго этот почему-то совсем не удивился, что к нему в Кафу ни с того ни с сего явился приказчик любекского торгового дома. Где Любек и где Кафа? А еще спросил: «Что на сей раз угодно его милости?» На *сей* раз! А Шельма, взбудораженный близким богатством, и не скумекал. Значит, недавно уже был здесь кто-то от Боха!

— ...Нет, он ничего не заподозрил, — запыхаясь, говорил по-немецки иуда Синьёр. — И в точности такой, как описал в письме твой господин.

Прошли совсем близко, Яшку от быстрой Габриэлевой походки аж ветром обдало.

Не заметили.

Едва шаги удалились за поворот, Шельма благодарно чмокнул каменную тетку в гладкий зад, мышкой шмыгнул вниз по лестнице.

Кошкой через двор.

Ласточкой по улице.

Бежал, лязгал зубами.

И очень просто! Башковитый купчина Бох легко угадал, в какую сторону побежит вор и к кому может обратиться. Послал Габриэля, который, от виноватости перед хозяином и от злобы на Шельму, добрался до Кафы быстрее Яшки. Поди, в дороге не ел, не спал, чудище двужильное. И какая-нибудь важная пайцза от Шарифа-мурзы, тоже обворованного, у него, конечно, имелась — лошадей менять.

Вот уж беда так беда...

Златая змея по-прежнему тяжелила пояс, но Яшке теперь было не до богатства. Спастись бы. Ноги унести, хоть за тридевять земель.

Однако в порт соваться нельзя. Бох через того же Синьёра, поди, всех корабельщиков упредил.

Значит, за море не уплывешь.

В Орду тоже не вернешься, там Шариф-мурза.

В Литву? Нет, у литовцев с Мамаем союз. Запросто мог Шариф и в литовские пределы гонца с Шельминым описанием послать. Выдадут.

За что Яшка себя любил — если он, случилось, и пугался до морозной дрожи, голова от страха никогда не задубевала.

Решение придумалось на бегу, быстро.

Не выдадут только из Москвы, которая с Ордой в войне. Ни мурза туда не сунется, ни Бох. Вот куда бежать, единственно. Далекое это, но другого ничего не остается.

...Влетел на постоянный двор, растолкал дрыхнувших после долгой дороги татар:

— Курман, всех в седло! Едем дальше!

Юзбаш с изумлением уставился на Яшкин фряжский вид, голую морду.

— Так надо, — сказал Шельма. — В дороге переоденуть в человеческую одежду. Теперь скачем на север. Живо, живо!

И взмахнул златольвиной пайцзой.

Настроения у Яшки менялись быстро. Ужас схлынул, осталось одно на себя любованье.

Везучий он все-таки. Хранит судьба своего любимца.

Не стал бы шарить по синьёрлонговой горнице, не нашел бы тайную комнатку. Не выглянул бы в оконце — просмотрел бы Габриэля. И сгинул бы, как муха, увязшая в меду.

Но он не муха — комарик. Упорхнул. Поди теперь поймай на вольном просторе.

* * *

Ехали за третью неделю уже третьей степью — Задонской. В последнем ордынском йаме, близ Азака, взяли запасных лошадей, потому двигались быстро, а Шельма еще и подгонял, часто оглядываясь назад. Всё мерещилось, что выскочит откуда-нибудь страхожуткая нечисть в кровавом наряде.

Сотнику было наврано, что после Кафы таинственный Мамаев посол едет в литовскую землю, к великому князю Ягайле, ордынскому союзнику.

Однако у слияния реки Улы с речкой Медянской, где сходятся переделы трех держав — ордынской, литовской и рязанской, — Яшка со своей верной стражей расстался.

Прощался — чуть слезу не пустил. Привык за столько времени к Курману и его воинам. Хорошие люди татары — начальство уважают, слушаются без ропота, лишних вопросов не задают. Однако в московских землях, до которых отсюда было рукой подать, такое сопровождение ничего кроме беды не принесло бы.

— Дальше поеду один, без огласки, совсем тайно, — сказал Шельма. — А ты, юзбаш, передай от меня Шариф-мурзе, моему старому другу-товарищу, вот этот сверток. Скажи, от Шельмы-мурзы с поклоном, на незлую память. Шариф тебя за то наградит.

В свертке лежала краденая пайцза, которая на Руси была не нужна. Найдут — решат, что татарский лазутчик. И еще был подарок, купленный в Кафе на базаре: изречение Пророка, писанное золотой арабской вязью, из Корана: «Кто простит и восстановит мир, поистине тому назначена награда у Аллаха».

Простить Шариф, конечно, не простит, но, может, хоть сильно злобиться перестанет. Зачем нужен Яшке в ненавистниках столь могущественный человек? Боха с Габриэлем куда как достаточно.

...Переправился через полувысохшую Медянку, где вода лошади едва доходила до бабок, поехал дальше на север один.

Голая степь скоро кончилась, потянулись рощи да перелески. Края эти были спорные, переходившие то под руку Москвы, то к Литве, то к Рязани. В последнее время здешние князьки (они назывались верховскими) вроде бы держались Дмитрия Ивановича Московского.

Мысль у Шельмы, под стать просторам, гуляла вольно и широко. Умному человеку с самим собой скучно не бывает. Всегда есть с кем поговорить и поспорить, да без обид и насмешек.

Поглаживая себе бока и брюхо, обогреваемое свернувшейся алмазной змеей, Яшка прикидывал, как ее, голубушку, получше пристроить.

В Москве продавать нельзя, это ясно. У тамошних купцов и денег таких нет, а прознают слуги великого князя — отберут в казну. У москвичей это быстро, и не пикнешь.

Однако можно выколопнуть один камешек. Под Кремлем, на Подоле, есть купчина, который за алмаз, лал или смарагд даст хорошую цену, рублей полста или больше. И не спросит, откуда такая краса. На эти деньги купить обоз кунных,

бобровых и собольих мехов да перегнать в орденскую Немегчину. Не через Новгород, конечно, где у Боха глаза и уши, а через тот же Псков.

В Риге выковырять и продать все остальные камешки, по отдельности. Вместо них вставить янтарю. Это он в Риге ничего не стоит, а у арапов ценится не дешевле лалов. На вырученные деньги нагрузить большой корабль северным товаром — рыбьей костью с Мурмана, ворванью, тем же мехом. И поплыть вокруг Европы, всюду приторговывая, к маврам в Испанию. Там янтарную змею продать султану. Этак можно не во семь тысяч, а все восемнадцать убарсучить.

От сладких мечтаний Шельма замедовел, размягчился. Оттого и утратил сторожкость.

В некоей роще, едучи, был вдруг подхвачен с двух сторон, выволочен из седла, брошен на землю.

Какие-то сивобородые мужики, с топорами, держали обомлевшего Шельму крепко. Приговаривали:

— Попался, татарин! К Сычу его!

Взяли за шиворот, связали руки, потащили.

Яшка бояться боялся, но лишнего пока не болтал. Тут со словами ошибиться было нельзя. Не к месту что-нибудь ляпнешь — пропал.

Приглядывался пока, что за люди. Разбойники? Вряд ли. Больно рожи скучные. А кто — непонятно.

Это еще неизвестно, к кому хуже в лапы уго- дить — к разбойникам или не поймешь к кому.

**СКАЗ О ДОБРОМ МОЛОДЦЕ
И КРАСНОЙ ДЕВИЦЕ**

— Ишь, на лбу-то, Мить, глянь. Знак поганый.

— Глазами лупит. Иди, нерусь.

— Щука, на сапоги ему глянь. Кожа-то, а?

Прислушиваясь к косноязычным словесам своих захватчиков, глядя на их грубые рубахи и лапти, принюхиваясь к кислому земляному запаху, Яшка с удивлением понял: мужики и есть. Крестьяне, смерды. Которые, прости господи, землю сохой скребут.

Чтоб мужичье, деревенщина, напали на проежжего, это невидаль небывалая.

К смердам и городскому черному люду, кто горбом и потным кряхтением живет, Шельма относился с презрением. За что уважать тех, кто согласен, подобно волу, тащить тяжелое ярмо, кто

без ропота сносит муравьиное существование, одевается в рванье, жрет солому пополам со жмыхом? Он, Яшка, лучше сдох бы, чем так жить.

Мужики — дурни, ничего не соображают и не умеют, им только грязную работу делать.

Эти вот: обшарили, обыскали, а цепь, спрятанную в поясе, не нащупали. И Бохову печатку в запазушном схроне не нашли. Даже в седельные сумы не заглянули. Хороши разбойники.

Отбрехаться от таких будет нетрудно. Однако сначала нужно разобраться, к какому-такому сычу ведут они «татарина».

Через малое время приволокли тихого и послушного Яшку на поляну. Там — большой шалаш из веток-листьев, перед шалашом костер, на костре котел. У котла, помешивая, стоял сильно пожилой дядька в полуседой бородище. За поясом, как у остальных, топор на длинной ручке, однако за спиной имелось и настоящее оружие: лук с колчаном.

Мужики разом, в несколько голосов, зашумели, что взяли татарина, Мамаева лазутчика. Бородача называли не Сычом, а «Федорычем». Стало быть, Сыч — прозвище.

Теперь Шельма начал кое-что понимать.

Знать, война с Ордой уже началась, и смерды — ополченцы — выставлены дозором. Сыч

этот у них за начальника. У него рубаха без заплат, на ногах не лыко с онучами, а сапоги.

В отличие от гомонливых мужиков Сыч был молчалив, разглядывал Яшку тяжелым, спокойным взглядом. Глаза выцветшие, всё на свете повидавшие, цеплючие. А всё равно деревня.

Теперь стало ясно, как себя держать.

— Я не татарин, я русский, — объявил Шельма. — А ну, старшой, вели меня развязать. Я в Москву пробираюсь, к великому князю, с тайным донесением. Вы сами чьи? Оболенского князя люди? Или Одоевского? Ведите меня скорей к самому главному вашему воеводе.

Но Сыч-Федорыч важных слов не испугался, а подошел ближе и зачем-то раскрыл у Яшки на груди ворот. Пальцы жесткие, в мозолях.

— Ребята, спускай ему порты.

Взвизгнул Шельма, забился в крепких мужицких руках, но куда денешься?

Нижнюю, заголенную часть обдало холодком. Сыч наклонился, сам себе кивнул:

— Врешь. Ты татарин. Креста на груди нет. Сам обрезанный.

Обрезание Яшка сделал, когда в Сарае банщиком устраивался. Нельзя там было без обрезания, голые же все. Претерпел болезненность,

зато потом вознаграждался сторицей. Но не объяснишь же такое лесному сычу?

Однако не растерялся:

— Я у татар жил. Как же не обрезанному? У басурман ко мне веры бы не было.

— Тебе и тут веры нет, — молвил Сыч. — А что у него в сумах, ребята?

— Не поглядели мы, Федорыч...

Пошел рыться сам.

— Эка. Кошель полный... А это что? — Достал фряжский наряд, купленный в Кафе. — Одежда немецкая. Так кто ты, лисий хвост: татарин или немец?

— Лазутчику нужно по-всякому облачаться. Бывает, что и немчином. Я русский! Великого князя Дмитрий-Ивановича слуга. Вот крест на себя кладу! Время на вас, дураков, трачу, а оно дорого. Мамай идет! Чьи вы люди, дядя? Отвечай!

Шельма знал одно: держаться надо уверенно и грозно, иначе прибьют по-тихому и закопают, прельстившись золотом-серебром. Для них, сиволапых, Боховы дукаты и талеры — сокровище несметное. Тут и дураки сообразят свою выгоду.

Но Сыч, видно, был не из сообразительных. Кинул кошель обратно.

— Мы-то князя Глеба Ильича Тарусского, медленно сказал он. — Желаем за Русь постоять.

А тебе веры нет. Я душу по глазам вижу. И твои глаза, обрезанный, брешут. Однако прав ты. Не моего ума дело, чей ты лазутчик. Отведем тебя к князю. — И отвернулся, будто Яшка был ему более не надобен. — Ребята! Каша не доварена, но ешьте какая есть. Пора в город. Этого свяжите покрепче, и про ноги не забудьте. Не сбежал бы.

Крестьяне наскоро, вынув из-за онуч ложки, похлебали горячего хлеба. Мужичье никогда жратву не бросит. Пока чавкали-хлюпали, Яшка молчал. Во-первых, знал, что по ихнему простецкому обычаю во время еды говорить срам. А во-вторых, больно уж тертый оказался Сыч, даже удивительно. При таком словесные кружева плести — только время тратить.

Иное дело — в дороге.

Сыч пошел первый, за ним еще четверо, и в самом хвосте двое вели под уздцы лошадь, на которой связанным кулем поперек седла висел Шельма.

— Как вас звать, православные? — тихо, душевно просипел Яшка.

Сейчас главное было беседу завязать.

Один лапотник назвался Фокой, другой Щукой.

— Хороша ль была каша?

— Сырая, — буркнул Щука.

— Поди, голодные остались? — Шельма участливо вздохнул. — Достаньте у меня из левой сумы узелок, угоститесь.

Достали. Смерд никогда от дарового харча не откажется.

В узелке лежали толстоскорлупные волошские орехи, из крымского запаса. В дальней степной дороге — самая лучшая пища. Два-три сло-пал — сыт, и сила есть.

Мужики, конечно, такого дива отродясь не видали.

Сунули в рот — не укусишь.

— Не так, — сказал Шельма. — Расколоть надо. Дайте сделаю. Сами не управитесь. Развяжите руки. Ох, сладки орехи!

Мужика на еду всегда заманить можно. На что другое они недоверчивы, а на еду — всегда.

— Развяжи его, Щука, — молвил Фока. — Куды он денется? Попробуем сладости.

Потирая свободные запястья, Яшка уселся в седле боком. Раскол два ореха ладонями — тут сноровка нужна. Дал дурням.

Сейчас ударить каблуками коня в бок, рука-ми вцепиться в гриву — и поминайте, пни тарусские, как звали.

Сыч обернулся. Вынул из-за спины лук. Потрогал пальцем оперение стрелы, глядя на Шельму нехорошим взглядом.

— Эй вы, бестолки! Заморочил вас татарин? Ну-ка свяжите его обратно. И кляпом пасть заткните. Больно речист.

Сунули Яшке в рот грязную тряпку, и лишился он языка, главного своего оружия.

* * *

Таруса оказалась дрянью городишком. Если б не поросший кустарником земляной вал, огораживавший сотню домов с церквушкой, звались бы Тарусе селом. На несильно крутом берегу, близ соснового бора, стоял малый градец, покачивался в ранневечернем тумане, отражался в предзакатной воде широкого речного разлива, так что Тарусс получалось две: одна сизая, другая малиновая. И обе маленькие — тьфу, не на что смотреть. Шельма в таких мелких селищах, которых на Руси многое множество, не видел никакого смысла. Ни торговли, ни богатства, одно небокоптение.

Проехали единственной улицей к площаденке, где княжье подворье — и не подворье даже, а

ветхий, почерневший от времени терем с высоким, но покосившимся крыльцом. Забора, и того не было.

Там толпились люди: десятка два кольчужных дружинников, человек сорок мужиков с топорами. Собрались куда-то. Надо думать, на войну. В сторонке — бабы, заплаканные, молчаливые. Это у черного люда такой глупый обычай: если кто отправляется на войну или в дальнее странствие, провожать с ревом и причитаниями нельзя, а то живыми не вернутся. Мужикам же не положено оглядываться на жен и вздыхать. Потому бабы и мялись сами по себе. Когда ополчение уйдет, они заголосят. Но не раньше. Оно и в Новгороде так, у простых-то.

Еще на площади были две запряженные телеги и оседланный конь, без всадника.

Смерды обступили Сыча, стали спрашивать про Яшку — откуда-де татарин.

— Где князь? — спросил Федорыч, ничего не объясняя. — Почему вы доселе тут, вояки? Я-то думал, вы уже в походе, догонять придется. Кто на ночь глядя выступает? Через час-два темно будет.

Ему ответили:

— Мы что? Князь всё с невестой прощается. От полудня ждем.

Яшка жевал тряпичный ком, вертелся на лошадиной спине, выворачивался, чтоб лучше видеть и слышать.

— Развяжите ему ноги, посадите в седло, — велел Сыч. — Куда он теперь денется. А подойдет князь, выньте кляп.

Тут на крыльцо вышли трое, и Шельма на мужичье смотреть перестал.

Девка и двое мужчин. Ну-ка, который князь, молодой или старый?

Молодой, по всему видно: богатырская стать, золотая бородка, высокое чело, гордый взор, алое корзно поверх блестящего доспеха — как есть князь, не спутаешь. Он для Яшки сейчас был самой важной здесь особой, на нем бы всё внимание и сосредоточить, но скользнул Шельма быстрым взором по деве — и на время позабыл о своем недосужном положении. Глаза будто прилипли.

Господи боже, есть же на свете красавицы! Яшка на своем веку много распрекрасных баб-девиц повидал, грех жаловаться. Но такой не наблюдал ни в Новгороде, ни в Москве, ни в Любеке, ни в Риге, ни в Сарае, ни в прочих великих городах, против которых Таруса эта — кучка хвоста.

У девы спустился с головы узорчатый плат, и гладкие волосы медвяного цвета, стянутые в тугую косу, воссияли на позднем солнце, будто золоченый шлем либо царский венец. Лик был бел и округло-тонок, словно нераспустившаяся озерная кувшинка. Глаза широко раскрытые, лучистые, и даже издали видно, что лазоревые — будто два василька.

— Ах, милый, — молвила неземная красавица, — неужто прямо сей час и уедешь? А я не хочу!

Что у ней был за голос! Нежно-волшебный, до того отрадный, что неважно, какие им рекутся слова, — слушать бы вечно да жмуриться.

Князь ответил что-то ласковое. Самое бы время Яшке на него получше глянуть, вслушаться, но всё не было сил отвести глаза от девы.

Правда и то, что Шельма теперь о себе тревожился не сильно. Князь, какой он ни есть, это не лапотное мужичье. Всегда уболтать можно.

По крыльцу, чуть сзади, спускался еще и третий, неинтересный. Какой-то жухлый, длиннобородый, в зеленого сукна шапке с бобровой оторочкой и длинной суконной же летней шубе на серебряных защепах. Боярин или дьяк. Топтался по-за распрекрасной парой, ничего не говорил.

На площади (Яшка, опомнившись, осмотрелся) мужчины все глазели на деву, бабы — на князя. Стало очень тихо, каждое слово слышно.

— Свет мой ясный Степанушка, — вздохнул витязь. — Пора. Ночь скоро. Свидимся ли — Бог весть. Судьба ль нам обвенчаться?

— Свидимся, как нам не свидеться, — прожурчал дивнозвучный голос. — А коли свидимся, то уж непременно обвенчаемся. Нельзя нам не обвенчаться.

— А если не свидимся? Если я голову сложу? Ведь вся татарская сила на нас идет. Не бывало еще, чтоб Русь взяла верх над ханским войском. А бегать я не стану, ты меня знаешь. Лучше костью лягу.

Князь был печальный, а его невеста — ни-сколь-ко. Однако сердиться она умела. Сдвинула ажурные брови, топнула ножкой:

— Нет уж, этого ты не смей! Ты мне слово дал! Уж и о свадьбе объявлено! Батюшка велел мне платье пошить грецкой тафты, да опашень атласный!

— Три с полтиною рублика плачено, за платье-то, — сунулся сзади длиннобородый. — Мне для моей душеньки ничего не жалко.

И всхлипнул, утер слезу.

Отец, стало быть. И как только от этакого обмылка на свет чудо чудное произвелось? Загадка господня.

— Так ты веришь, Степаниа Карповна, что я вернусь? — просветлел ликом витязь.

— Попробуй не вернись! Я нарочно руки на себя наложу, чтоб тебя на том свете сыскать и глаза твои лживые выцарапать! Даже и слышать про такое не желаю! — И снова ножкой топнула.

— Ну, стало быть, вернусь, — улыбнулся князь. — Не захочет Господь своего ангела огорчить.

На самой нижней ступеньке он повернулся к площади, крикнул звучно:

— Прощайте, люди тарусские! Уходим биться с татарами! Берегите мне город! А пуще того бе-

регите мою невесту, боярышню Степанию Карповну! Вернусь — быть ей вашей княгиней!

— Не тревожься, князюшка Глеб-свет Ильич, — молвил родитель боярышни, обнимая ее за плечо. — Сберегу для тебя голубку, не будь я Карп Фокич Солотчин. Дождемся тебя здесь, с победой и славой.

Но тут в умилительную беседу влез Сыч, грубый мужчина:

— Князь, мы татарина поймали. Говорит, лгутчик великокняжеский. Однако брешет.

Князь неохотно повернулся от невесты. На Шельму едва глянул. Глаза у тарусского владельца были серые, с длинными золотистыми ресницами.

— А, мельник. Почем знаешь, что брешет?

— Вижу.

Яшка замычал: выньте кляп, всё обскажу.

Но князь, поморщившись, молвил:

— Пускай люди великого князя с ним разбираются. Киньте его в телегу, а на коня пускай Бойка сядет. Негоже старшему дружиннику тарусского князя пешему идти.

И снова отвернулся к своей зазнобе.

Яшку ссадили, запихнули в телегу с какими-то мешками, а на татарского коня влез рыже-

бородый дружинник, довольно оскалился щербатым ртом. Сказал, пришепетывая:

— Добрая лофадка.

— Речь войску скажи, — тихо посоветовал боярин Солотчин (Шельма по губам прочитал). — Положено.

Глеб Тарусский покашлял, почесал затылок под алой, в куньем мехе, шапкой.

— Ну что, воины православные... Великий князь Дмитрий Иванович собирает русскую силу у Коломны. Туда и пойдем. Ну, это... Не посрамим своей Тарусы. Вам, моя дружина, оно и по долгу надлежит. А вы, хрестьяне, кто по своей доброй воле идет, — обратился он к ополченцам, — вас за то Бог наградит. И я, жив буду, не забуду. Кто вернется — от тягла освобожу. Кто сложит голову, о семье позабочусь. Вот...

На том речь и закончилась. Князь, кажется, был некраснословен. Да и смотрел не столько на свое негрозное воинство, сколько на невесту.

Степаниа Карповна сказала ему:

— Погоди. Давай еще попрощаемся.

Надула розовые губки, сулясь заплакать.

Однако Сыч, который, оказывается, был мельник, а стало быть, важная по захолустным понятиям особа, нечинно дернул господина за край плаща:

— Пора, Глеб Ильич. Время позднее. Нам до темноты хотя б к Плещеевому лесу дойти.

Вздохнув, князь сел на коня, махнул рукой.

Нестройный отряд двинулся в путь. Мужики, кто послабее сердцем, все-таки оглядывались. Бабы держались из последней мочи, но пока не ревели. Одна какая-то крикнула: «Мокеюшкаааа! Ууууу!» — да сама заткнула себе рот краем платка.

Князь ехал самый последний, шагом. Всё оборачивался на крыльцо, откуда краса небывалая старательно махала ему белой ручкой.

Солнце стояло совсем низко, свету оставалось всего на час-полтора.

Яшка, которого везли в первой телеге, двигал челюстями — пытался вытолкнуть кляп. Пока не получалось, но всё при деле.

Грустный князь медленно ехал пообонь дороги, будто сам по себе. Уже не оглядывался — со стороны городка били багряные косые лучи, ничего не разглядишь.

Вскоре, однако, сзади донесся топот. Это поспешал на хорошем буланом жеребце боярин Солотчин, за ним четверо конных слуг.

— Провожу тебя немного, зятюшка. Пускай Степаша одна поплачет...

Заговорили меж собой, негромко.

Яшка, конечно, слух напряг, глазами впился. Попадать к московским ему было не с руки. Никакого лазутчика они знать не знают, и к тому же это вам не лопухи тарусские. Обыщут по всей науке, найдут в поясе алмазную змею. Отберут!

Выкручиваться надо было сейчас, в дороге. Потом поздно будет.

— ...Позор-то какой, — жаловался на что-то князь Глеб участливо кивающему боярину.

Как я к Дмитрию Московскому таков явлюсь? Дружина мала и плоха, две трети — мужики-топорники. Удел и при батюшке-покойнике невелик был, а как поделили между нами, семью братьями, одно прозвание что князь. Таруса-городок да три деревеньки — всё мое владение. Людей горсть, вооружить не на что. А как не пойдешь? Ведь вся Орда на нас. Каждый дома останется — пропала Русь...

Солотчин ему, вздыхая:

— Эх, и я бы стариной тряхнул, шелом надел, да сам знаешь — мой князь Олег Иванович с татарами не враждует. Стыд и срам, стыд и срам...

Эге, сообразил Шельма, боярин-то не здешний, а Олега Рязанского. То-то одет богаче русского князя, и холопы сытомордые, на крепких конях. Рязанское княжество сильненькое и с

Москвой на ножах. Им Дмитрий Московский хуже Мамая.

— Бог Олегу Ивановичу на то судья, — сказал Глеб, — и больше я ничего не скажу, потому что он твой господин.

— Это так, так, — поддакнул Солотчин.

А Яшка наконец исхитрился, вытолкнул изо рта проклятую тряпку. И сразу взялся за дело, благо теперь знал, чем взять тарусского голодранца.

— Эй, князь Глеб Ильич, сокол ясный! Знаю, как твоему горю помочь! Сделай милость, выслушай!

Тот удивился. Забыл про Шельму в расстройстве чувств.

— А, лазутчик.

— Не лазутчик я, прав твой мельник. Я купец. В Кафе жил, у крымской фрязи, железным товаром торговал. Но душой я русский и за Русь живота не пожалею! Одна она у нас, матушка!

С малоумными, которые доброй волей на погибель идут, только так и надо разговаривать — на ихнем языке.

— Зачем же ты наврал, что служишь московскому великому князю? — спросил Глеб, подъезжая.

— Чтобы меня к нему отвезли. Есть у меня для Дмитрия Ивановича кое-что поважней донесения. Знает ли твоя милость, что такое бомбаста?

— Нет, не знаю.

— А про пушки слышал, что огнем грохочут?

— Слышать слышал, видеть не доводилось. Говорят, ими можно каменную стену пробить.

— Ими много чего можно. Бомбаста — самоновейшая немецкая пушка. Равной ей нету. Я потратил все свое достояние, купил четыре штуки. Хотел великому князю отвезти, по татарам стрелять. Вез степью. Но погнались за нами поганые, и бросил я повозку, а пушки зарыл в землю, чтоб татарам не достались. Слуг моих всех порубили, один я ушел. Лишь тем и спасся, что в татарское платье переоделся. Если не веришь, вели в правой суме посмотреть. Там моя одежда, в какой из Кафы выехал.

Князь поманил к себе Бойку, старшего дружинника. Велел показать, что в седельной сумке. Рассматривал чужеземное платье — спрашивал, какая вещь для чего. И сразу во всё поверил, вот какой простоумный.

Яшку развязали, а он еще только разворачивался.

— Пока до Коломенского лагеря доберемся, поздно будет. Придется за пушками в степь ехать, потом обратно. Не успеют они к сражению. А мне, свет-князюшка, всё едино, кому свои бомбасты отдавать. Могу и тебе. Схрон не стои-

далече, в одном переходе на восток от Одоева. Отсюда верст двести будет?

— И полутораста не наберется. — Глаза у Глеба загорелись. — Эх, кабы я Дмитрию Ивановичу твои бон... бомбасты привез, он бы меня по-иному принял! Мне тебя, купец, Бог послал. Как твое имя?

— Яков Шельмин.

Князь прослезился, обнял — чуть кости не треснули в могучих его руках.

— Эй! Все сюда!

Когда вокруг сгрудились дружинники и ополченцы, Глеб крикнул:

— Смотрите — вот добрый человек, за русскую землю радетель, моей чести спаситель!

И прочее разное, для Яшки лестное. Шельма стоял потупившись, рделся.

Объяснив, что в Коломну теперь ехать незачем, князь велел становиться на опушке лагерем, ибо все равно уже темно, а завтра на рассвете поворачивать к Липовскому лесу и оттуда на Пронский шлях.

На ночлеге случилось у Шельмы два разговора.

Сначала подошел Сыч, тихо сказал:

— Князь наш молод, доверчив, а я пес старый, меня ты не обдуришь. Купчина ты или кто, знай: глаз с тебя не спущу. Я утку на охоте влет первой стрелой сшибаю. И по тебе не промахнусь.

Яшка только вздохнул, кротко возвел очи к звездному небу.

А совсем поздно, когда уже все спали, была еще одна беседа, совсем шепотом. Поинтереснес первой.

Рядом пристроился боярин. Он давеча шумнее всех князь-Глебовой удаче радовался и объявил, что ради такого великого дела тоже за пушками поедет.

— Вижу, Яша, ты человек ушлый, — прошелест Солотчин. — Не наврал про пушки-то?

Шельма побожился, сотворил крестное знамение — такой зарок не нарушит ни один русский человек, в ком жив Божий страх.

— Ну а коли так, слушай меня умом. Ты ж человек торговый, верно? Русь Русью, а прибыль прибылью, так?

Спорить с этим Яшка не стал. Любопытно было, что дальше.

— Тарусский князь гол, ничего ты от него за свои пушки не получишь. А мой господин, Олег Иванович Рязанский, за такой товар хорошую

цену дал бы. Ему для обороны стольного града бомбасты твои ох как пригодятся.

Шельма стал слушать еще внимательней. Старый лис говорил дело. Так-то Яшка в степь возвращаться не собирался. Думал при первом удобном случае деру дать — верно его Сыч чертов исчислил. Однако кто же от своей выгоды бегаёт?

— Далеко ль нынче Мамай? Что сказывают? — спросил он, подумав.

— Собирает тумены у реки Самары.

Значит, бомбасты вырыть еще не успел, прикидывал Шельма. Если поспешить — опередим татар, точно.

— А как мы пушки у князь-Глеба из-под носу уведем? Они тяжелые. Каждую поднять — самчетверт нужен.

На это у Солотчина был ответ:

— Я прямо сейчас холопа к себе в вотчину отправлю, он нас после верхом нагонит. И в месте, какое укажешь, будет нас ждать крепкая повозка. Ты только скажи, куда ее слать. Я те края хорошо знаю, сколько раз на соколиную охоту ездил.

— А много ль твой князь мне заплатит?

— По мешку серебра за пушку. Вот по такому, — показал боярин себе по колено.

Цена была щедрая, и Яшка решился:

— Курган с каменной бабой знаешь? Кособрюхая такая, одна персь отвалилась. От нее вот так три балки. Пусть повозка ждет в самой правой.

— Знаю я это место, — кивнул боярин. — Хорошее. Легко спрятаться. Так что, купец, по рукам?

Плюнули каждый себе в ладонь, скрепили уговор по старинному торговому обычаю.

Четыре мешка серебра? Поди знай, где поте-ряешь, а где найдешь.

Жизнь — она кучерявая.

* * *

Теперь Шельма ехал конный, рядом с князем, почти за главного. Уж точно поважней рязанского боярина, который скромно держался сзади.

Шлях давно кончился. Правили путь днем по солнцу, ночью по звездам. Длинных привалов Яшка не позволял. Боялся опоздать. Два, много три часа передохнут — и дальше, дальше.

Глебу Ильичу тоже не терпелось, он Яшкиному напору только радовался. Хороший был

князь, ясный, только очень уж надоел своими разговорами. Их у тарусского горе-властителя было всего два: про драгоценную невестушку Степанию Карповну и про родную Русь-матушку. Ради первой Глеб Ильич желал во что бы то ни стало жить, ради второй выражал полную готовность погибнуть. Одно слово: дурак. Хоть и удалец, конечно. Но удалцы они все дураки, это непременно так.

Совсем уж важной особой Яшке мешал себя чувствовать Сыч. Чертов мельник вечно держался неподалеку, днем и ночью, неотступно. Чуть Шельма на него глянет — со значением поглаживал древко лука.

Когда на исходе третьих суток дошли до приметного кургана и сразу, без передышки, стали рыть землю в овраге под расколотым камнем, Сыч прямо прилип. Ждал, что сейчас Яшка наутек кинется.

Но заблестели облепленные жирным черноземом железные трубы: первая, вторая, третья, четвертая; за ними показались деревянные бочата с огненным прахом, и дрогнул даже суровый Сыч.

Тронул за плечо, поклонился.

— Прости, купец, что плохо про тебя думал. Виноват я перед тобой.

И отвязался, наконец, слава Тебе, Господи. А то вся затея сорвалась бы.

С Солотчиным ведь уговорились как? Когда после долгого безночлежного похода все с радости и устатка завалятся спать, боярин предложит, чтобы стан караулили его слуги, — им-де на войну не идти. Ночью четверо рязанцев, здоровенные быки, на руках перетащат бомбасты в соседнюю балку, где уже должна ждать повозка. С нею уедет и Шельма, а слуги вернутся в лагерь.

Утром тарусцы проснутся — ни пушек, ни Яшки. Часовые побожатся, что не сомкнули глаз. Куда подевался купец со своими бомбастами, один сатана ведает.

— Видал, как я с князем шептался? — говорил Солотчин. — Это я ему толковал, не раз и не два, что ты не иначе как колдун, потому что глаз у тебя острый и желтый. Глеб от меня отмахивался. Но когда увидит такое чудо — поверит. Он ведь прост.

Уже зная тарусского князя, Яшка был согласен: этот поверит.

Помешать делу мог только Сыч. Но вот и с ним уладилось.

...Когда князь отликовал, отрадовался, трижды облобызал каждую бомбасту и велел бережно уложить их в телеги, Солотчин, ловкий старичок, устроил всё по-задуманному.

Тарусские улеглись и скоро все уснули, а рязанские силачи перетащили пушки, одну за другой, в недалний овраг. И там, в самом деле, ждала расчудесная повозка. При ней двое холопов, трое широкогрудых коней. Крепкие колеса с железными ободьями жирно смазаны, чтоб не скрипели; у коней, чтоб не заржали, морды обмотаны тряпками.

Наскоро попрощались.

— Езжай к моему князю, — сказал боярин. — Он тебя отблагодарит. И меня не забудет. Всё, пойдем мы. Не дай бог, проснется кто.

И побежал со своими лбами назад к стану, а Яшка сел и поехал: сначала балкой, потом, в пологом месте, выкатились наверх, под луну-звезды.

Времени Шельма попусту не терял. Завел ласковую беседу с провожатыми. Предложил выпить сладкой заморской бражки за-ради знакомства и удачной дороги.

Кто ж откажется?

В бражку был намешан остаток исфаганской травки, которой в Сарае полакомился Габриэль, не к ночи будь помянут.

Очень скоро рязанцы уже дрыхли, бормоча несвязное.

Яшка спихнул их с повозки — поспите, детушки, на травушке.

Взял поводья, развернулся, чтоб Большая Медведица была по правую руку.

Дураков нет ехать к рязанскому князю, который то ли заплатит, то ли нет. Зачем ему трагиться, коли бомбасты сами приехали?

За хорошую мысль — пушки продать — Солотчину, конечно, спасибо, но сделать это надо иначе. Товар по военным временам ходовой. Его всякий возьмет — хоть Ягайло, великий князь литовский, хоть Дмитрий, великий князь московский, хоть тот же Олег, великий князь рязанский. Но денежки вперед, пушки — потом. А то знаем мы великокняжескую честность.

Кони были добрые, подвода прочная. Ехал Шельма по вольной степи, под ладушкой-луной, пел приятную песню и на себя радовался. Есть ли кто на свете умней, ловчей да хитрей? Наверяд ли.

Луна, правда, скоро спряталась за тучи, сделалось совсем темно, и Яшка петь перестал. Когда ничего не видно, нужно полагаться на уши.

Уши принесли из мрака, откуда-то сзади не-
хороший звук.

Стук-постук, стук-постук.

Никак конские копыта?

Насторожился. Да нет — вроде тихо.

Успокоился.

Однако через некоторое время уже справа до-
неслось: стук-постук.

И снова пропало.

Бес, что ли, ночной шутки шутит? Некому в
такое время по степи шастать.

Скоро сквозь тучи вновь стала проглядывать
луна, пространство осветилось, и не было на нем
никакого подозрительного движения, лишь ше-
велились под ветерком белые, выжженные за
лето травы.

Впереди чернел, торчал торчком высокий валун — как раз там, куда правил Шельма.

Внезапно, когда было уже близко, валун ше-
вельнулся. Луна доползла до чистого неба, зали-
ла всё серебристым светом, и увидел Яшка: ни-
какой это не валун, а огромный конь с огромным
всадником.

Тройка захрапела, встала.

Всадник медленно приблизился, будто ужас-
ное сновидение, и сказал знакомым голосом, ко-
веркающим немецкие слова:

— Он всё знает. — Длинная рука ткнула пальцем в небо. — Он сказал: «Шельма наверняка подглядел, где зарыты бомбасты. Будь там, Габриэль. Жди. Рано или поздно он явится». И ты явился. Сейчас ты со мной расплатишься за всё сразу.

И сник Яшка. Смежил отяжелевшие вежды, впал в милосердное небытие. Всё лучше, чем такая явь.

**ПОВЕСТЬ
О НЕПРАВДЕ НА НЕПРЯДВЕ**

Но блаженное забытие длилось недолго. Скоро Яшка очнулся — и сразу о том пожалел. Он лежал на телеге, а сверху, заслоня луну и полнеба, нависал Габриэль.

Вот бывает же: человек думал, что помер, оказался жив и нисколько тому не рад.

Одежда на Шельме была вся растерзана — должно быть, палач нетерпеливо сдирал пояс, а тот зацепился. Золотая змея, изъятая из своего хранилища, сверкала у чудища на шее, троекратно обкрученная. Габриэль поглаживал ее лапищей.

Увидев, что Яшка хлопает глазами, изверг доверительно сказал, будто они закадычные приятели:

— Сижу вот, думаю. Как бы тебя помедленнее убить. Все дни про это думал, только этим

утешался. То одно понравится, то другое. Беда в чем? Времени у меня мало. Спыхватятся русские, станут пушки искать. Больше часа потратить на тебя не могу. Жалко. Я ведь как мечтал?

Яшка почувствовал, как на лбу выступает испарина. Ледяная. И холодно сделалось — будто в могиле. Но до могилы надо было еще дожить...

— ...Вот у нас в Санктории был один мастер из дальней страны Катай, — продолжал Габриэль. — Рассказывал, что самая хорошая казнь «Тысяча Кусочков». Отрезаешь кончик пальца — перетягиваешь ниточкой, чтобы кровь не вытекла. Потом дальше, дальше. Даже когда одно тулово с головой останется, там еще много чего обрезать можно. Я и нитки с собой захватил, крепкие. А времени-то и нету... — Вздыхнул. — Или вот еще хорошая штука, в самый раз для степи. Закопать тебя в землю по шею и помочиться. Муравьи наползут, мухи налетят, слепни разные, оводы. Облепят, будут день, два кровь сосать. Я сидел бы, смотрел, цветы вырезал. Мне бы не надоело... Эх! А сейчас что? — Горько махнул рукой. — Ну, кишки тебе выпущу. Полюбуюсь четверть часика, как ты их руками собираешь. Потом ты сдохнешь, и вся забава...

— Это ты от одиночества такой разговорчивый стал, — проскрипел Шельма. — Соскучился без людей. Что попусту болтаешь? Выпускай мне кишки, я заслужил. Только дай попить напоследок. Горло пересохло — мочи нет. У меня вон там бурдючок, в нем бражка. Попью, и делай со мной что хочешь, твоя воля. А потом езжай на все четыре стороны, ночь еще долгая.

Страшенные чудовища, подобные мертвящему василиску, не пожирают всё сущее на земле по одной только причине. У них ума мало. Ибо кто очень силен, то привыкает единственно на силу полагаться, а разумом не пользуется, и голова от этого тупеет.

Клюнул Габриэль на подсказку. Хохотнул.

— От жажды — это хорошая смерть, долгая. И времени терять не нужно! Поеду, буду на тебя смотреть, как ты от сухости весь растрескаешься. Дня три подыхать будешь.

— Дай попить, гад! — взмолился Яшка.

— Проси меня, проси. — Палач взял бурдючок, побулькал. Потом выдернул пробку, вдохнул. — Сладкая. — Попробовал на язык. — И холодная. Хочешь?

Поднес к самому носу — убрал. Шельма заплакал. Габриэль засмеялся.

— А я отхлебну, — говорит.

И отхлебнул, дурень конопатый.

На свете, конечно, дураков много. Из десяти человек девять. Но таких, как Габриэль, было поискать. Кажется, в тот раз он и не понял, отчего ему мертвые души привиделись.

Подождав, чтобы дубина отпил побольше, Яшка ему сказал:

— Только самая глупая мышь попадает два раза в одну и ту же мышеловку.

— А?

— Сейчас договоришь с душами.

— Ч-что? — А сам уже качается.

— Баюшки-баю, — пропел Шельма и без страха толкнул великана в грудь. Тот мешком вывалился из телеги, бухнулся оземь.

Встав над беспомощным голиафом, Яшка изрек:

— Зарезать бы тебя, идолище поганое. Но комар — не аспид. Жалит, да не до смерти. Валяйся себе. Змею мою только отдай.

Убрав алмазную красу обратно в пояс, сел в повозку, взял поводья — почесал затылок.

Нечего в одиночку по степи таскаться. Этот очнется — вконец вызверится. Не сойдет со следов.

Подумал-подумал, да и повернул обратно.

— Не тревожься, Глеб Ильич, целы бомбасты. — Шельма весело подмигнул. — Пока вы ночью спали, я походил по степи, сыскал мою повозку, на которой пушки из Крыма вез. Лошаденки целы, на сочной траве только растолстели. Пушки теперь в моей телеге. Она крепче вашей, да и кони мои сильнее.

Повозку он с ночи в овраге поставил, неподалеку.

Все туда побежали, тарусский князь — первый. Опять было много крику, но теперь радостного.

Один Сыч глядел странно.

— Скажи, купец, а как ты пушки переташил?

— Часовые вон помогли, — кивнул Яшка на боярских слуг. — А сразу не сказали вам ради шутки. Они ребята веселые. Так, что ли, ризанцы?

Мордатые холопы молчали, но боярин Карн Фокич был посмекалистей.

— Это да... Они у меня играцы, — сказал он дрожащим голосом. — За то их и держу, за веселый нрав...

Тут и слуги тоже закивали.

— Ловко шутили? — засмеялся Шельма.

И все тоже засмеялись, князь пуще других.

— Ну, коли так, варим кашу, да в путь! — объявил он. — Дорога дальняя, груз тяжелый!

В середине дня, улучив минуту, когда Яшка был один, подъехал Солотчин.

Спросил шепотом, коротко:

— Пошто?

— Что я тебе, дурак-тарусец? — ответил Яшка. — Расплатились бы со мною в Рязани, как же. За повозку с конями тебе, однако, спасибо. Пригодится. И моли бога, боярин, чтоб я князю Глеб-Ильичу про твое окаянство не рассказал. Вот ты у меня где. — Показал крепко сжатый кулак.

Карп Фокич плаксиво сморщился:

— Хорошо-хорошо, Яшенька. Не выдавай меня, старика. Я тебе подарок сделаю. Хошь, коня своего буланого отдам? Он венгерских кровей, десять рублей мне стоил.

Ум, он все препоны одолеет, все засады обойдет, думал Шельма, гордясь собой.

Однако ехал — все время оглядывался: не появится ли позади некая фигура кровавого цвета? И на всякий случай все время держался в середине, среди людей.

* * *

На Коломну, где Дмитрий Московский собирал рать, князь Глеб идти поостерегся — можно было опоздать и потом на медленном ходу войско уже не догнать. Надежней было двинуться к броду перед впадением Оки в реку Лопасну его русское множество никак не минует, и на переправу со всеми обозами понадобится дня два. К тому месту путь лежал вблизи Тарусы, потому Глеб Ильич сделал людям подарок — велел пройти через родной город и еще разок поглядаться с семьями, с которыми многие уже не чаяли встретиться на этом свете. Больше всего, конечно, князь желал порадовать сам себя украсть у судьбы лишнюю встречу с ненаглядной невестой.

Добрались до Тарусы на второй день вечером. По домам князь никого не отпустил, потому что человеческое сердце не каменное и кто-то из ополченцев мог дрогнуть, наутро к сбору не явиться — они все своей волей на смерть шли, насильно не заставишь. Поэтому прямо на площади перед теремом поставили столы и скамьи, за которыми уселся чуть не весь маленький город. Ели, пили, пели песни. Мужики, разогрен-

шись хмельным медом, хвастались, как зададут татарве жару. Бабы на них смотрели, вздыхали.

Горели костры, по лицам ратников плясали красные и черные тени, будто кто-то выбирал — одному красную участь, другому черную.

А Яшку усадили на почетном месте, на высоком крыльце, близ князя и его невесты. Здесь же находился и Солотчин.

Глеб Ильич со Степанией Карповной смотрели только друг на друга, вели меж собой тихий шепотный разговор. Пирующим на площади тоже было не до Шельмы, и потому он бесстыдно пялился на красу-боярышню, благо находилась она совсем близко.

Вот ведь производит Господь чудесные творенья! Всякое движение — дар драгоценный. Как ни повернется, только краше становится. Как пышноцветная роза, шевелящая лепестками на легком ветерочке.

Боярин только, старая жаба, мешал любоваться, всё нудел на ухо:

— Промашку ты дал, Яков. Я догадал твой умысел. Ты хочешь перед самой битвой Дмитрию Московскому пушки продать. Думаешь, он от нужды не поспеет, наобещает тебе злата-серебра. Может, и так, а только денег ты от Дмитрия не

получишь, потому что где ему с Мамаем совладать? Побьют татары Москву, всегда так было. И сгинешь зазя вместе с этим петухом тарусским... Думаешь, я по своей воле нищebroда в зятя беру? Как бы не так. Мой господин Олег Иванович приказал. Желал оторвать Тарусу от Москвы, к Рязани прилепить. Удел маленький, но важный, Оку запирает. Олег Иванович думал тут крепость поставить, воткнуть Москве занозу в бок. Однако теперь всё будет иначе. Мы с татарами сговорились, проведем их бродами, гатями да тайными дорогами. Дмитрий не успеет «Отче наш» прочесть, а Орда уже вот она. И Таруса эта нам без всякой свадьбы достанется, вместе со всем Верховьем — такой у Олега Ивановича с Мамаем уговор. Посему не буду я тут с дочкой сидеть. Завтра же, как только уйдете, свезу домой, в свою вотчину... А ты одумайся, Яша, пока не поздно. Сейчас всем не до тебя. Пушки в повозке лежат. Запряги лошадок и гони отсюда. И зря ты боишься, что мой господин тебя с расплатой обманет. Ведь никто у нас не знает, как из пушек стрелять. Один ты. Не получишь честного расчета — не расскажешь. Думай, купец. Тут — погибель, там — богатство...

Шельма его почти и не слушал, следил глазами за нежными девичьими губками, шептавшими:

— ...Плакать не буду, не люблю плакать. И молиться тоже за тебя, Глеб Ильич, не буду, скучно. А просто сяду здесь, на крылечке, и стану смотреть на дорогу, тебя ждать. Буду ждать тебя так сильно, что ты никуда не денешься, вернешься живой...

И ручкой легонько погладила князя по щеке. Такого тонкого запястья Яшка у девок-женок никогда не видывал, а такими пальчиками лишь цветы срывать или сахарным пряником лакомиться. Недаром от их прикосновения князь котом замурлыкал. А Шельма на его месте, наверное, в небо бы воспарил...

Однако мечтать об этом нечего. Никогда у тебя такой павы-лебеди не будет, сказал себе Шельма. Не по воробью корка.

Но погладил себя по кожаному поясу и приосанился. Ничего. С такими деньжищами можно любую царицу-королицу высватать.

Однако Степаниа Карповна рассмеялась серебряным голоском, дивный лик озарился улыбкой, обнажились блестящие зубки, и стало ясно: другой такой в мире нету.

— Отстань, боярин, — сказал Шельма. — При моем богатстве мне эти пушки — тьфу. Не жалко.

Ага, поедет он ночью один — прямо в лапы к Габриэлю-сатане. Нет уж, мы при дружине побу-

дем. На битву идти, конечно, незачем. Пускай дураки воюют, кому жизни не жалко. А мы исчезнем где-нибудь по дороге. Можно с той же камышинкой на переправе потонуть. Или просто в суматохе потеряться.

Одно тревожило. Поглаживая пояс, думал Шельма, что с алмазной змеей на все военные хождения отправляться опасно. Человека в бегах, да в лихое время, всякий обидеть может. Сейчас по дорогам, лесам да полям какой только шушеры не бродит: разбойники, шатуны из обеих войск, русского и татарского, да мало ли кто. Польстятся на кожаный пояс, отберут, а в нем вся жизнь, всё счастье.

Тайник нужен хороший, во сбережение до нужного часа. Здесь где-нибудь спрятать змею, в Тарусе. Городок уже знакомый, люди глупые, к Яшке приязненные — видели его при князе, на почетном месте.

А дальше пара пустяков: уползти ужиком, прилететь комариком.

* * *

Хорошее место, чтоб утопиться, попалося сразу же, прямо на завтра перед вечером.

Глеб велел переправиться через Оку, чтобы сократить путь, — река здесь делала большую излучину, которую быстрее было срезать, чем обойти. После долгого жаркого лета река много где обмелела, берега заросли камышом — прячься не хочу.

И вот, сидя на коне, размахивая руками, вопя во всю глотку: «Прах не замочите! Подымай, выше подымай!» и разное прочее начальственное, Шельма вдруг сверзся с седла (ремень был загодя подрезан), бухнулся в воду с превеликим плеском — и уже не вынырнул. Распластался по дну, по-лягушачьи заработал ногами, поплыл к заранее присмотренному бочажку, где очень кстати торчала покрытая водорослями коряга. Тщательно прочищенные тростинки ждали, воткнутые в ил. На последнем запасе дыхания Яшка сунул одну в рот, маленькими глотками потянул воздух: уф-уф-уф.

Приготовился сидеть тут долго. Тарусский князь, добрая душа, скоро не уйдет. Велит искать тело дорогого утопленника для-ради христианского погребения. Час придется под водой проторчать, самое меньшее — пока не зайдет солнце. Потом в темноте тихонько выбраться на берег, и рысцой, рысцой, чтоб обогреться после долгого водяного сидения...

Однако вышло не долго, а очень коротко.

Не успел Шельма наладить дыхание, как схватила его за шиворот сильная рука, рванула, выволокла на поверхность.

Сыч, будь он неладен!

— Экий ты неловкий, купец. На мелком месте чуть не потоп. И течения вроде нет, а тебя вон куда уволокло, да вишь за корягу зацепился. Хорошо, я у себя на речной мельне привык рыбу острой бить. Вижу под водой, почти как на земле. Эх ты, нескладень. Башкой, поди, стукнулся да сомлел?

— Да... Ударился... — пролепетал Шельма. — Голова закружилась. Воды боюсь... Сызмальства...

Взгляд мельника показался ему нехорош. Неужто заподозрил?

— И пояс свой кожаный потерял, горемыка. Поискать?

— Бог с ним. Жив — и спасибо. Спаситель ты мой, Федорыч. Отблагодарю.

— Цел будь, тем и отблагодаришь. Как без тебя из пушек палить? Всё, купец. Ныне буду с тобой неотлучно, коли ты такой незадачливый.

И прилип хуже, чем тогда. Ни на шаг не отходил. Когда сызнава переправлялись, взял за

локоть, сказал: «Не робей», — и до берега не отпускал. Если же надо было отойти по делу (а забот у Сыча в походе хватало), приставлял к Шельме двух мужиков, наказывал беречь как зеницу.

Очень всё это Яшке не нравилось. Так, пожалуй, в самом деле на войну угодишь. Да на какую — с Ордой, которую русские отродясь не побеждали. Позапрошлым летом великий князь Дмитрий, правда, одолел татарское войско, но оно было невеликое, а тут вся сарайская сила во главе с самим Мамаем, из волков волком. От одного воспоминания о жгучем взгляде грозного беклярбека Шельма ежился.

А с другой стороны на помощь Мамаю идет с большой ратью Ягайло Литовский. А князь Олег Рязанский тоже вон за татар встал.

Это же надо совсем с разума съехать — против такой мощи переть!

Глядел Яшка вокруг себя и ничегошеньки не понимал.

Глеб Тарусский — ладно, он из тех, кто на свете долго не заживается. Его дружинники — тоже понятно. Люди военные, что им и делать, как не мечом махать. Но мужикам оно зачем? По

скудоумию? Однако Сыча скудоумным не назовешь...

Князь князем, но в походе всем распоряжался мельник: какую дорогу выбрать, где на привал стать, как быстро починить сломанную ось на телеге. Бойка, шепелявый старший дружинник, ревновал, пробовал перечить, но князь Глеб неизменно говорил: пускай, как Федорович сказал. И выходило ладно.

На телегах кроме пушек и праха везли щиты да съестной припас. Кольчуг князь велел не снимать — татары могли быть недалече. Мужики же шли налегке. У каждого только топор на длинном топорище да нож на поясе. На спине — пустой рогожный мешок, который годился на все случаи. На ночлеге в него набивали траву, чтобы спать не на голой земле. В дождь накрывались. На третий день вдруг похолодало — мешок сгодился и для утепления. Смекалистый вроде народ крестьяне — а такие дурни, сами своей волей на смерть тащатся!

И ведь сколько их!

Тарусцы теперь шли по дороге не одни. В том же направлении двигались и другие отряды, из разных мест. Кольчужных было мало, в основном такие же мужики в рубахах, с топора-

ми. Лица хмурые. Ни песен, ни гогота, ни бахвальства. Знают, что на смерть, — и все-таки идут!

Большая земля Русь, думал Шельма с сокрушением, а народ в ней совсем глупый живет. Все толковые поселились в Новгороде, да и там, правду сказать, дураков хватает.

Так и не дошли до Лопасны, где князь рассчитывал влиться в московское войско.

В первый день осени поднялся Глеб Ильич на холм, с которого открывался вид на окрестные поля, да и остановился. Подъехав, Яшка понял почему.

С другой стороны, от горизонта, навстречу двигалась великая рать.

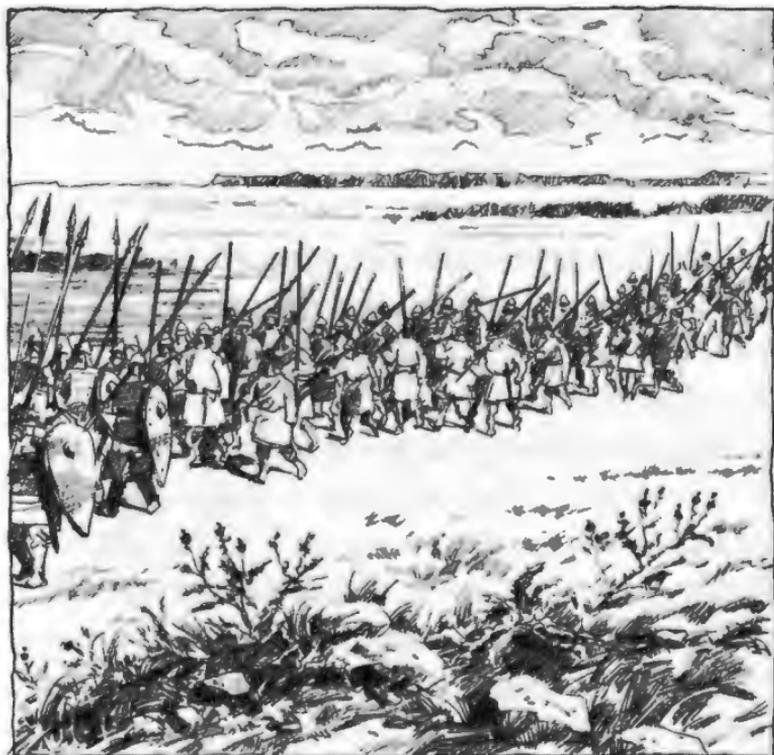
Впереди — кучка всадников. Поодаль еще конные, много, под разноцветными стягами. Далее — нестройная колонна, хвост которой уходил за край земли.

— Вот она, сила русская! — с чувством молвил князь и снял шлем. Глаза у него заблестели от слез. — Испокон такой не бывало! С Божьей помощью одолеем неверных!

Так-то оно так. Народу действительно собралась туча — Яшка и на самом многолюдном новгородском вече столько не видывал. Однако на счет одоления неверных имел иное мнение.

Превеликая змея, ползущая по полю, если присмотреться, была двухцветная: голова и шея блестящая, чешуйчатая — это сверкали на солнце кольчуги, шеломы, наконечники копий; по все длиннее тело серело да белело — то вали-

ло мужичье в холщовых рубахах. У них ни доспехов, ни щитов, ни оружия настоящего. Голое мясо под татарские стрелы.

То ли дело ордынское войско.

Однажды Шельма в Сарае видел, как оно выступает в поход. Все при справном оснащении, в седлах сидят кречетами, каждая сотня — будто железный кулак. И то еще был не великий поход, а всего лишь тогдашний хан Абдаллах шел

войной против своего брата, с одним туменом. Ныне же на Русь движется вся Орда, и Мамай — не чета Абдаллаху.

Вокруг Глеба Ильича сгрудился весь его маленький отряд. Князь заволновался, велел встать постройнее. Сейчас сам великий князь будет до-смотреть делать!

Дружинников поставил вперед, сзади сгрудились мужики. Шельма остался при повозке с пушками, сбоку.

Ну поглядим, что за Дмитрий Московский.

На холм с поля рысью взлетел дружинник, спросил, чей отряд, — и так же споро вернулся к голове колонны.

Теперь от нее отделился кто-то в багряном плаще, зерцальном шлеме. Не иначе — сам великий князь. За ним, не отставая, скакали еще двое. Должно быть, оруженосцы.

Глеб спешил, обнажил голову, громко крикнул:

— Здрав будь, Дмитрий Иванович! Это я, Глеб Тарусский!

Перед ним, осаживая коня, закрутился на месте толстый чернобородый дядя с красной мор-

дой в цвет плаща. Сдвинув мохнатые брови-гусеницы, московский самодержец густым голосом спросил — сердито:

— Что ж ты, тарусский князь, мало людей привел?

Враз узрел и хитрость с построением.

— Э, да у тебя воинов горсть, прочие — топорники.

Соскочил с седла — Яшке показалось, что земля дрогнула под изрядной тушей. Прошелся, оглядывая дружинников.

— Кольчуги худые. А этот вовсе в кожаном доспехе... Ну-ка ты, лядащий, меч вынь. Тупой меч-то, тьфу! ...Эй, а ты почему без налокотника? Потерял? А башку не потерял?

И так почти с каждым.

Шельма смотрел, сравнивал с ордынскими владыками.

Будто кто-то взял небожителя хана Мухаммед-Булака, перемешал с крепко ступающим по земле Мамаем и слепил то ли государя, то ли управителя. Дмитрий — Рюриковой крови, то есть подревней ордынских ханов, однако держится беклярбеком, во всякую мелочь влезает. И все московские великие князья такие. Нет в них ни возвышенности, ни красоты. Никакой

мелочью не пренебрегают, никакой грязью не брезгуют. До всего жадны: до власти, до денег, до земель. Недаром присказка: Москва, плати-подва́. Каков город, таковы и князья. Каковы князья, таков и город.

— Мало мне от вас проку, тарусцы, — рыкнул великий князь. — Из вас и сотни не составишь. Пойдете в Верховский полк, под начало к воеводу Линьку.

Глеб вскинулся:

— Как бы не так! Невместно мне, природному князю, под Линьком каким-то быть! А еще скажу: неприметлив ты, Дмитрий Иванович. Главного не углядел.

— Что?! — взревел грозный государь, однако Глеб был непуглив.

— Вон туда погляди. — Показал на Шельмину повозку. — Поди, поди. Браниться после будешь.

Яшка широким махом сдернул с бомбаст мешковину. Четыре чухи тускло заблестели железными боками.

— Пушки! — ахнул Дмитрий, да так к ним и кинулся. Стал похлопывать, оглаживать. — Да какие важные! Железные!

Загоревшимися глазами ожег Шельму:

— Ты кто? Пушкарь?

— Я самый и есть, твоя великокняжеская милость! — лихо рявкнул Яшка.

С большими государями надо держать себя просто и ясно. Говори, что они хотят услышать, не перечь и не болтай лишнего. Пушкарь так пушкарь. Нам-то что?

Глеб Ильич золотого правила не знал, встрял с объяснениями: это-де купец из Кафы, звать так-то, имущества не пожалел, чтоб за Русь-матушку постоять, но великий князь чепухи не услышал. Только имя.

— Что они могут, твои пушки, Яков? Далеко ль палят? Хороши ли в поле?

— Это не просто пушки, а бомбасты, самоновейший немецкий снаряд. Жахнет мелким камнем — полк положит. Вдарит чугунным шаром — крепостную стену пробьет.

Московский государь крякнул от удовольствия.

— Молодец, пушкарь. Ишь, хват какой!

А тарусского князя обнял, троекратно облобызал.

— Угодил ты мне, Глеб. Ох, угодил! Ни к кому тебя под начало не отдам. На походе встань сразу за моей дружиной. А в сражении назначу тебе самое лучшее место.

Услыхав это, Шельма сказал себе: нынче же ночью сбегу, никакой Сыч не удержит. Попасть на лучшее место в сражении с Ордой? Лучше сразу в могилу закопаться.

Лучшее место ныне могло быть только одно: подальше отсюда.

* * *

Не сбежал.

Великий князь приставил к пушкам и «пушкарю» для вящего сбережения сугубую охрану, десяток ближних дружинников. Не люди — псы цепные. По нужде и то одного не отпускали.

К вечеру шестого дня осени войско вышло к Дону. Встали.

Прошел слух: Дмитрий велел дожидаться татар здесь. Однако в ночь все же переправились на другую сторону. Там было широкое поле, показавшееся Яшке знакомым. Над полем низко летали болотные птицы, кулики. По ним и вспомнилось — проезжали здесь с Бохом два месяца назад. А кажется — целая вечность прошла.

Шельма хоть и не стратег, а догадался: великий князь ставит свою разношерстную рать вне-

реди реки, чтобы некуда было бежать от татарской конницы. Значит, всем тут и сгинуть.

Был в походном шатре у Дмитрия большой совет, откуда князь Глеб вернулся поздно, понурый.

— Лучшее место дали? — замирая, спросил Яшка.

— Худшее, — печально молвил князь. — Не со всем войском, а наособицу, сбоку, правее правого полка. Там в Дон впадает какая-то речка, Непрядва называется, и выше брод. Дмитрий Иванович боится, не ударил бы Мамай оттуда скрытно, в обход. Ставить в прикрытие много людей не хочет. Ты, говорит, со своими бомбастами встань перед бродом. Полезут татары — пугни их как следует. Не остановишь — хоть грохот услышу, изготовлюсь.

Яшке очень понравилось, что вояка-князь такой унылый. Однако спросил:

— Пойдут татары через брод, княже? Как думаешь?

— Зачем им? Поле широкое, для конницы приволье. Ударят всей силой в лоб, и дело с концом. Все наши биться будут, а мы пообочь стоять, слюни глотать...

Оживился тут Шельма, духом воспрял, стал деловит.

— Зря ты это, Глеб Ильич. Великой важности дело тебе доверено. Всё православное воинство прикрывать. Не посраим Тарусы!

Поставили их у места, где в Непрядву вливался ручей именем Нижний Дубяк. Он разливался широко, но мелко, так что просвечивало дно. Ничего отсюда было не видно — ни куликова поля, где с утра развернулось войско, ни того, что на другом берегу. Он был закрыт густой дубовой рощей, а с утра землю еще и накрыл белесый туман.

Московские дружинники ушли, им в бою надлежало беречь особу государя. Тарусцы остались одни. Ждали в готовности, сами по себе.

Было очень тихо.

Установкой пушек распоряжался Шельма. Сделал так, как видел во время пробной пальбы. Каждую велел уложить на кучу плотно сбитого песка. В дуло заложили по шапке огненного праха. Потом забили сколько влезло мелких камней. Еще немножко трайбладунга Яшка насыпал в маленькие дырки сверху — точь-в-точь как это делал Бохов кнехт. Рядом в ведерке тлели горячие угли, торчала раскаленная кочережка.

Успокоенный, что татары этим путем не попрутся, Шельма расхаживал над железными

трубами соколом, покрикивал бодрое. Все его слушали, будто он теперь самый главный воевода. И никто не заперечил, когда Яшка велел привязать коней поодаль, под деревом. Может, так для пушечного дела надо.

А надо оно было вот для чего.

Как рать побежит с поля от татарского удара и все замечутся, Шельма дунет напрямиком к буланому жеребцу, которого подарил ему покладистый боярин, — и свисти ветер.

Князь сидел хмурый, чертил прутиком по земле, ни во что не вмешивался.

Однако в полдень, когда туман рассеялся, и со стороны поля начал доноситься дальний шум — там разом заорало много тысяч глоток, Глеб Ильич вскочил на ноги.

— И ведь не видно ничего! — закричал он страдальчески. — Эй, Бойка! Посади двоих по-смышленей на распряженных лошадей. Пусть встанут у Дона. И ездят сюда по одному, рассказывают.

Двое всадников умчались прочь. А на поле как пошумели, так и перестали. Черт знает, что там происходило.

Князь опустил на колени, снял шлем, начал истово молиться. Подошедшему Яшке сказал, всхлипывая:

— Молю Господа, чтобы татары на нас через брод ударили.

Шельма покивал.

— И я с тобой.

Бухнулся рядом и давай креститься: «Господи, не слушай его! Меня слушай!»

Давно так жарко не молился.

* * *

Прискакал один из дозорных, отправленных наблюдать за полем. Сообщил: подошел Мамай. Наши сначала, увидев татар, грянули боевой клич. А потом поглядели, сколько их, и утихли. Татар же — от края и до края поля.

Князь отправил дружинника смотреть дальше.

Скоро, но не очень скоро, вдали сызнова завопили — и опять через некоторое время смолкли. Загадку объяснил другой дозорный. Он видел, как перед изготовившимися к сече ратями поскакали на поединок два конных ратоборца, наш и ихний. Все, конечно, давай глотку драть. А эти понеслись прямо друг на дружку. Столкнулись со всего маху. И легли оба, прямо вместе с конями, не поднялись. Тут крик и оборвался.

Ускакал.

Сразу после этого из разных мест загудели трубы, земля будто вдохнула или ахнула своей широченной грудью, закричала, замычала, сдерживая боль, — и мучительный этот звук уже не умолкал. Что-то скрежетнуло, грохнуло.

— Сшиблись! — воскликнул князь, вскакивая на ноги.

К нему подошел Сыч.

— Княже, слухачей бы на тот берег послать. В дубраву. Не ровен час выскочат поганые врасплох, из пушек пальнуть не поспеем.

— Выскочат они, как же... — Голос у Глеба срывался. — Сейчас всё решается там, на поле. Грудь в грудь. Глаза в глаза. Выдержат наши или побегут. Будь прокляты твои пушки, купец! — Это уже Шельме. — Кабы не они, бился бы я со всеми!

Пнул сапогом прибрежный камень, зашиб ногу, запрыгал на другой. Потом, не совладав с горем, прикрыл лицо ладонями и зарыдал.

Пользуясь тем, что князь горюет, ни на что не смотрит, Сыч подозвал двоих мужиков пошустрее, послал на ту сторону: одного левее, другого правее.

— Своеволифь, мельник? — неприязненно прошепелявил Бойка. — Ифь, воли взял.

Сыч на него и не посмотрел:

— Поди-ка к своим бездельникам, не мешай.

Дружинники и правда просто стояли или сидели, полностью снаряженные к бою. Иное дело крестьяне — те без работы не привыкли. Сейчас, по приказу Сыча, насыпали в свои неразлучные мешки землю, укладывали за бомбастами плотной стенкой.

— Зачем это, Федорыч? — спросил Шельма, прислушиваясь к рыку дальней сечи. Тот стал ближе. Или показалось?

— От стрел прятаться, — коротко ответил мельник.

— Так князь говорит: не нагрянут татары?

— Береженого Бог бережет.

Из-за поворота реки галопом вынесся гонец.

— Татары ломают! Наши гнутся! — крикнул издали и повернул обратно.

Смерды замерли. Сыч на них рявкнул:

— Что стали? Рой землю, сыпь!

Задвигались.

Опять примчался дозорный.

— Беда! Великокняжий стяг упал!

— Там будь, там! — махнул ему Глеб. Его лицо прыгало, губы были искусаны.

Ускакал.

И тут же — едва разминулись — появился второй:

— Поднялся стяг! Пятятся, но бьются!

И так было еще не раз. То плохая весть, то совсем плохая. Хорошей гонцы не привезли ни разу.

Теперь уже сомнений не оставалось: шум сражения медленно, но неотступно приближался. Русское войско под ордынским натиском гнулось, отползало к Дону. Вот-вот побегут — тонуть в реке, пропадать под татарскими копытами.

Яшка давно уже, будто ненароком, прогуливался неподалеку от дерева, где щипала траву боярская лошадь.

Вдруг из дубравы, про которую все и думать забыли, донесся разбойничий свист. И сразу другой, еще пронзительней.

— Слухачи знак дают! — крикнул Сыч. — Держись, ребята! Татары!

Роща захрустела, затрещала — громче, чем весенний ледолом на Волхове. Потом вся загустела, почернела, будто в ней разом выросло много новых деревьев. Это в дубраву с разгона, тучей, вломилась конная лава.

Все забегали, заметались. Князь обернулся на коня. Понял — не успеет сесть в седло.

Выдернул из ножен меч.

— Вперед! За Русь!

И побежал через ручей, по мелкой воде. Радужные брызги разлетались в стороны, сверкал остроконечный шлем, искры сыпались с длинного клинка.

Дружинники тоже сорвались с места, гурьбой. И мужики — но эти не все, меньше половины. Остальных удержал Сыч:

— Куда?! Куда?! К пушкам!

Из-за деревьев, отчаянно перебирая ногами, вынеслись двое слухачей. И тут же следом повалили всадники, так что через несколько мгновений древесных стволов стало не видно.

От страшного этого зрелища кучка, ринувшаяся за князем, рассыпалась. Мужики повернули обратно все. Дружинники — почти все. При Глебе, всё так же картинно бежавшем вперед, остались только трое.

Передние всадники на скаку стали стрелять из луков. Воздух наполнился пронзительным свистом, весь зарябил от стремительных, не уследишь взглядом, черточек.

Первым опрокинулся князь. Потом слухачи, так и не достигшие берега. Упали трое не утрашившихся дружинников.

А из рощи выкатывались всё новые и новые конники. Теперь стрелы дождем сыпались и на

этот берег. Втыкались в землю, в мешки, звонко стучали по пушкам.

Кто-то упал, кто-то, согнувшись, завопил от боли. Остальные кинулись за насыпь, попрятались.

Шельма, оцепенело торчавший посреди луга, очнулся, только когда по вороту чиркнула юркая, самую малость промахнувшаяся смерть. Обернулся к коновязи. Понял — не добежать. В спину достанут.

Пал наземь, но и там было скверно.

Пшшш! Близо от головы в почву вошла стрела. Пшшш! — другая. Пшшш! — третья.

— Купец, сюда!

Это Сыч кричал, махал рукой, укрытый за мешками.

Яшка пополз к нему на четвереньках, но мельник не стал ждать. Поднялся, подбежал, схватил за шиворот. Потацил к крайней бомбасте. В руке у Сыча чернела, а на кончике алела кочерга.

— Куда тыкать? Пали! Пали, гад!

Теперь было не видно и брода — с плеском, с топотом его заполонила конница. Стрелы летели гуще прежнего, не высунешься. Никто из тарусцев и не высывался, жались к мешкам, не поднимая голов. Только Сыч да злосчастный Яшка торчали на виду.

— На! Пали!

Мельник совал в руку раскаленную железку. Шельма не брал, мотал головой.

— Куда тыкать? Зубами загрызу! — взрычал Сыч. Ощеренный, всклокоченный, он показался Яшке страшнее татар.

Трясущимся пальцем Шельма показал на запальную дырку.

Сыч качнулся. Ему в середину груди с хрустом вонзилась хвостатая штуковина. Но мель-

ник не упал, а, по-прежнему таща за собой Яшку, шагнул к бомбасте и сунул кочергой в засыпанное черным прахом отверстие.

В ушах у Шельмы что-то лопнуло. По спине будто стукнуло большущей лопатой.

Это он, сшибленный могучей силой, ударился о землю. В глазах побелело от густого дыма. И стало тихо. Как в могиле.

Оглох.

Близко, всего в шаге, навзничь лежал Сыч. Из-под закрытого глаза у него торчала еще одна стрела.

Но второй глаз вдруг открылся. Сыч рывком сел. Посмотрел единственным оком на Яшку.

Шевельнулись губы:

— Вставай, гад! За мной!

— На что я тебе? Пусти!

Но сильная рука снова ухватила Яшку за шиворот. Поволокла куда-то через сизую тучу.

Мельника шатало. Зажатая в другой руке кочерга прочерчивала во мгле огненные зигзаги. Кончик задел Шельму по ноге. Яшка взвизгнул, вырвался, отскочил.

И Сыч, слава те господи, пропал в пахучем тумане.

Снова жахнуло. Грохота Яшка не услышал, но от воздушного удара качнулся.

И еще.

И еще.

А потом уже ничего не было. Оглушенный, ошалевший, Шельма еле держался на ногах, хлопал глазами. Вокруг был дым, только дым.

Но дунул ветерок, и пелена проредилась.

Оказалось, Яшка стоит один-одинешенек. Дружинников с ополченцами не видать — спря-

тались за утыканным стрелами мешочным валом. Тяжелые пушки валяются разбросанные и перевернутые. Под крайней, придавленный, лежит неподвижный Сыч. Кочерга отлетела Яшке прямо под ноги, как только сызнава не обожгла. Но удивительней всего, что куда-то подевались все татары.

В воде лежали темные кучи и кучки. На том берегу — тела и лошадиные туши. Край рощи был весь ободраный: ветки переломаны, кора висит клочьями, многие молодые дубки перешиблены. По-над бродом витают серые облачка еще не совсем рассеявшегося дыма.

Сзади кто-то дотронулся до Шельминоного плеча — он чуть не подпрыгнул.

Щука, подручный Сыча. Глаза выпученные.

— Яков, это всё ты? — беззвучно проговорили губы. Перст дрожал, указывал на побоище.

— Где татары? — спросил Яшка.

— А?

Тоже глухой.

— Татары где? Татары!

— Татары? Убегли. Пушек твоих напугались.

А Федорыч где?

— Прилягу я, — слабым, неслышным самому себе голосом пролепетал Шельма. — Мотает меня что-то...

И осел на корточки. Ноги больше не держали. Так же мягко повалился набок. В висках стучало, перед глазами крутились желтые колеса.

Провалитесь вы с вашими битвами. А не хотите — сам провалюсь.

И провалился.

* * *

Падал на жесткое, а очнулся на мягком. Кто-то переложил обеспамятевшего Яшку на мешки с травой, пристроил под голову свернутую попону, заботливо укрыл плащом.

Шельма открыл глаза, помигал, вспоминая, где он и что.

Вспомнил. Сел.

На траве в ряд лежали убитые тарусцы, десятка полтора. Князь — отдельно, на телеге, с благочестиво сложенными на груди руками, красивый и строгий. Татарская стрела угодила ему меж стальных пластин, прямо в сердце, так что смерть была мгновенной, и черты не исказились.

Половина оставшихся были ранены — стрелы сыпались так густо, что доставали и в укрытии.

Не успел Яшка оглядеться, как кто-то крикнул:
— Пушкарь опамятовал!

Слышно было глухо, словно через шерсть. Уши еще не оправились от великого грохота.

Шельму обступили.

— Что делать, пушкарь?

Он не столько расслышал, сколько догадался.

— Ноги уносить. Сейчас опомнятся, вернутся — килтык нам всем, — гулко ответил Яшка.

— А? Что он?

И они все тоже оглохли.

— Чесать отсюда надо! Того и гляди татары вернутся, а палить больше не из чего! — Для наглядности он показал на перевернутые бомбасты. — Были пушки, да все вышли!

— Ааа, — протянул Щука. Заорал остальным: — И то! Как мы сами-то не сдумали?

Все побежали — но не прочь от воды, а наоборот, к бомбастам. Навалились, стали укладывать их на места. Кто-то кинулся собирать камни для заряда, другие катили бочонок с прахом.

Ох и дурной же народ! Неужто им мало? Да пропадите вы пропадом!

И Шельма побежал к деревьям. Вскочил на коня, ударил каблуками.

По берегу во весь опор гнал один из дозорных, размахивал снятым шлемом, что-то орал.

Яшка натянул поводья. Понятно: сражение проиграно. Но, прежде чем улепетывать, хорошо бы узнать, в какую сторону бежит войско, — и самому повернуть наособицу.

Дружинник подлетел ближе, и Яшка прочел по губам невероятное:

— Бегут татары! Бегут! Наш засадный полк по ним ударил! Все поле мертвыми завале...

Тут дозорный увидал, что здесь оба берега — и этот, а пуще того другой — тоже покрыты телами.

— Эвона как у вас... То-то грохотало по-над водой... Ишь, татарвы сколько положили... Ну, у вас тут сеча хуже, чем там, была. — И вскрикнул, посмотрев на телегу: — Ох, князюшка наш! Убит?

Шельма кивнул. Не мог охватить рассудком: как это — русские Орду побили? Разве такое бывает?

— А Бойка где?

— Тоже.

— И мельник?

— И мельник.

Воин перекрестился.

— Значит, теперь ты главный? Что делать велишь? К великому князю скакать, доложить?

— Давай, — равнодушно сказал Шельма.

Ныне, когда бежать-спасаться стало незачем, из него разом будто ушла вся сила. Он зашатался в седле, с трудом слез. Согнулся пополам, густо протошнился. Пал на четвереньки, отполз насколько смог. Свернулся калачиком, подрожал немного и уснул, теперь надолго.

Растолкали его уже вечером.

— Вставай, пушкарь! Едут!

Яшка поднялся. Посмотрел вокруг. Вздогнул.

Вода в ручье была багровая. Неужто от крови?

Нет, то прощалось с кровавым днем заходящее солнце.

Слух, однако, прочистился. Было слышно, как в покалеченной дубраве радуются обильной жратве вóроны.

— Кто едет?

— А вона. Уж не сам ли государь?

Повернулся в другую сторону — и точно: вдоль Непрядвы, от Дона, приближался целый сонм конных. Скоро стало видно, что впереди всех великий князь Дмитрий — голова обвязана тряпкой, рука на перевязи.

Тарусцы, кто мог стоять, обступили Шельму.

Дмитрий Иванович сначала осмотрел побоище, даже в воду заехал. Удивленно покачал голо-

вой на посеченные деревья, на груды трупов. Зычным голосом обратился к свите:

— Пронес Господь. Кабы татары отсюда нам в тыл зашли — конец. Ай да тарусцы!

И теперь уже направил коня к кучке уцелевших.

— Где князь Глеб? Обнять его хочу.

Ему показали.

Дмитрий спешился, снял шапку и обнял-таки Глеба Ильича, хоть и мертвого. Облобызал.

— Первым побежал на татар. Первым и лег, — сказал кто-то из дружинников.

— Первым? — Великий князь обернулся. — А кто над пушками начальствовал? Кто поганых вспять оборотил?

Все обернулись на Шельму.

— Вот он, Яков-пушкарь. Пушки-то его.

Тут Дмитрий Иванович поцеловал и Шельму. Трижды.

Подставляя щеки под жесткие уста московского самодержателя, Яшка думал, что в мире всё стоит на неправде. Истинный победитель татар вон в траве валяется, рачительные мужики с него уж и порты с сапогами сняли. И про сечу эту на куликовом поле, на Непрядве-реке, тоже потом всё перевернут. Станут чествовать одних,

кого, может, и не за что, а тех, кого надо бы, и не вспомнят. И всегда оно так... Ладно. Не нами мир поставлен, не нам его и бранить. Особенно ежели он в твою пользу неправдствует.

— Хороши твои пушки, ох хороши, — сказал великий князь. — Не продашь ли? Ты ведь купец, я помню. Продай, у меня ныне серебра много. В Мамаевой ставке взяли. Хочешь по весу дам, серебро за железо? Сколько они весят, твои бомбасты? Пудов по пять, по шесть?

— По семь с половиной, — быстро ответил Шельма.

— Ну, тридцать пудов серебра я тебе не дам, — спохватился Дмитрий Иванович. — А пятнадцать — пожалуй.

Яшка только крикнул, абакус в голове так и защелкал. Пятнадцать пудов это... шестьсот фунтов... один фунт — сто немецких серебряных грошей. Сколько же это выйдет?

Святая заступница! Истинно богатство к богатству!

Приняв молчание за колебание, князь вкрадчиво добавил:

— А за доблесть в бою еще ярлык тебе дам на беспошлинную торговлю по всем московским землям. И грамоту о том велю выписать.

Московский ярлык с Егорием Победоносцем — все равно что ордынская пайцца. А теперь, пожалуй, и ценнее. Где она, Орда? А Москва взлетит высоко.

Подождал Шельма немного, не расщедрится ли великий князь еще на что-нибудь. Но и так выходило куда как щедро.

Плеснул рукой:

— Эх, была не была! Забирай, государь! Себе в убыль, Руси-матушке на пользу!

**ПЛАЧ О СТРАШНОМ СУДЕ
И НЕОТВРАТНОМ ВОЗДАЯНИИ**

Назад не ехали, а еле волоклись. Кабы не поклажа в бывшей пушечной повозке, Яшка полетел бы на быстрых крылах к драгоценной змеюшке, разлука с которой томила его нетерпеливое сердце, но пятнадцать пудов московских рублей, рубленого серебра, держали крепко. Да и опасно было по нынешним временам шляться по степи в одиночку: всюду бродили отбившиеся от Орды татары, и своих, русских лиходеев, сбежавших из войска в расчете погулять-пограбить, тоже хватало.

А тут охрана, и все с почтением. Держат за главного начальника и былинного богатыря. Пришлось даже отчество себе выдумать — ни в какую не желали обращаться к такому большому человеку без величания. Был Яшка, стал Яков

Дмитрич, в воспоминание о московском князе, отце-благодетеле.

Плелись по-улицы по двум причинам, и обе досадные.

Во-первых, из-за мертвого князя. Он лежал в передней телеге, накрытый от мух лопухами. По-русски, видишь ли, покойников быстро не возят, только медленным, скорбным шагом.

Во-вторых, из-за раненых. Самых слабых пристроили на вторую телегу, а двоих тяжелых кое-как уложили на Шельмино серебро. Но остальные ковыляли на своих двоих, скоро уставали, и приходилось останавливаться, ждать, пока отдохнут.

За день проходили верст десять, много пятнадцать. Яшка сначала злобствовал, но потом смирился, ибо что толку злиться на обстоятельства, изменить которые невозможно? Научись получать от них выгоду либо приятствие, и тем будь отраден.

Выгоды никакой не изобрелось, поэтому Шельма удовольствовался приятствием. Ехал важно, впереди всех, чтоб не глотать пыли, и лениво размышлял про всякое досужное. Такое умственно-бесполезное занятие именовалось «философия».

Вот взять человеческую жизнь. На что она похожа? На доску для Боховой игры в шахи. Двигаешься малой фигуркой с черного на белое, с белого на черное, и окружные хотят тебя сожрать, а ты норовишь слопать их. Однако это одна видимость, ибо на самом деле перешагиваешь с клетки на клетку не ты, а тебя переставляет чья-то рука. Не ты играешь — тобою играют. И что у Играющего на уме, фигурке понять не дано. Только что стояла она прегордым ферзем на белом поле, и вот уже валяется в гробовом ларце. Но бывает и иначе. Был ты пешкой бесильной, готовился проститься с белым светом, но невидимая рука довела тебя до некоей заветной черты — и стал ты ферзем, царем природы. И все тебе нипочем.

Кроме жизни размышлялось о вовсе непривычном — о смерти. А как о ней, проклятой, было не думать, если повсюду валялись мертвые татары? Обоз следовал через места, по которым только что гнали-убивали разбитую Орду.

Мир выглядел так, будто Апокалипсис уже грянул, Страшный суд свершился, малое число праведников вознеслось за облака, а все прочее человечество по грехам его истреблено в корень и брошено догнивать на опоганенной Земле.

Глядя на трупы — ободранные и раздетые (с этим у нас быстро), Шельма вспоминал древнее речение: человек рождается наг и таким же нагим уходит, сколь бы ни был богат. Это бы ладно. На том свете одежды и богатства ни к чему. Однако, если верить попам, за всё содеянное на земле придется нести ответ на Страшном суде: за убийства, обманы, покражи и прочее. В убийствах он, Яшка, не грешен, однако по другим статьям понаलिпло много чего. Предстанешь пред Господом наг и очевиден — не отопрешься, не словчишь.

С другой стороны, нужно ли верить попам? Может, они это для своего удобства измыслили, чтобы людей пугать. Нет, наверное, никакого Страшного суда, брехня всё. Семь лет назад был у Шельмы напарник, поп Лужка. Устроились они на дороге в Троицкую обитель, куда паломники к старцу Сергию Радонежскому за наставлением ходят. Яшка изображал на перекрестке юродивого. Показывал богомольцам, которые побогаче, как к праведнику дойти: тропочкой, через лес. А там, в чаще, стоял скит, где сидел Лужка, кормил ручного медведя, представлял из себя святого старца. Поп изрекал мудрое, принимал подношения на обитель. Хорошо поживились. Лужка был враль и выверт каких мало, а

тоже боялся Страшного суда. Бывало, напьется и плачет, что черти его будут на огне жечь. И хорошо бы, потому что в конце концов Лужка надул товарища — сбежал со всем хабаром. Непременно его за это покарает Господь.

Кроме философского думалось про земное, привычное.

Что-то засомневался Яшка, надо ли ему уезжать за моря. Там, конечно, порядку больше и богато купцу есть где развернуться. Это правда. А на Руси жуть, на Руси татары, на Руси нет закона торговому человеку в защиту. Тоже правда.

Однако где жуть, там и прибыль — давно известно. Татары ныне — от дохлой кобылы хвост. А что касаясь беззакония, то это страшно для слабого, для сильного же очень даже приятно. С ярлыком, с грамотой от самого великого князя Шельма попадал в сильные, на кого никакой посадник-воевода не тявкнет. С пятнадцатью пудами серебра, да с алмазной змеей, которая того серебра вдесятеро дороже, да с государевым покровительством, да с беспощинностью — это ж как развернуться можно!

И было еще одно соображение, немаловажное. В Европе рано или поздно могут явиться от Боха — тот же (брррр!) Габриэль. У Ганзы всюду

свои лазутчики. А на Руси поди-ка, немчура, сунься к государеву подзащитнику.

Вот и гляди, нужно уезжать в чужие края либо нет.

Если прискучивало философствовать и прикидывать будущее, Яшка запускал буланого вскачь, носился по полю широким кругом — прочистить голову ветром. Далеко от своих, впрочем, не отъезжал, мало ли. И постреливал во все стороны взглядом, потому что у умного человека глаза всегда в работе: нет ли где какой опасности или, наоборот, выгоды.

На третий день медленного пути, верстах в тридцати от поля брани, остановился над одним из мертвецов. Их тут было меньше, но все еще попадались.

Сначала внимание привлек издохший конь — белый, тонконогий, чистых арабских кровей, хоть царю под седло. Потом посмотрел на лежавшего здесь же покойника да присвистнул.

Это и был царь. Верней хан, что одно и то же.

Мухаммед-Булак, некогда прекрасный собой юнош и законный государь Золотой Орды, а ныне просто голый труп с рассеченным затыл-

ком. Видно, под ханом споткнулся скакун, и налетела погоня, да не разбирая рубанули с плеча, а после ободрали вчистую.

Вон оно как с ферзями-то бывает...

Подъехали телеги.

— Знакомого встретил, Яков Дмитрич? — спросили у Шельмы сочувственно.

— Да. Боярина одного сынок.

— А похож на татарина.

— Мать у него татарка. Похороните его честно, ребята.

Закопали Чингисханова потомка наскоро, неглубоко. Сверху выложили крест из камней — дерево в этих голых краях взять было негде. Один дружинник знал молитвы, попел немножко, да и поехали дальше.

Не то чтоб Шельме было жалко оставлять высокородного отрока, несосватанного жениха на поклев воронам, но есть правило: видишь нечто, имеющее ценность, не оставляй на дороге, прибережи в укромное место. Может, после пригодится.

И ведь пригодилось.

Еще через два дня, в диком поле, случилось нехорошее.

На дальнем кургане откуда ни возьмись вырос всадник в малахае. Поднял руку с нагайкой, и через минуту вокруг, будто из-под земли, собралось не меньше сотни других.

Татары! Готовятся напасть!

Тарусцы сбились вокруг повозок, загалдели.

Было их человек сорок, половина израненные. Погибать всегда неохота, а после победы, недалеко от родного дома — особенно.

— Пропали мы! — кричали одни.

— Биться будем или как? — вопрошали другие.

Им отвечали:

— Как биться-то? Стрелами истыкают, а нам и укрыться негде.

И все смотрели на Яшку — что прикажет.

Он опомнился от испуга первым.

— Всем здесь быть! Я поеду к ним, поговорю. Если махну шапкой, не ждите меня, езжайте дальше.

— Куда на погибель, Яков Дмитрич? Лучше вместе ляжем! Может, пронесет Господь!

Но какой там «пронесет» — конники уже начали спускаться с холма, разгоняться для атаки.

Шельма пришпорил коня, помчался навстречу, размахивая рукой.

Кричал по-татарски:

— Эгегей! Погодите! Не стреляйте!

Татары остановились. Куда им было торопиться?

Подъехав, Яшка объявил:

— Я свой, татарин. Переоделся после битвы, прибился к русам. Кто у вас начальник?

— Ну я, — ответил сотник.

— А над тобой кто?

— Давлет-бек.

— Веди меня скорей к нему. Дело великой срочности и важности!

— Да кто ты такой? Из какого улуса? Кому служишь?

— Я человек благородного Шарифа-мурзы. Слышал про такого?

— Как не слышать...

Сотник глядел то на Шельму, то на обоз. Во взгляде читалось недоверие.

— А может, ты нас от русов уводишь? Что у них в повозках?

— Убитые и раненые. Нельзя время терять! Поспешим! Если что — догоните их. Куда они в степи денутся? Скачем к вашему беку. Скорее!

Юзбаш нехотя развернул коня.

— Ладно. Но если соврал, пожалеешь.

Махнул Яшка своим — езжайте, увозите мое серебро, и поскакал с татарами.

...Меньше чем через час прибыли они к немалому становищу, подле которого пасся огромный табун лошадей. Пока мчали рысью, сотник объяснил, что они, люди Давлет-бека, ловят осиротевших коней, которых после битвы по степи бегают множество тысяч, и отбирают самых лучших. Видно, бек этот был не дурак. Сообразил, что и от поражения можно поживиться.

Очень хорошо, что не дурак.

— Верно ли, что ты слуга Шарифа-мурзы? — вот первое, что спросил, выслушав сотника, горбоносый, узкоглазый татарин в грязном шелковом халате, перепоясанном красным кушаком. — Я знаю Шарифа-мурзу. Ну-ка, какая у него любимая присказка?

— «Чтоб мне не насмешить Аллаха», — ответил Яшка и сразу перешел к делу.

— Это и есть важное? — Бек пренебрежительно дернул плечом. — Кому нужендохлый хан? Он и при жизни мало что значил. За труп Мухаммед-Булака я от Мамаю ничего не получу.

Не дурак, но и не шибко умен, понял Шельма. Пришлось объяснить:

— От Мамаю не получишь. А вот Тохтамыш тебя одарит щедро, когда получит доказательство, что законный хан мертв. Впрочем, как зна-

ешь. Поскачу к Шарифу-мурзе. Он мудр и понимает, на чьей стороне сила.

— Постой, постой... — забормотал Давлет.

Сообразил: чем разбитого Мамаю держаться, лучше перейти к новому господину. С таким-то подарком!

— А далеко до того места?

— Быстро поедем — за пару часов домчим.

— И что ты хочешь за указку?

— Двадцать лучших коней из табуна, на мой выбор, дашь?

Татарин облегченно рассмеялся.

— Бери. Других наловим.

Своих Яшка нагнал вечером, на привале. Был он усталый, но очень собой довольный.

Услышав топот, тарусцы с перепугу опять сбились в кучу, оцетинились копыями-топорами. Когда увидели, что это Шельма с ватагой ладных коней, — глазам своим не поверили.

— А мы сидим, тебя поминаем! Вот-де человек — татарам головой сдался, а нас спас! Как ты, Яков Дмитрич, цел? Откуда лошади?

— Угнал, — скромно молвил Шельма. — Как поганые спать улеглись, я путы развязал, да и был таков.

С седла спустился не сразу. Дал им полюбоваться, какой он молодец. Подбоченился, да прищурился, да на лбу величавую морщину прорисовал.

Приятно, когда на тебя глядят с восхищением.

* * *

До Тарусы тащились почти две недели.

Уходили на войну жарким летом, вернулись холодной, дождливой осенью. Сентябрь был на исходе.

Со скуки Яшка занимал голову уже вовсе пустяками. Глядел, например, на косяк журавлей, летящих в дальнюю Индию, и думал, что хорошо бы приручить вожака. Тогда каждой птице можно привязать на ногу по низке янтаря, который у них там дорог. А весной птицы прилетали бы обратно, приносили бы алмазы, яхонты, лалы и смарагды. Еще пряности в кожаных мешочках, чтоб не отсырели.

Нет, нельзя. Как только люди прознают — перестреляют из луков к черту все журавлиные стаи и пропадет навеки красивая птица.

А еще хорошо бы найти огненному праху не смертоубийственное, а полезное применение.

Скажем, прикрепить к задку повозки малую пушечку, чтобы стреляла быстро и понемногу. Пальнешь — повозка сама вперед катится. Остановилась — снова пальнуть. И ехать веселей, и лошадей не надо.

Много всякого такого напридумывал, пока ехали. Но вот наконец над речной излучиной показался невеликий, подернутый дымкой градец, и Шельмино воинство ускорило шаг, зашумело. Кто-то крестился, кто-то всхлипывал, дружинники понабожней читали благодарственную молитву.

Скоро и из Тарусы заметили. Радостно, а в то же время и тревожно ударил колокол. С холма вниз побежали бабы, ребятишки.

Их обогнала легкая коляска одвуконь. Яшка прикрыл ладонью глаза от встречного солнца, увидел за спиной у возницы красную шапку и лазоревый плат. Через полминуты понял: боярин Солотчин с дочкой. Переупрямила, значит, Степаниа Карповна батю. Пожелала дожидаться жениха в его тереме. Сейчас увидит, что суженого на телеге привезли, то-то будет реву...

— Разверните князя. Уложите поблагостней! — велел Шельма своим и пришпорил коня, поскакал навстречу.

Захотелось полюбоваться ясным ликом красавицы, пока оно не исказилось от горя. Зачем себе сердце рвать?

— Яков, ты? Стой, стой! — закричал боярин вознице.

Соскочил наземь, кинулся, схватил за уздечку. Был он какой-то вертлявый, суетливый, всё в глаза заглядывал, искательно улыбался. Шельма на него, впрочем, не смотрел. Пожирал глазами боярышню. Господи, до чего ж лучезарна!

Дева была бледна. Слегка поклонилась Яшке. Тихо спросила:

— Где Глебушка? Неужто вправду мертвый? Знает уже, стало быть.

Шельма неопределенно махнул назад:

— Там он... На телеге.

— Поди, доченька, поди, попросайся, — нетерпеливо сказал Солотчин. — Князь Глеб Ильич за Русь-матушку сгинул. Святое дело.

Медленно, нерешительно Степаниа пошла по дороге. Дружинники и мужики остановились, обнажили головы.

Боярин же потянул Шельминого коня в сторону. Зачастил шепотом:

— Беда у меня, Яша, кругом беда! Мамай с поля бежал — всю Рязань пожег, разграбил. Не поглядел, что союзники. Потом московские прошли, хуже татар разорили — за ордынское пособничество. Не осталось у меня ничего. Пепелище. Смерды все поразбежались. Сам-двое с дочкой ушел. И возвращаться некуда. Вотчи-ну-то Дмитрий Иванович, верно, отберет, на кого-нибудь из своих бояр отпишет...

Старик заплакал.

А Шельма всё оборачивался, смотрел на Степанию. Ох походка, ох стать!

Вот дева подошла к скорбной повозке. Всплеснула ручками, зажала нос, попятилась.

Ничего не поделаешь, милая. Герои — они только при жизни герои, а как помрут — мертвое мясо, и оно тухнет.

Отвернулся, направил коня к городу.

Солотчин семенил рядом.

— А про тебя, Яков, слава идет. Отличился ты в славном сражении, по-богатырски. Говорят, будто великий князь тебя щедро наградил серебром. С богатством тебя, Яшенька!

— Что мне серебро? Я и так богат. Видал, каких лошадей себе добыл? Княжеских! Да и лошади — тьфу, — похвастался Шельма, предвкусывая долгожданную встречу с ненаглядной змеюшкой-лапушкой. — Захочу — дюжину таких Тарус куплю.

— И, сказывали, государь Дмитрий Иванович к тебе милостив?

— Лобызал в уста, сулил всякое, — подтвердил Яшка.

Карп Фокич всхлипнул:

— Замолвил бы ты перед ним словечко за старика, а?

— На что ты мне сдался? — удивился Шельма. — Просьбу государю на тебя тратить. Я лучше для торговли что себе выпрошу.

Сзади зазвякала сбруя. Это догоняла коляска. Степаниа сидела на резной скамеечке, утирала слезы. Зря Яшка боялся — ясное личико боярышни и в скорби было прекрасно. Будто за-

шло золотое солнце, и вместо него на небе воссияла серебряная луна, нисколько не уступающая красотой дневному светилу.

Вдруг Солотчин, приметивший Шельмин взгляд, сказал вкрадчиво:

— А бери мою Степашу в жены. Приданого у ней теперь нет, но зачем тебе? Ты и так богатый. Зато она боярская дочь. И собою сахарна.

Яшка чуть не задохнулся:

— Ну ты, боярин, и змей! На что уж я бесстыж, да где мне до тебя! Душа у тебя есть или вся прохудилась? Ты что плетешь?! Девка по жениху слезы льет, а ты ее продаешь!

И не мог дальше говорить, поперхнулся возмущением.

Карп Фокич, не обидевшись на уязвительные речи, пожал плечами:

— Я свою дочку лучше тебя знаю. Она плачет, что ей не судьба тафтяное венчалное платье надеть. Бежали из усадьбы, только его, к сердцу прижав, и вынесла. Степанушка моя — бабочка луговая. Ей бы порхать с цвета на цвет, а более ничего не нужно.

— И пусть порхает! — заступился Яшка за чаровательницу. — Летала бы, крылышками махала, божий мир собою красила!

Боярин обрадовался:

— Вот и я о том же. С богатым купцом ей хорошо будет. Ты ведь для нее не поскупишься на всякие улады, украсы, наряды да игрища? Знаю, что не поскупишься. Будет Степаниа с тобой счастлива, и мне, погорельцу, выгода. Не попустишь же ты, чтоб твоего тестя обидели?

Шельма молчал, глядя на Степанию Карповну. Та вытерла слезы шелковым рукавом, и личико освежилось, будто на смену ночи вновь пришел рассвет. Глаза от плача стали только яснее и ярче. На покойника боярышня не оглядывалась. Бабочки долго печалиться не умеют.

Представил себе Яшка, что она будет с ним рядом каждый божий день, — и задохнулся. Вот оно, счастье, а вовсе не золото-серебро, не камни драгоценные!

Однако тут же и про каменья вспомнил.

Город был уже вот он, до княжьего терема рукой подать. Там, под крыльцом, уезжая на войну, Шельма и спрятал свое сокровище. Ах, змея волшебная, заколдованная! Обернулась красавицей-боярышней. Но при этом и сама, будем надеяться, никуда не пропала.

— Согласен ты аль нет? — с беспокойством спросил Солотчин.

— А она-то что? Вдруг не захочет? Я собою не красавец, с князь-Глебом не сравнюсь.

— Ну, рядом с ним теперешним ты красавец хоть куда, — криво ухмыльнулся боярин, видя, что рыбка клюнула. — Я сейчас, Яшенька, я мигом.

Побежал к коляске, закричал вознице, чтоб придержал лошадей.

Шельма же тем временем спешил у высокого крыльца. Огляделся.

На площади было пусто. Все побежали встречать ратников. Тарусцам не до Яшки. Кто-то сейчас радуется, кто-то воет.

Однако ж осторожности ради еще немножко прошелся. Сделал вид, будто нечто обронил, опустился на корточки. Отодвинул доску, сунул руку...

Есть! Кожаный пояс был на месте, и в нем прощупывалась заветная цепь.

Распрямился, опоясался уже безо всякой опаски.

А здесь как раз и Солотчин окликнул. Его разговор с дочерью длился недолго.

Еще не отошедшее от радости сердце ёкнуло. Отказала! Иначе и быть не могло...

Подходил к коляске — страшился столкнуться с негодующим, презрительным взглядом Степани Карповны. Да как он смел хоть на

минуту подумать, что она с ним, червем, под венец пойдет...

Но боярышня смотрела не гневно, а испытующе, словно видела Шельму в первый раз.

Вздохнула:

— Некрасивый. Пятно какое-то на лбу. Ты хоть добрый?

— Не злой, — честно ответил Яшка.

— А меня любить будешь?

Он встрепенулся — вспомнил науку, как с бабами разговаривать. Степаниа Карповна тоже ведь баба, пускай и первая красавица на всем белом свете.

— Как же тебя не любить? — воскликнул он. — Пылинки сдувать буду. Лепестками розовыми осыпать. Жить со мной станешь, как на облаке небесном. Что пожелаешь — то и сделаю. Луну для тебя с неба достану и звезды прихвачу..

— Некрасивый, а говоришь красиво. — Дева улыбнулась. — Мне нравится тебя слушать.

— А сколько я сказок знаю! — пуще того воодушевился Шельма. — И не только сказок. Я всюду бывал, всякое повидал. Каждый день тебе буду про чудеса рассказывать, про дальние страны, про волшебные приключения.

— И про рыбу-кит? И про мертвую царевну?

— Про что захочешь. Ты вот про пятно на моем лбу помянула. А это не пятно, это знак судьбы.

Он придвинулся, чтобы показать клеймо. Степаниа дотронулась пальчиком — у Яшки по коже пробежали огненные мурашки.

— Ой, змейка!

— То не змейка, а латинская буквица S, как наша буква «Слово». Начало твоего имени: Степаниа. Знак этот у меня на челе с рождения, потому что ты мне Богом сужена.

Лучистые глаза широко раскрылись.

— А пошто буквица латинская? Я ведь русская.

Яшка снисходительно молвил:

— Боярышня, а святцев не читала. Святая Стефаниа латынянка была. Не знала?

— Нет...

— Я тебе и про нее расскажу. Ты ведь в ее честь поименована.

По ясному челу девы вдруг пробежала тень, глаза вновь наполнились слезами. Яшка испугался: не так что сказал?

— Платье-то мое, венчальное, когда я его из горящего дома выносила, попортилось... Рукав правый почернел...

— Пойдешь за меня — другое пошьем, еще краше. Десять платьев хочешь? Иль двадцать?

Длинные ресницы качнулись, пали две хрустальные капельки — и сызнова просияла улыбка.

Карп Фокич больше ждать не стал. Вытащил из-за пазухи образок на снурке, воздел.

— Станьте предо мной, деточки! Благословлю на совет и любовь!

Осенял крестным знаменем — сам прослезился.

А Шельма, ерзая на земле коленками, думал: я много былей и небылей знаю, но эта сказка всех чудесней. Не проснуться бы только.

— Поцелуйтесь, — велел боярин.

Коснулся Яшка своими грешными губами нежных уст Степани, вдохнул сладкий запах ее кожи — и чуть не лишился чувств. С такой жизнью и рая не нужно.

— Счастлива со мной будешь, Богом клянись, — сказал он невесте.

Она кивнула.

Будущий тесть, поднимая Яшку под локоток, вдруг спохватился:

— Про Бога-то... За важной беседой совсем запамятовал, прости старика. Ждет тебя тут один человек. Третий день уже.

— Кто? — удивился Шельма. — Где?

— А в приезжем доме. — Боярин показал на большую избу, что стояла на другой стороне ма-

ленькой площади. — Знакомый твой. Нерусский, а уважительный. Тоже купец. Угощал нас со Степанушкой заморскими сладостями. Звать его Бох, имя такое.

И стали у Шельмы ноги, будто не из костей-мяса, а из гнилого сена. Подогнулись.

Обернулся он на приезжий дом. А там окно нараспашку, и стоит у того окна хер Бох собственной тучной особой, улыбается, манит пухлым перстом. Из-за плеча у немчина торчит Габриэль, и этот-то не улыбается, а глядит, будто бомбасту навел — сейчас выпалит.

* * *

И потемнел вдруг белый свет, и стал серым, а потом черным. Это откуда ни возьмись налетела буря: засвистел ветер, из темной тучи, придавившей землю, хрустнуло громом, ослепило молнией. Полетели листья, сор, обломанные ветки. Столбом взвилась, завихрилась пыль и тут же пропала, смытая хлестким косым ливнем.

У боярина сдуло с головы шапку, у Степанин лазоревый платок, и побежали они догонять пропажу; всхрапнули лошади, укатили коляску вме-

сте с согнувшимся возницей; ускакал, бешено тряся гривой, Яшкин конь.

Шельма стоял под ураганом на опустевшей площади один-одинешенек, сырый и погибший, не двигался.

Но Бох шевельнул пальцем еще раз — плавно и даже не грозно, будто тянул за невидимую лесу, и поплелся Яшка на мановение. Бежать и не потщился. От судьбы кто сбежит? И как? Конь — и тот покинул несчастливца.

Как поднялся в дом, как вошел в горницу, не запомнил. И горницы не разглядел. Было там сумеречно, лишь серел прямоугольник слюдяного окна, уже прикрытого от бури.

Посреди темного покоя — стол, за столом — Бох, позади него, скрестив на груди руки, — Габриэль. Смотреть на них Яшка не решился. Просто встал пред судьей, потупился.

Страшный суд — вот он где, а не там, на поле мертвецов. Ибо Страшный суд — это когда судят не кого-то другого, а одного только тебя. И нет ни исхода, ни надежды.

Бывший ферзь, скинутый с шаховой доски, не пробовал выкрутиться, не оправдывался, не молил о пощаде. Какие тут могут быть оправдания, какая пощада?

— Габриэль, возьми, — сказал купец.

Яшка зажмурился, съежился.

Тяжелые шаги. Грубая рука рванула с чрева кожаный пояс. Однако ни удара, ни какого иного насилия за тем не последовало, и Шельма, устав сдерживать дыхание, глотнул воздуха, открыл глаза.

Бох стоял у окна, любовался алмазной змеей, которая умильно извивалась в его руках.

— Недоумеваешь, как я тебя сызнова нашел? — спросил купец, покосившись на Яшку. — Очень просто. На свете вообще всё много проще, чем кажется. Габриэль видел, как ты выезжал из города с отрядом воинов. И кожаного пояса на тебе не было. Оно и правильно, ибо зачем брать сокровище на войну? Я понял, что змея спрятана где-то здесь и что ты за нею непременно вернешься. Вот ты и вернулся...

Теперь он смотрел прямо на Шельму. Глаза привыкли к полумраку, и Яшка прочел во взоре немчина не гнев, а одно лишь любопытство.

— Скажи, а что это старый мошенник фон Золотшин махал над тобой и дочерью иконкой, крестил воздух? Неужто сия редкостная красавица достанется тебе в жены?

— Теперь уж не достанется... — прошептал Яшка и всхлипнул — жалко стало несбывшегося счастья.

— Что ты бормочешь? Не слышу. Габриэль, побудь за дверью. Он при тебе от страха ни слова сказать не может.

— Неужто она согласилась? — живо спросил Бох, когда они остались вдвоем. — Я видел, как вы поцеловались, и она не отстранилась. Даже не выказала отвращения, что было бы естественно, если б отец выдавал ее замуж против воли.

— С-согласилась... — пролепетал Шельма.

— Значит, что-то в тебе усмотрела. — Купец удивленно покачал головой. — А говорят, чудес не бывает.

— Не бывает, — хмуро молвил Яшка. — Только подумаешь, что бывают, а потом видишь: нет, не бывают.

Наступила тишина. Ненастье, столь внезапно налетевшее на Тарусу, так же быстро и кончилось. Гром больше не гремел, мир прояснился.

Бох подошел к окну, снова его открыл.

— Поди-ка сюда.

«Чего тянет? — думал Шельма, приближаясь. — Будто кот с мышонком».

По площади ехал обоз: впереди скорбная телега с телом тарусского князя, за нею остальные.

Небрежно показав на повозку с рогожными мешками, Бох спросил:

— Это серебро, которое ты получил за мои бомбасты? Сколько заплатил тебе эрцгерцог?

Яшка сказал сколько.

— Неплохая коммерция. Наверное, ты хочешь долю за посредничество?

«Глумиться-то зачем?» — укорил купца Шельма, но, конечно, мысленно. Вслух же поспешно сказал, плеснув руками:

— Что ты, что ты!

Вспомнил еще одну свою вину. Вынул покраденную печатку.

— Вот, майнхер, твоя...

Бох коротко глянул, не взял.

— Один черт знает, где ты успел ею нашлепать. Я давно разослал эстафету, что моя старая печать недействительна. — Он встал прямо перед Яшкой. — ...Ох, плут, и доставил же ты мне хлопот. Редко кому удавалось меня надуть. А дважды — только тебе. Эй, Габриэль, войди!

Вот и всё. Конец. Яшка затрясся, снова закрыл глаза.

Услышал позади скрип досок. Потом — спереди — донесся неожиданный звук. Хихиканье?

— Ой... не могу... Габриэль, ты помнишь? Я расхваливаю канцлеру Мамаю и молодому королю мою алмазную цепь, у Магомет-Булака

разгораются глаза, и тут ты вытягиваешь из своего кожаного пояса какую-то грошовую медяшку, и с нее на пол сыплются кусочки свинца! Я видал на своем веку много смешного, но такого — никогда!

Шельма раскрыл глаза — и не поверил им.

Бох хохотал! Глаза сверкают, зубы блестят.

— Незабываемая минута! За нее тебе, Шельма, спасибо. И гоняться за тобой, вычислять, как сработает твой хитрый ум, тоже было... — Купец не сразу подобрал нужное слово, — ...нескучно. Да перестань ты трястись. Ничего я тебе не сделаю. И Габриэль тебя тоже не тронет.

Палач зарычал — обещание ему не понравилось.

Но Бох строго сказал:

— Стыдись, Габриэль. Ты лежал перед ним беспомощный, он мог тебя зарезать, как ягненка. Но не сделал этого. Этим он рассчитался с тобой за все обиды. Ну-ка скажи: «Я пальцем не трону Йашка Шельм, даже если встречу его в безлюдном месте. Клянусь!»

Страшный человек попыхтел-попыхтел — и повторил.

— Молодец. Ступай.

Они снова остались вдвоем.

Яшка помялся, осторожно спросил, еще не до конца поверив в спасение:

— А как мне... дальше-то?

— Да как хочешь. — Бох пожал круглыми плечами. — Сейчас навсегда распрощаемся. С тобой, конечно, весело, но очень уж хлопотно. Катись на все четыре стороны. Алмазную змею и плату за бомбасты я забрал, но, кажется, у тебя есть табун отменных лошадей? К тому же, слышал я, эрцгерцог Димитр даровал тебе завидные льготы? Вот и торгуй, это лучшее занятие на свете. Более выгодное, чем плутни. Береги свою невесту. Девушка она глупая, но нежная сердцем и очень красивая, а это редко бывает, чтобы в женщине совпадали два столь драгоценных качества. Живи с ней, не обижай.

— Я баб никогда не обижаю, — сказал Яшка. Он уже понял, что бояться нечего, и сразу осмелел. — Скажи, майнхер, а зачем я был тебе нужен? Зачем ты меня с собой в Орду взял? Татарский язык ты знаешь, в пути управился бы и без меня. А чего от меня ждешь, верно, догадывался.

— Не очень, — хихикнул Бох. — Поди угадай, что ты выкинешь. На свете знаешь чего меньше всего? Нескучного. От людей мне давно скучно, а ты занятный. Дорога-то длинная. Не с Габриэ-

лем же мне было досуг коротать. А еще вышла мне от тебя великая и нежданная польза. Зря я, оказывается, на Мамаю ставил. Побили его русские — вот уж воистину чудо из чудес. Хорош я был бы перед королем Тохтермишем, если б помог его худшему врагу. А теперь у меня руки свободны. Благодаря твоей каверзе вышло только лучше.

— И поэтому ты оставляешь меня в живых?

— Ты сам себя оставляешь в живых. Посмотри на ту ветку. — Купец показал на росший за окном вяз, с которого буря сдула все листья, кроме одного-единственного, чудом уцелевшего. — Вот и ты такой же. Цепкий. Я люблю цепких.

И продолжил, вполголоса:

— Значение имеет дерево, а не листья на нем. Для здорового роста даже необходимо, чтобы листья гибли и обновлялись. Дерево растет медленно. Главное, чтобы оно не засохло, не погибло от удара молнии, чтоб не искривился и не расщепился ствол. А сколько распухнет и увянет листьев, сколько их сорвет ветер — важности не имеет. Что жалеть листья?

— А? — подумав, спросил Яшка.

Бох удивленно воззрился на него:

— Ты еще не ушел? Мы обо всем поговорили.
Прощай.

Сел к столу, придвинул конторскую книгу, подпер рукой большую голову, надел на нее ба-рет — значит, беседа окончена.

На цыпочках, стараясь не мешать, Шельма двинулся к двери. Но на пороге задержался, обернулся, покашлял.

— Чего тебе еще? — оторвался от записей Бох.

Яшка нерешительно спросил:

— А ты точно немец?

— Немец-немец, кто ж еще, — буркнул купец и снова уткнулся в цифирь. — Всё. Иди себе с Богом. Надоел.

СОДЕРЖАНИЕ

Житие несвятого Иакова	5
Поучение мудрого хитрому	27
Слово о дальних странствиях	47
Чудо о волшебной змее	73
Дастан о заколдованной деве	101
Видение о благодарных душах	121
Хождение за три степи	143
Сказ о добром молодце и красной девице	177
Повесть о неправде на Непрядве	207
Плач о Страшном суде и неотвратном воздаянии	253

Литературно-художественное издание

История Российского государства

16+

Борис Акунин

БОХ И ШЕЛЬМА

Повесть

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

Зав. группой *М.С. Сергеева*
Ответственный редактор *Т.Н. Захарова*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-қабат.

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.09.2018 г. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 15,12. Доп. тираж 2000 экз. Заказ 7457/18.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3 «А». www.pareto-print.ru

◆

*«Бох и Шельма» —
плутовская повесть о русском средневековье,
а еще это уникальная возможность
для читателя задуматься о ключевых
вопросах, ответы на которые
и сегодня остаются открытыми.*

◆

Немецкий купец Бох знает, что русский парень Яшка — продувная бестия, но всё равно нанимает его на работу. Зачем? Бох говорит: «На свете знаешь чего меньше всего? Нескучного. От людей мне давно скучно, а ты занятный. Дорога-то длинная». Изворотливый ум несет Яшке и удачу и беды — то он вор, а то герой. Начинная с мелкого жульничества, Шельма постепенно дорастает до первого крупного дела...

◆

ISBN 978-5-17-982578-4

9 785179 825784

www.ast.ru